
Россия, Русь! Храни себя, храни!

4
2013

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор САУЛКИН. Крокодиловы слёзы «Союза Меча и Орала»	3
Ростислав АНТОНОВ. К новой колонизации России	10
Сергей КАРА-МУРЗА. Светлый миф о частной собственности	77
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	100
Людмила РЯБИЧЕНКО. Законы перераспределения детей	163
Эмма МЕНШИКОВА. Провинция Отечества. Очерки русской жизни. Продолжение	170

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. В тревожном ожиданье... Стихи ...	15
Валентин УСТИНОВ. Солнце, пахнущее весной. Стихи ...	91
Иван РЫЖИКОВ. Иду к истокам. Стихи	96
Алла ЛИНЁВА. Не погасится свет... Стихи	198
Павел РЫКОВ. Колодец. Стихи	201

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. Чёрное перо серой вороны. Роман. Продолжение	21
Владимир ПРОНСКИЙ. Рассказы	144

РУССКИЙ ВОПРОС

Валерий МОШЕВ. Вернуть России русских	205
Дмитрий САВВИН. Конституционная прописка	209
Эдуард ПОПОВ. Миграционная политика либералов	213
Владислав ГУЛЕВИЧ. Русские на Кавказе	216
Денис ТЕРЕНТЬЕВ. Кто в доме хозяин?	220

ДОСЬЕ «МГ»

Сергей КОМКОВ. Министерство без образования	224
Василий ВАНЬКОВ. Чубайс	232
Александр РОСЛЯКОВ. Страшной войны	243
К чему приведёт «толерантность» в иммиграционной политике (Заявление Национального Медиа-Союза)	249

ИСКУССТВО

Марк ЛЮБОМУДРОВ. Театр — это вторая родина	253
---	-----

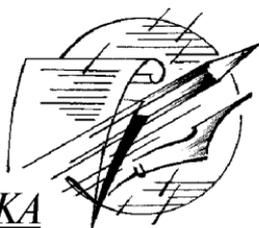
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Владимир ЧИВИЛИХИН. Память. Отрывок из книги	281
--	-----

КРОКОДИЛОВЫ СЛЁЗЫ «СОЮЗА МЕЧА И ОРАЛА»

Реакция «прогрессивной общественности» на закон, запрещающий усыновление российских детей американцами, была на удивление дружной и временами напоминала настоящую истерику. Никогда не поверю, что либеральных журналистов и звезд «гламура» внезапно так обеспокоила судьба российских детей-инвалидов. Разумеется, значительная часть российской интеллигенции, полностью разочаровавшись в вождях «оранжевого болота», всё же не может отказать себе в удовольствии очередной раз пнуть «тоталитарную» власть. Тем более повод благородный — забота о детях. Такое впечатление, что современный Остап Бендер выехал на российские просторы и, собирая «креативный класс» на заседания местных отделений «Союза Меча и Орала», таинственно произносит: «Только забота о несчастных обездоленных сиротках. Ничего больше». И при этом многозначительно добавляет: «Заграница нам поможет».

На самом деле на пресс-конференции Владимира Путина, повторяясь почти слово в слово, прозвучали восемь вопросов на одну и ту же тему от представителей российских либеральных и запад-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ных СМИ. Можно утверждать, что президенту приходилось восемь раз терпеливо отвечать на один и тот же вопрос. Не глухие же сидели в зале, что это — непрофессионализм журналистов? Скорее всего каждый из этих работников СМИ должен был отработать поставленную руководством задачу. Один из журналистов даже назвал закон «людоедским». Путин терпеливо и доходчиво в очередной раз объяснял смысл закона «инвалидам умственного труда», но слушать его никто из российских либералов и западных журналистов, похоже, не собирался.

Владимир Савичев в своей статье «Челночная дипломатия. Второй фронт» очень точно определил причину такого дружного негодования «передовой» российской и американской общественности. Внезапно в тартарары летят все многолетние усилия по созданию ювенальной системы. Столько лет они старательно продумывали и выстраивали систему, позволяющую отнимать русских детей у родителей, помещать в детские дома, а затем продавать за границу — и неожиданно всё рушится! Есть отчего «грантоедом» впасть в панику и закатить истерику. Гранты-то получены и проедены, а тут какой-то «закон Димы Яковлева». Началась паника и в рядах тех, кто выстроил «успешный бизнес» на продаже российских детей. И естественно возмущение в вашингтонской Орде: почему русские покорно отдают дань нефtedолларами, но неожиданно отказываются отдавать ордынским баскакам дань русскими детьми!

В статье «Баскаки «новой орды» и ювенальный фашизм» мне приходилось размышлять над тем, чем могут закончиться в России попытки отбирать детей, говорил о тесной связи ювенальщиков с различными НПО (неправительственными организациями) и «оранжевым болотом». И вот сегодня «закон Димы Яковлева» не только запрещает американцам усыновлять российских детей, но ограничивает деятельность этих самых НПО. Возмущение в Орде вполне объяснимо — так, глядишь, и баскаков из «экономического блока» правительства выгонять начнут. Если уж НПО, продвигающие «демократию» в покоренном улусе, постепенно убирают или заставляют во всеуслышание признать себя слугами Орды, то могут скоро отказаться и вовсе дань платить. Мы совсем недавно видели, как в администрации США посчитали невиданным оскорблением выдворение из России НПО, в чью обязанность входило учить русских «демократии» и разъяснять, что такое «общечеловеческие ценности». Недопустимые проявления рецидивов «тоталитарного мышления» и «имперского прошлого»! Хилари Клинтон тут же стала пугать американцев возможностью восстановления СССР.

На самом деле, чтобы спокойно рассуждать о запрете на усыновление американцами наших детей, необходимо разграничить несколько вопросов.

Первый вопрос: надо ли было отвечать на закон или, как называют, «акт Магницкого»? Любому здравомыслящему человеку ясно, что жесткий ответ был необходим. Смириться с «законом Магницкого» означает признать утрату суверенитета и распространение юрисдикции США на территорию России. «Закон Магницкого» — ультиматум: или вы покоряетесь и послушно выполняете все, что желает Вашингтон, или любой из жителей России объявляется врагом США и может быть арестован в любом государстве, которое является союзником Америки. Могут пострадать не только политики, чьи деньги хранятся в западных банках. В «список Магнитского» спецслужбы США могут тайно вносить всех, кто, по их мнению, занимается деятельностью, противоречащей американским интересам. А поэтому в этот список может быть внесен любой политик, бизнесмен, журналист и просто любой гражданин России, который не понравится США, но осмелится отправиться, скажем, во Францию или Италию, Германию или Испанию. Пока акт о «списке Магницкого» не предполагает арест такого «врага США» на территории союзных Америке государств. Но предложения разрешить подобные действия спецслужбам США звучали и серьезно рассматривались. «Акт Магницкого» — полное попрание международного права, которое граничит с международным терроризмом. Жалкая поправка Веника по сравнению с «законом Магницкого» — мелкая пакость. «Закон Магницкого» может выстроить настоящий «железный занавес» вокруг России. Конечно, французам, итальянцам, немцам и испанцам от такого «беспредела» заокеанского союзника тоже удовольствия мало. Но надеяться на то, что европейцы откажутся выполнять волю грозной вашингтонской Орды, не приходится.

Вопрос второй. «Да, мы согласны, что на «закон Магницкого» отвечать надо было, но при чем здесь несчастные дети, дети-то почему страдать должны?» — искренне вопрошают некоторые россияне, которым «Эхо Москвы» доходчиво объяснило, что дать жесткий ответ Вашингтону вынудили Госдуму чиновники-коррупционеры, опасаясь за свои счета в западных банках и недвижимость в европейских столицах. Воров-коррупционеры мстят американцам, а дети-инвалиды стали разменной картой. Но для тех, кто знаком с настоящим положением дел, не является секретом, что доля инвалидов среди усыновленных американцами российских детей крайне мала.

Не собираюсь представлять американцев какими-то монстрами. Хотя в США, как и в Европе, семьям, усыновившим детей, выплачивают весьма внушительные суммы. И не все, кто усыновляет детей, делают это из великой любви к сирот-

кам. Хотя известно, что многие американцы из лучших побуждений в свое время усыновляли маленьких вьетнамцев, чьи родители погибли. О проблемах, которые при этом возникали, индосказательно говорится в детском фильме о маленьком мышонке, которого усыновила американская семья («Стюарт Литл»). Надо заметить, что в «одноэтажной», провинциальной Америке живет много добрых и порядочных людей, сохранивших представления о христианской нравственности. Об этом не раз мне рассказывали православные священники, бывавшие, жившие или живущие в США. Но эта христианская протестантская белая Америка, как пишет американский консерватор Патрик Бьюкенен, словно айсберг размывается и постепенно уходит под воду от методичных воздействий всяких «неоконов» и прочих покровителей содомитов и открытых сатанистов. Наверное, нет ничего плохого в том, что многие белые американцы искренне хотели бы усыновить русских детей. Американцам англосаксонского, ирландского, немецкого происхождения хотелось бы усыновить не негритянского, азиатского или латиноамериканского мальчика, а светловолосого европейского ребенка. А таких детей можно усыновить сегодня только в России. Но нам-то что делать, смириться с тем, что русских детей ювенальные баскаки будут отбирать у русских матерей и продавать за границу? О том, что в этом «бизнесе» участвуют некоторые чиновники, сотрудники опеки и директора детских домов, много писали, приводили неопровержимые доказательства.

Русских детей отправим в благополучные семьи в США и Европу, а в Россию — миллионами станем завозить «трудовых мигрантов». Постепенно произойдет замещение населения. И наконец-то «проклятый русский вопрос» будет решен, к великой радости «заклятых друзей» России. Разве мы имеем право допустить подобное развитие событий? Может ли страна вместе с нефтью и газом экспортировать детей?

«Да, но ведь мы сами виноваты, мы ведь своих русских детей не спешим усыновить», — справедливо замечают критики. Все это так. Спорить не приходится, миллионы сирот в нашей стране в мирное время — невиданный позор. Но когда я вижу, как либеральные журналисты упрекают Россию в «людоедских» законах, запрещающих вывозить русских детей за границу, очень хочется задать этим господам ряд вопросов. Не вы ли, господа либералы, рукоплескали «шоковой терапии» Гайдара? А разве не **людоедской** была политика Гайдара и Чубайса, спокойно утверждавших, что когда вымрут те, кто не вписался в «рынок» (пенсионеры, инвалиды, обездолженные), тогда и начнется эпоха экономического подъема в России? Разве не либе-

ральные реформы ваших любимцев разрушили градообразующие предприятия, многие НИИ, колхозы и совхозы, ввергли подавляющую часть населения в нищету, наполнили наши города бомжами и беспризорными детьми? Не вы ли в своих СМИ, с телеэкрана внушали все эти десятилетия, что законы конкуренции — святое, строили общество, где человек человеку — не брат, а конкурент. Не вы ли методично внушали — «бери от жизни всё!»? И сегодня вы, лицемеры, проливаете крокодиловы слезы и гневно упрекаете народ, который чуть не уморили своими реформами, в том, что он не спешит разбирать сирот из детдомов?! Никогда не поверю, что у этих певцов «болота» и «норковой оппозиции» внезапно проснулась совесть.

Они отработывают свои «сребреники», полученные за дисциплинированное участие в информационной войне против России. Либеральные СМИ ни одного слова не сказали о том, как ювенальщики отбирают из малоимущих семей детей и помещают их в детские дома, делая сиротами при живых родителях. Но достаточно было нахмурить брови и одобрительно кивнуть «отцам русской демократии, особам, приближенным к Госдепу», как члены либерального «Союза Меча и Орала», заливаясь крокодиловыми слезами, отважно набросились на «авторитарную власть». Конечно, никакой политики — «всего лишь помощь бедным детям».

Вопрос третий. Справедливо замечают, что многие воспитанники детских домов не могут устроиться во взрослой жизни и попадают в тюрьму. Нас спрашивают: «Если не желаете отдавать детей из детских домов за границу в благополучные семьи, то как же вы собираетесь обеспечить им достойную жизнь в России?» Но неужели пребывание в детском доме неизбежно должно направлять воспитанника в преступное сообщество? Можно вспомнить многих воспитанников детских домов, ставших выдающимися людьми. Например, композитор Валерий Гаврилин или поэт Николай Рубцов. Среди бывших детдомовцев можно встретить немало замечательных людей. Так, может, в том, что сегодня происходит, огромная вина лежит на современном телевидении и СМИ? Вспомним то время, когда на наших улицах зазвучал блатной шансон, заполнили телеэфир различные сериалы «Бригада», «Бандитский Петербург» и т.п. «произведения искусства», воспевающие «романтику» уголовного мира, многочисленные восторженные телепередачи о «ворах в законе». Может быть, не в одних детских домах надо искать причины неустроенности детей-сирот?

Государству необходимо честно признать свою вину за то, что в современной России так много сирот и беспризорных. Историки называют в истории страны три пика, когда появлялось в Рос-

сии множество беспризорных детей. Революция и гражданская война, первые годы после Великой Отечественной войны и 1991 год, когда в результате рыночных реформ на улицах русских городов вновь появились миллионы беспризорных детей. Неужели наши «заклятые друзья» за океаном и внутри страны надеются, что Россия будет бесконечно терпеть этот позор?

Мы должны благодарить Бога, что враги сегодня нам указали на наши грехи и общенародный позор. После Гражданской войны Советская власть при всех ужасах «красного террора» проблеме беспризорников решила очень быстро. Да, революционеры виноваты в том, что эти дети потеряли родителей и оказались на улице. Но ведь «республика ШКИД» и коммуна Макаренко — не вымысел. После Великой Отечественной войны проблема детей-сирот была полностью решена в кратчайшие сроки. А ведь в это время страну поднимали из руин, миллионы отцов и матерей погибли. Но люди были другие, вспомним фильмы «Судьба человека» и «Два Федора».

Сегодня тоже есть выход. Почти двадцать лет назад мы рассказывали в передаче о том, как священник Георгий из Чебаркуля усыновил около 50 детей. У батюшки было своих несколько, но первого младенца ему подбросили под дверь. Затем старенькая бабушка привела внуков, у которых пропали где-то на заработках непутевые родители: «Я скоро умру. Не забереешь — погибнут». Так образовалась у батюшки огромная семья, а не детский дом. Пришлось ему к себе взять и бездомных одиноких стариков в эту свою семью. Кстати, помню, и тогда у батюшки были проблемы с чиновниками из органов опеки. Отец Дмитрий Смирнов в своих частных детских домах воспитывает 50 мальчишек. В Покровском монастыре в Суздале в детском приюте для девочек меня когда-то поразили не столько уютные домашние комнаты с детскими игрушками и книгами, отличные классы, опрятные красивые платья и шубки воспитанниц, но больше всего запомнились счастливые личики девчонок и то, с какой взаимной любовью они общались с монахинями. Я тогда подумал, что даже среди нас, православных, мало найдется семей, где детей воспитывают в такой спокойной любви.

Но вновь хочется обратиться к представителям «прогрессивной общественности». Не вы ли яростно, с пеной у рта требовали, чтобы «клерикалам» не позволяли воспитывать детей в детских домах? Не вы ли выступаете против запрета пропаганды содомии для наших детей? Не вы ли стеной стоите, не пуская священников в школы?

Большевики из словарей пытались вычеркнуть слова «милосердие» и «благотворительность» как понятия «поповские». Вы из нашей жизни пытаетесь последние десятилетия вычеркнуть милосердие, доброту и сострадание. Кто же вам поверит, что сегодня вас беспокоит судьба российских детей?

Выход у государства сегодня один — признать свою вину перед обществом за то, что в России миллионы сирот, и бросить все силы на то, чтобы исправить ситуацию. Сторонников ювенальной юстиции нужно отправить вместе с баскаками к хозяевам и «работодателям» в Орду, желательно пешком, по маршруту через Сибирь и Берингов пролив.

И немедленно принять действительную программу заботы о детях и семье. Передать многие детские дома под опеку Русской Православной Церкви. Организовывать новые детские дома для мальчиков по образу кадетских корпусов и школ, где будут преподавать офицеры-ветераны. Мальчики будут воспитываться на любви к Отечеству, чувстве Чести и верности Долгу. Создавать пансионаты для девочек. И, конечно же, организовать действительную материальную помощь малым семейным детским домам. Всем этим должно сегодня неотложно заниматься Российское государство.

И последнее. Взять ребенка на воспитание не так легко, как кажется. Одна наша подруга, иконописец, красивая и довольно молодая женщина, но не встретившая своего суженого, несколько лет назад сказала мне: «Я хожу на Крестные ходы, бываю на всяких собраниях, где говорят о спасении России. И решила, что вместо того, чтобы говорить о спасении России, лучше возьму из детдома и воспитаю хоть одного русского мальчика». Конечно, бывает очень нелегко, в процесс воспитания все время вклиниваются органы «опеки», требующие бесконечных отчетов, и внутри семьи бывают сложности, но ведь и с родными не всегда легко. Главное, люди счастливы, что обрели друг друга.

Афонский старец Аристоклий говорил в 1918 году: «У Бога веса точные. И крыло мухи имеет вес. Когда наши молитвенные воздыхания и добрые дела хотя бы на крыло мухи перевесят наши грехи — Господь помилует Россию». Что может быть более весомым в очах Божиих, чем спасение детской души, искренняя забота о сиротах? Многие наши святые проявляли особенную заботу о сиротках. Преп. Амвросий Оптинский организовывал детский приют в Шамординской обители, святые Царственные мученики, Великая княгиня прмч. Елизавета Феодоровна заботились о детях, оставшихся сиротами.

Ювенальщики мечтают разрушить традиционную семью. А мы должны приложить все усилия, чтобы в России не было брошенных и забытых детей, чтобы как можно больше сирот обретали семью в родной стране. Возможно, именно с этих «малых дел» и начнется подлинное возрождение России.

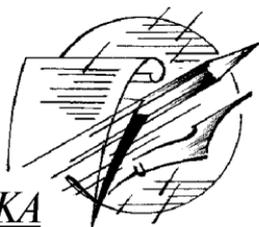
К НОВОЙ КОЛОНИЗАЦИИ РОССИИ

Депутат взял линейку, померил площадь Сибири и Дальнего Востока и родил тезис о необходимости 50—70 миллионов мигрантов.

Президентская администрация, чиновники и депутаты очень любят решать за русских, как нам жить, с кем жить и что делать. Последним наглядным примером является инициатива депутата от республики Дагестан Гаджимета Сафаралиева о массовом завозе мигрантов на территорию Сибири и Дальнего Востока.

С Госдумой у нас последнее время вообще что-то не то творится. То человеческие жертвоприношения узаконить пытаются, то пресловутую 282-ю статью ужесточить. И эта инициатива органично смотрится в ряду таких же безумных законопроектов, предлагаемых и высказываемых другими депутатами, и на неё можно было бы не обращать столь пристального внимания, не будь Сафаралиев председателем комитета по делам национальностей.

В Дагестане вообще все, даже физики, — специалисты по межнациональным отношениям. И это очень мудро —

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

назначать депутата региона, находящегося на грани (а может и за гранью) гражданской войны, региона, раздираемого массой этнических конфликтов, региона, откуда практически полностью выдавили русских, — председателем комитета по делам национальностей Государственной думы РФ. Он, безусловно, знает, как превратить Россию в один большой и процветающий Дагестан.

Итак, уважаемый депутат взял линейку, померил площадь Сибири и Дальнего Востока и родил тезис о необходимости 50—70 миллионов мигрантов для того чтобы у нас, наконец, наступило счастье.

Причем уважаемого депутата нисколько не смутил тот факт, что и до того, как он обратил внимание на Сибирь, там жили люди и мнением этих людей было бы неплохо поинтересоваться.

Потому что планы у неокolonизаторов более чем серьезные. К 15 миллионам мигрантов, находящихся на территории России, они хотят добавить еще 55.

Что означает 70 миллионов мигрантов для Сибири и Дальнего Востока? Что это означает для экономики, демографии края? Как это скажется на рынке рабочей силы и уровне преступности? Задумывался ли об этом уважаемый депутат? Думает ли об этом Государственная дума и правительство, поспешно проталкивая подобный законопроект?

В настоящий момент на территории региона проживает порядка 26 млн. человек. Согласно последней переписи населения до 90% населения региона составляют русские. Уровень безработицы по Сибирскому Федеральному Округу держится на уровне 7% (2012 г.), на Дальнем Востоке — порядка 11,5%. Число легальных и нелегальных мигрантов в регионе уже сейчас, по некоторым оценкам, превышает 2 миллиона человек. Лишь незначительная часть из них находится на территории региона на полностью законных основаниях. Многие из мигрантов пребывают на территории России без документов, не имеют работы, ведут асоциальный образ жизни. В городах начали формироваться этнические анклавы, слабо контролируемые местной администрацией.

Если говорить о мигрантах как о ресурсе для модернизации России, то и здесь польза от их присутствия далеко не однозначна. Пора бы понять, что повышение эффективности и уж тем более производительности труда достигается не за счет увеличения количества работающих и понижения заработной платы, а за счет модернизации и автоматизации производства и повышения квалификации персонала.

Люди, многие из которых не имеют даже начального образования и не понимают русский язык, вряд ли смогут работать на современном предприятии, а рынок неквалифицированной рабочей силы имеет свои пределы. И эти пределы давно исчерпаны.

Но и это еще не все. Мы исчерпали и человеческие ресурсы Средней Азии. Из каких регионов Гаджимет Сафаралиев планирует рекрутировать «новых сибиряков»? Афганистан, Пакистан? Что это будут за люди?

При этом люди эти приедут сюда на пустое место. У нас нет крупных инфраструктурных проектов, где бы требовалось такое количество неквалифицированной рабочей силы, у нас нет денег на их строительство, у нас колоссальная официальная и скрытая безработица. Государство не в состоянии не то что занять всех этих людей, но и просто прокормить. Что они здесь будут делать, не имея никаких перспектив в России и денег, чтобы отсюда уехать? Этим самым мы формируем рынок лишних людей и создаем, по сути, революционную ситуацию, по сравнению с которой все разговоры об угрозе «оранжевой революции» выглядят просто смешными.

Задумайтесь. В страну предлагается завезти миллионы молодых агрессивных людей, у которых нет работы, нет и никогда не будет социальных гарантий, жилья и будущего. И столкнуть их с малочисленным населением региона, чуждым им и этнически и культурно. Каков будет результат этого эксперимента, не сложно предугадать.

К сожалению, этот план уже полным ходом осуществляется. Только за прошедший год в два раза вырос поток мигрантов в регион. Однако до настоящего времени ему недоставало юридического оформления. Но с учетом кадрового потенциала Государственной думы это вопрос, скорее, времени. Рассматриваемый в Государственной думе законопроект об упрощенном получении гражданства РФ в случае его принятия окончательно снимает все юридические преграды для новой, теперь уже исламской колонизации России.

По мнению депутата Владимира Милова, «Законопроект фактически предлагает разрешить раздавать направо и налево российское гражданство неопределенному кругу иностранных граждан и лиц без гражданства на основании лишь одного критерия — признания их «соотечественниками» в соответствии с Федеральным законом.

Под определение «соотечественник» подпадают практически все жители стран постсоветского пространства, в том

числе и родившиеся на территории этих стран после распада СССР и приехавшие на их территорию из любых (!) других стран — от Афганистана до Китая.

Фактически закон отдает вопросы предоставления российского гражданства на аутсорсинг правительствам бывших республик СССР, прежде всего стран Средней Азии. Их правительства смогут торговать предоставлением гражданства своих стран любым лицам, подразумевая, что впоследствии эти лица смогут легко получить гражданство РФ по новому упрощенному порядку.

Утрата Российской Федерацией контроля за тем, кто именно получает российское гражданство, приведет к наплыву в нашу страну террористов и преступников, получивших гражданство какого-нибудь Таджикистана, а вследствие этого — праву претендовать на гражданство России.

Эту проблему, в частности, признал глава ФСКН России В.П. Иванов, заявивший 10 ноября 2012 г. в эфире радиостанции «Эхо Москвы», что «институт двойного гражданства — это не очень хорошая вещь» и тиражировать эту практику «не нужно, поскольку мы видим, что 50% наркокурьеров из числа иностранных граждан имеют еще и российское гражданство».

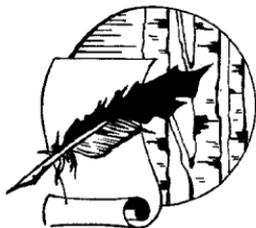
Если заглянуть на сайт Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, то в перечне самых разыскиваемых наркодилеров мы не встретим ни одной русской фамилии. При том, что многие из перечисленных там лиц с самыми экзотическими именами давно уже стали гражданами России. Близкая к этой ситуация складывается и по другим преступлениям.

Если озвученная выше программа действительно будет реализована, то мы получим вовсе не новый импульс к развитию России. Мы получим огромную, никем не контролируемую территорию, где будет действовать не сила Права, а право Силы. Территорию дикости и запустения с отдельными исчезающими островками русской цивилизации, сметаемой миграционным потоком. Закономерным итогом будет демонтаж Российской государственности и гибель страны.

И это не мое частное мнение. Национально-демократическая партия провела опрос, в котором приняло участие более 500 человек в Новосибирске, Барнауле (Алтайский край), Братске (Иркутская область), Томске (Томская область), Чите (Забайкальский край). Респондентам задавался один и тот же вопрос об их отношении к данной инициативе. 8,3% опрошенных восприняли возможный приезд такого количества мигрантов как положительное явление. 3,2% считают, что

приезжие должны проходить через специальные адаптационные центры, чтобы лучше освоить традиции и культуру принимающей страны. 15% считают, что в Сибири и без того высокая безработица и низкая заработная плата, а сам регион не способен принять такое количество переселенцев. **73,5% опрошенных считает, что в случае реализации указанных планов Россия утратит контроль над территорией Сибири и Дальнего Востока.**

Из результатов опроса видно, что инициативу по завозу 50 или 70 миллионов мигрантов в Сибирь большинство жителей Сибири не только не поддерживает, но считает её крайне опасной и угрожающей суверенитету и целостности Российской Федерации. И людей, которые предлагают подобные инициативы и, более того, пытаются превратить их в законопроекты, на наш взгляд, нужно самым тщательным образом проверять на предмет аффилированности с международными террористическими и экстремистскими силами.

Валерий ХАТЮШИН

В ТРЕВОЖНОМ ОЖИДАНИЕ...

* * *

Бабье лето в октябре,
золотое искушенье,
мельтешенье и смешенье
снов, застывших в янтаре.

Бабье лето в октябре.
Чудный осени подарок.
До озноба чист и ярк
синий купол на заре.

Бабье лето в октябре.
Все берёзы — огнелики.
На пруду сияют блики,
как на чёрном серебре.

В этой солнечной игре
листьев, неба, водной глади
отгорает осень ради
свадьбы сердца в октябре.

* * *

Снова сердце радо зареву заката
и лесной рябины перезревшим кистям.
И опять бесцельно я бреду куда-то
По опавшим листьям, по опавшим листьям.

Дни уходят в вечность. Где-то ждет расплата.
Кто-то вслед с ухмылкой смотрит взглядом лисьим.
Но всю жизнь с надеждой я бреду куда-то
По опавшим листьям, по опавшим листьям...

* * *

Сколько раз такое было:
снег в окне летел уныло,
и в глаза смотрело небо
сонно, сумрачно и немо.
Вот и снова с прежней верой
в этот день холодно-серый
жду письма, звонка иль гостя,
точно нищий на погосте,
как блаженный возле храма...
И в который раз упрямо,
как причуда наважденья,
валит снег на день рожденья...

* * *

И в ноябре бывает солнце!
Как исцеленье хмурым дням...
Из туч сквозь узкое оконце
его лучи пробились к нам,
затрепетали, заискрились
на не сорвавшемся листе,
на льдистых лужах отразились,
на белой гладкой бересте,
в глазах прохожей незнакомки,
на улыбнувшихся губах...
И в набегающей позёмке
я не спешу ускорить шаг...

ФЕВРАЛЬ

Искрящийся снег уходящей зимы...
Лыжня через лес, через поле...
Как часто себе удивляемся мы,
с природой сливаясь на воле.

Морозное солнце и белый простор
окованы синим простором.
Деревьев и церкви слепящий узор
дрожит под слезящимся взором.

Так славно и сладко себя разогреть
лыжни разухабистым бегом!

И рвется душа жаворонком взлететь,
чтоб трелью раздольной с небес прозвенеть
над ярким искрящимся снегом...

* * *

Взойдет Солнце правды и исцеление в лучах Его...
Последняя глава Ветхого Завета

Был больным этот мир, пребывая впотьмах,
обречённый на смертное тленье.
Солнце правды взошло, и в горячих лучах
было миру дано исцеленье.
Но восстали растленные силы в ночи,
небо ясное дымом затмили
и сияющей правды живые лучи
на искусственный свет заменили...

* * *

И ныне Божий Сын унижен и распят.
«Что истина?» — спросил с усмешкою Пилат.

Философ, он не знал: она не «что», а «Кто».
Его глазам прозреть не помогло ничто.

Был в слепоте своей Пилат неумолим.
А Истина живьем стояла перед ним.

СИРЕНЬ

Опадает сирень, исчезает...
И вернулись на миг холода.
Майский день, словно жизнь, угасает,
погружаясь во мглу навсегда.

И от сорванной ветки сирени
вечер в комнате дышит тоской.
На твои, дорогая, колени
я прилягу колючей щекой.

И такую почувствую нежность
в невесомой, в горячей руке!..
Всех остывших ночей безутешность

просквозит по шершавой щеке.

Просквозит и слезинкой истаёт
под теплом чуть дрожащей руки...
Отцветает сирень, облетает
в терпких волнах весенней тоски.

СТИХИЯ

И гром и град, и гром и град!..
И я июньским ливням рад.
Идёт гроза, поёт гроза.
Блестят, светясь, мои глаза.

Поток небесный льёт и льёт,
град по карнизу дробно бьёт.
И, точно грозный басурман,
деревья ломит ураган.

Стихия дерзкая, она
еще свободна и сильна.
Чтоб мы, презрев небытие,
учились жизни у неё.

* * *

Осыпался жасмин, и лето поседело,
умолкли соловьи, пошёл на убыль день...
Опавший иван-цвет застыл осиротело,
и шепчет о былом угасшая сирень.

Как быстро жизнь течёт, как скоро отцветает!..
Мы со своей весной расстались насовсем...
Но где-то впереди нас тихо ожидает
остывшая любовь осенних хризантем...

* * *

Призрак отчаянья бродит
на безысходной войне...
Дети из жизни уходят
в этой угарной стране.

С этой паскуднейшей властью,
с этим никчемным царьком.
Детскому хрупкому счастью
этот враждебен дурдом.

Мы ясноглазыми были
в той коммуналке большой...
Что ж вы, скоты, сотворили
с некогда чудной страной!

УРОД

Зачем ты жил на этом свете,
урод с пятнистой головой?
Страны погубленные дети
стоят стеной перед тобой.
Страна руинами заводов
явила миру *чудный вид*,
в эфире сонмище уродов,
тобой рождённых, голосит.
Страна — зияющая рана.
Народ — кто в бой, кто на убой...
И что-то шамкает с экрана
урод с пятнистой головой.

* * *

Помню сибирский смертельный мороз,
помню тайги комариную пытку...
Там возмужал я и духом возрос,
гордость и горечь впитав до избытку.

В сердце осталась большая страна:
Мышкин, Тернополь, Елабуга, Тарту...
Возле костра трепетала струна,
волжская нежно плескалась волна...
Жить безоглядно хватало азарту.

Крым, Коктебель, голубая вода...
Рижский залив, штормовая стихия...
Помню то светлое время, когда
голосом Зыкиной пела Россия...

* * *

Застыв, молчит бесснежный
ноябрьский голый лес.
Смотрю душой мятежной
в сырую мглу небес.
Бесцветная погода,
неясный, серый день,
в разводах небосвода
змеится светотень...
И я душой мятежной
смотрю за горизонт,
где вьётся неизбежной,
свистящей вьюги фронт.
Она нагрянет скоро,
развевая серость дней.
Опавших листьев свора
взметнётся вслед за ней,
рассеется и сгинет
в метельной белизне...
Я знаю, не остынет
мятежный дух во мне.
А лес хранит молчанье,
он впал в покорный плен
в тревожном ожиданье
грядущих перемен.

* * *

Мы живем в перевёрнутом мире.
Правдой стала беспутная ложь.
Чем душа бескорыстней и шире,
тем быстрее пропадёшь ни за грош.

Перевёрнутый мир. Искривлённый.
Блеск рекламный сознание слепит.
Телеящика глаз воспалённый
напряжённо за всеми следит.

Слышен ропот людской повсеместно.
Вся в проломах молчанья печать.
Чтобы мир наш поставить на место,
нам самим нужно на ноги встать.

Вышел в свет 2-й том шеститомного Собрания сочинений Валерия Хатюшина. Справки о приобретении 1-го и 2-го томов по телефону: 8 (495) 787-35-22 (ср., чт.).

ЧЁРНОЕ ПЕРО СЕРОЙ ВОРОНЫ

РОМАН

Глава 21

Пашка Лукашин шел по лесной дороге, ведущей к военному городку. Ему, после встречи со Светкой, было почему-то все равно, что с ним случится дальше.

Лагерь отряда «Поиск» Пашка обошел стороной по опушке леса, чтобы не попадаться на глаза. Но попадаться было некому: судя по тому, что ни во дворе казармы, ни вокруг нее не было видно ни души, отряд еще не вернулся с раскопок, но вот-вот должен вернуться. Пашка ринулся в лес по натопанной тропинке и вскоре вышел на просеку, ведущую к лесничеству.

Из густой травы, растущей вдоль тропы, то и дело взлетали, треща короткими крыльями, выводки рябчиков. Стучали дятлы по стволам мертвых деревьев, выискивая личинок, попискивали синицы, с ближайшего болота время от времени доносились крики журавлей.

Но Пашка не слышал и не замечал почти ничего. Он то шел, то бежал, стараясь не слишком трясти свою голову, отзывающуюся на

Продолжение. Начало в №1-2 за 2013 г.

ПРОЗА

каждый толчок тупой болью. Путь, раньше казавшийся ему коротким, теперь растянулся невероятно, а время будто остановилось. Однако через час—полтора он увидел сквозь листья орешника густой частокол, окружающий старый рубленый дом, в котором когда-то жила большая семья лесника. По верху заостренных трехметровых кольев тянулась колючая проволока, и вообще лесничество было похоже на небольшую крепость-засеку, которую со всех сторон окружают враги. Да так оно и было на самом деле, если верить тому, что рассказывал о лесничестве отец: в девяностые годы иначе было нельзя, потому что в лесах кого только не было, и всякий был готов поживиться чужим добром. Вот и пришлось огородиться. Потом дети поразъехались, а лесник, престарелый Савелий Прохорович Чулков, помер и лежит теперь под старым дубом.

Пашка приблизился к калитке, увидел на ней большой замок, услышал радостный визг цепного кобеля Ратмира, но не услышал железного звука несущегося по проволоке кольца и звона цепи, и понял, что отца нет дома. Открыв замок ключом, припрятанным в потайной нише опорного столба, Пашка распахнул калитку, и тут же чуть не был сбит с ног обрадованной собакой. Он потрепал Ратмира по загривку, почесал за ушами и пошел к дому. И здесь дверь была на замке, и тоже ключ лежал потаенном месте. Открыв и эту дверь, Пашка сразу же кинулся к ведру, набрал полный ковш воды и долго пил, захлебываясь и отдуваясь, пока в животе не потяжелело и не забулькало.

В доме густо пахло грибами и лекарственными травами, которые отец собирал в лесу и на полянах, связывал в пучки и сушил, развешивая по стенам. Пашке очень нравился этот запах: им так легко дышится, и даже боль не то чтобы прошла совсем, но поутихла, растворившись в этих запахах. Он достал из буфета хлеб, из русской печи выволок ухватом чугунок с еще теплыми щами из свежей капусты с кабанятиной, налил в глиняную миску и принялся есть, стараясь жевать лишь правой стороной. Наевшись, он некоторое время сидел за столом без мыслей и без желаний. Затем увидел белую четвертушку бумаги, стал читать записку, оставленную ему отцом: «Паша, я поехал на двенадцатый кордон. Буду вечером. Щи в печке, каша там же. Если придешь, покорми скотину, а уйдешь, оставь записку, когда и куда пошел. Отец». Скотиной были Ратмир, куры, гуси, утки.

Пашка насыпал в корыто зерна, в другое налил воды, затем дал Ратмиру гречневой каши вперемешку с овсянкой, мясом и костями, и только после этого забрался на сеновал, где одуряюще пахло свежим сеном, упал на расстеленный

там овчинный тулуп и тут же уснул, точно провалился в бездну. Во сне он убежал от кого-то на непослушных ногах, с ужасом понимая, что не убежит, прятался среди каких-то развалин, а Светка его искала.

Пашку разбудили голоса и злобный лай Ратмира.

— А может, он еще не пришел, — произнес за частоколом чей-то знакомый мальчишеский голос. — Может, он пошел в отряд.

Ему ответил уверенный голос Светки:

— Не мог он туда пойти! Не мог — и все!

— А если с отцом? Может, они вдвоем ушли куда-нибудь, — настаивал мальчишка. Затем нерешительно предложил: — А ты напиши ему записку.

И долгое-долгое молчание.

Пашка забеспокоился: он забыл закрыть калитку на замок, следовательно, они решат, что Пашка дома... Правда, Ратмир не пустит, а на столе отца записка, а к ней Пашка приписал, что все сделал и спит на сеновале. Но как бы там ни было, а нужно что-то делать. Однако он не успел ничего придумать, как раздался громкий Светкин голос:

— Паша! Паш! Где ты? Ну, отзовись! Я знаю, что ты здесь! Мне надо тебе что-то сказать. Очень важное! Ну, Па-аша-а!

Радостно завизжал Ратмир. Ему приветливо ответила сибирская лайка по кличке Найда.

Вслед за этим послышался голос отца:

— Это кто же к нам пожаловал? Никак Света Чебакова?

— Да, дядя Коля. Мы к Паше, а он не откликается.

Голоса приблизились, скрипнула дверь — и все стихло. И долго держалась эта тишина. Потом послышались тяжелые шаги отца. Распахнулась дверь сеновала. Солнечный свет ворвался в него, разогнав по углам серый сумрак. Внизу заскулила Найда, заскребли ее когти, перебирая перекладины лестницы, ведущей на сеновал. А вот и она сама, радостно взвизгнув, кинулась к Пашке и принялась тыкаться мордой в его лицо, облизывая его своим горячим языком.

— Павел, слезай! — скомандовал снизу отец. — Нечего прятаться.

— А они ушли? — спросил Пашка. — Пусть уйдут, тогда слезу.

— Мог бы и встретить: к тебе гости приехали, а ты фордыбачишься.

Пашка хотел сказать, что не слезет, но понял, что говорить уже некому: возникшее было невнятное бормотание стало удаляться и тут же стихло, а Найда сорвалась с места и кинулась вниз, почувствовал, что хозяин уходит куда-то без нее.

Можно было бы воспользоваться предоставившейся ему возможностью и, незаметно покинув сеновал, сбежать в лес, переждать там какое-то время, пока Светка не уйдет, а потом вернуться, но Пашка знал, что Найда найдет его где угодно, и он уткнулся в колени, обхватив их руками, замер, решив, что будет сидеть здесь до последнего, даже если отец сам залезет на сеновал.

Но никто не лез и никто не шел. Потом скрипнула входная дверь, заскрипел колодезный журавель, опять подала голос дверь, снова наступила тишина, долгая и вязкая, какая случается перед грозой.

Снова послышались тяжелые шаги отца и его голос:

— Слезай, Павел! Они уехали.

Пашка спустился вниз и предстал перед отцом, пылливо вглядываясь в его заросшее бородой и усами лицо, в сероглубые глаза, обметанные густой сеткой морщин.

— Иди в избу, — сказал отец, ничуть не удивившись Пашкиному виду. — Сейчас затоплю баню, потом с тобой уху варить будем. Налимы в мережу попали.

День потихоньку истаивал. Высоко в небе неподвижно розовела причудливая рябь облаков. На проводах, по которым давно не пускали ток, потому что они почти по всей линии были оборваны и сданы в сборный пункт металлолома бедствующими от безденежья людьми, сидели ласточки, чистили перья и щебетали о чем-то своем, птичьем.

Обо всем, что Пашка знал и что пережил в этот день и во все предыдущие, он рассказал отцу. Тот выслушал его сбивчивый, перескакивающий с одного на другое рассказ, не перебивая и не задавая вопросов, глядя поверх верхушек деревьев на тусклое крыло заката. В голове его сплелись в тугой клубок мысли о прошлой размеренной жизни, которая неожиданно оборвалась, разорив не только знакомое ему до мельчайших деталей производство, но и собственную жизнь. Все знакомое, родное и близкое стало почти чужим — даже жена и дети, прожившие без него почти пять лет. И теперь, выслушав сына, он мучительно искал в этом клубке мыслей ниточку, которая могла указать ему правильное направление, способное разрешить все противоречия.

Глава 22

На другой день, то есть в понедельник, Ефим Угорский, редактор газеты «Угорские ведомости», с утра сдав в типографию верстку последнего номера, в передовой статье которого отражены последние события в угодном для Осевкина

виде, отправился в Москву, чтобы встретиться с бывшим своим коллегой, Иосифом Ивановичем Ивановым, заведомо социальных конфликтов в недавно созданной газете «Дело» — рупоре так называемой конструктивной оппозиции, и попытаться продать ему информацию о событиях в Угорске, понимая в то же время, что эти события по нынешним временам сенсацией уже не считаются, что они вряд ли ею станут, потому что на просторах огромной страны подобное происходит каждый день в том или ином виде, и уже не воспринимается как нечто из ряда вон выходящее. Но Угорскому очень хотелось подложить свинью даже не столько Осевкину, как всей этой мрази, возомнившей себя владыками мира, перед которой ему приходится пресмыкаться, чтобы заработать себе на кусок хлеба.

Логически рассуждая, и событий-то нет никаких. Так, написал кто-то, чтобы напугать Осевкина, вырвать у него задерживаемую зарплату. Но Осевкин не из тех, кого можно напугать подобными жалкими потугами, а меры он может принять самые жесткие, если не жестокие, вследствие чего события могут либо заглохнуть до поры до времени, либо неожиданно развернуться и устремиться в любом направлении. Особенно если им придать некую красно-коричневую окраску. Следовательно, надо эти события подать в соответствующем виде. Чего-чего, а соответствующий вид Угорский мог придать чему угодно, лишь бы на этот вид имелся соответствующий спрос. А потом, поди, разберись, имелся этот вид на самом деле, или он кому-то лишь померещился.

Итак, «Лига спасения России»! Обхохочешься! Откуда взялась? Кто ею командует? Против кого направлена? И самое главное — кто ее финансирует? Как говаривали классики марксизма-ленинизма: ищи, кому это выгодно. Естественно, русским националистам, русским фашистам, шовинистам, антисемитам, человеконенавистникам. Правда, ни фашистской свастики, ни коммунистических серпов и молотов нигде не обнаружено. Так что из того? Если не обнаружили, так это еще не значит, что их не было вообще. Были! Но закраснены. Зато остались и даже укрепились в мозгах определенной части маргиналов и люмпенов. Это, во-первых. Во-вторых, школа. Именно старая школа, которой руководит один из братьев Лукашиных, где усердно насаждается русский патриотизм, нетерпимость к успешным людям, населяющим жилой комплекс «Ручеек». На этой почве даже происходят драки между подростками, их взаимная нетерпимость и всякие фобии, поощряемые взрослыми. В лукашинской школе особенно остро топорщится неприятие

школьной реформы, продавливаемой сверху, которое даже не пытается скрыть ее педагогический коллектив, полагающий, что эта реформа замыслена против русского народа, что она есть способ оболванивания его, направлена против его культуры, его самобытности. Да, надо будет отразить местные нравы, дающие повод для всяких инсинуаций, связать Осевкина с городской верхушкой, невежественной, настроенной против инородцев, что лишний раз подтверждает, сколь непрочны были знания, полученные ими в советской школе, и как необходима реформа образования.

И шариковая ручка в руке главного редактора продолжила стремительный бег по страницам записной книжки, находя все новые и новые доказательства, говорящие о надвигающейся катастрофе с таким трудом созданного отцами-первопроходцами нового Российского государства, вставшего на путь демократии, либерализации, рыночных отношений и свободы человеческой личности. Сегодня «Лига спасения России», завтра всеобщий бунт, «бессмысленный и беспощадный», отмеченный еще гением русской классики. Впрочем, нет, гений русской классики — это лишнее. Хватит ссылаться на тех, кого давно уже никто не читает, кто пестовал в своих произведениях имперское мышление, великодержавный шовинизм и антисемитизм у погрязшего в рабской психологии народа.

Ефим Угорский даже не заметил, как пролетели мимо окон полупустой электрички километры, отделяющие Угорск от Москвы. Покинув электричку, он проехал на метро и через несколько минут вышел к огромному газетно-журнальному комплексу, в котором среди прочих помещалась редакция газеты «Дело».

Никто из согбенных фигур не обратил внимания на вошедшего, и Угорский проследовал к двери, за которой должен сидеть Еська Иванов, с которым они когда-то начинали на радио, потом вместе перешли в газету. Затем было телевидение, а дальше... дальше их обоих оттуда вытурили за негибкость и неспособность учитывать меняющуюся ситуацию. Однако Еська умудрился остаться на плаву, предав в третий или четвертый раз все свои принципы.

Угорский постучал, приоткрыл дверь и просунул в нее свою голову. И увидел Еську Иванова. Тот говорил по телефону и что-то записывал в блокнот, лежащий на столе, придерживая его локтем, чтобы не скользил по толстому стеклу, накрывающему столешницу, время от времени роняя в трубку с почтением в голосе и даже в позе: «Да-да! Конечно! Разумеется! Будет сделано!». Подняв круглую плешивую голову и уви-

дев Угорского, кивнул ему, одновременно приветствуя и указывая на стул, стоящий напротив.

Угорский осторожно опустился на мягкую подушку стула, провел обеими руками по своей шевелюре, потрогал круглую плешь, подобрал ноги, сложил на коленях руки и, вытянув вперед свое острое лицо, приготовился ждать как угодно долго, понимая, что он пришел к бывшему своему другу-приятелю просителем, и любое неверное движение, а тем более слово, могут отрицательно сказаться на его планах.

Наконец Еська закончил разговор, перевел дух, точно бежал вверх по лестнице, и, откинувшись на спинку стула, с откровенным любопытством уставился на своего коллегу узкими щелками еще более заплывших глаз, вокруг которых не было ни одной морщинки. Но землистый цвет лица, но пегая растительность на щеках и подбородке как некая дань времени и отличительная черта причисленных к некой касте, но брезгливо оттопыренная нижняя губа, но толстые пальцы, непрестанно шевелиющиеся и будто бы отбивающие ритм начисто забытой мелодии, но сапное дыхание — все это говорило о том, что место, которое он занимает, дает ему значительно меньше, чем отнимает.

— Ну, привет, Ефим, привет! — точно очнувшись ото сна, заговорил Иванов, протягивая через стол короткопалую руку. — Давненько не виделись. Да-а, давне-енько-о. Постарел, постаре-ел.

— Что поделать, жизнь такая, — скромно потупился Угорский. — Не мы ее выбираем, а она нас, грешных. Да и ты не помолодел.

— Ты прав, ты прав, — согласился Иванов. Тут же нажал кнопку и, едва дверь приоткрылась и в ней показалась женская голова неопределенного возраста, держащаяся на длинной жилистой шее, велел: — Чаю нам, голубушка. И покрепче.

Кивнув, голова исчезла.

— Нуте-с, рассказывай, что, где и как? — велел Иванов.

Угорский, зная, что Еську мало интересуется его положение, коротко рассказал, где живет и работает и зачем приехал.

— А что Геся? — спросил Иванов. — Жива-здоровая?

— Мы разошлись, — нахмурился Угорский, опустив голову. — Давно уже, восемь лет тому. Живет в Одессе. С родителями. Жила, по крайней мере. — И пояснил ледяным тоном: — Связь с нею не поддерживаю: предала, когда мне было особенно трудно.

— Да-а, бывает, бывает, — покивал головой Иванов.

Женщина принесла поднос с чайными принадлежностями, молча поставила на стол и вышла. Иванов принялся

разливать чай и одновременно жаловаться на то, что газета держится на частных пожертвованиях, тираж небольшой, работать все труднее, сетовал, что страна скатывается к очередному этапу тоталитаризма с видимостью демократии, что кругом взяточничество, воровство и волокитство — три «В», — вознес он вверх указательный палец и многозначительно хкекнул, — что наверху дураков стало еще больше, правительство и президент не способны к масштабному видению проблем, а тем более к масштабному их разрешению, поэтому тычутся, как те слепые щенки в поисках таких сосков, которые напитают всех в равной мере без всяких усилий...

— За державу обидно, — добавил он, помешивая ложечкой в чашке. И тут же без всякого перехода: — Так говоришь, фашизм в чистом виде?

— В чистом виде, Еся, у нас фашизма быть не может, — поправил Угорский своего бывшего приятеля, забыв, что противоречить ему себе же во вред. — Но все начинается с пододбия, чтобы со временем...

— Да-да-да! Так что ты от меня хочешь?

— Как что? — удивился Угорский. Но тут же сбавил тон: — Я хочу.. Понимаешь, Еся, Угорск с его проблемами — это та капля, в которой отражаются проблемы всей страны. Здесь, в Москве, все перемешалось, все перепуталось. А там — все как на ладони. Это тот оселок, на котором... — И, заметив скуку в глазах Иванова, заторопился: — Если раскрутить Угорск, то на его примере можно показать, что нынешняя власть ни на что не способна. А не способна она потому, что невежественна во всех вопросах, что она привыкла слушать самое себя и реагирует лишь на поддакивание своим бредовым идеям. Это, понимаешь ли, — торопился высказаться Угорский, — как если бы спасти человека, увязшего в болоте, вытаскивая его по частям.

— Сильно сказано! Сильно! — покивал головой Иванов. — Есть еще порох в пороховницах. Есть. Но, скажу тебе, следуя твоему методу выражаться аллегориями: когда человека днем кусают блохи, а ночью клопы, он должен, не сжигая собственного дома, засыпать его под самую крышу дустом или еще какой-нибудь отравой, потом почистить и продолжать в нем жить. А если он только и занят тем, что давит паразитов на собственном теле, то ему от них никогда не избавиться. А именно последним и занимается наша правящая верхушка. И ты ее в этом поддерживаешь.

— Так что ты предлагаешь? — возмутился Угорский, в очередной раз позабыв о том, что надо вести себя покладисто и со всем соглашаться. — Если тебе действительно за державу обидно...

— Постой, постой, не ерепенься. Но ведь ты, насколько я понимаю, хочешь остаться в стороне? — налег Иванов на стол жирной грудью.

— А что прикажешь делать? Закончить свои дни на муравьиной куче? — воскликнул Угорский.

— На муравьиной? М-да, ситуация. Впрочем, я, пожалуй, пошлю к вам одного человечка. Молод, только начинает на этой стезе, хочет прославиться, подает надежды, — обычное дело. У него, правда, мало опыта, но... но это, может быть, и к лучшему. Ты, Фима, вот что: набросай тезисы, кое-какие факты, расскажи, где у вас что, нарисуй схемку, чтобы мой балбес не путался там меж трех сосен. А уж с остальным я тут как-нибудь сам.

— Я уже набросал, — проворчал Угорский. — Только, ради всего святого, не упоминай моего имени. И чтобы ни одна собака не знала, что я у тебя был. И чтобы он и близко не подходил к нашей редакции. И... и вообще лучше не знать, кто он, этот твой спецкор. А то, когда тебя подсоединят к электродам, ты и мать родную не пожелаешь.

— Неужели до такой степени?

— А ты как думал?

— М-м-да, докатились.

Угорский покинул кабинет Иванова со смешанным чувством удовлетворения и досады. Да, он вынудил Иванова пообещать, но это еще не значит, что тот свое обещание выполнит. Тем более — заплатит за информацию. Но тут уж ничего не поделаешь: рыночные отношения в России находятся в зачаточном состоянии, так что производителю товара, особенно интеллектуального, чаще всего приходится за свой товар доплачивать покупателю, чтобы тот хотя бы обратил на него внимание. Чертова страна, в которой лучше всех живется жуликам и проходимцам! Ему, видишь ли, за державу обидно. Фразер и пустозвон! Именно такие сейчас и нужны новым хозяевам. А главное — некуда из нее сбежать: ни Угорские, ни Ивановы кроме нее нигде не требуются. Даже в Израиле: там и своих хватает. И что остается? Ничего другого, как только ждать, что все образуется само собой, то есть дойдет до такой точки, когда волей-неволей придется переходить на другие рельсы.

Колеса электрички пересчитывали стыки чугунных рельсов. Мимо тянулись до отвращения знакомые виды: то полуразвалившиеся деревни с развалившимися скотным дворами, то причудливой архитектуры коттеджи «новых русских»; то зарастающие кустарником поля или затянутые зеленой

ряской пруды; то поля с подстриженной зеленой травой, приспособленные под гольф, то ухоженные пляжи, пристани с яхтами и катерами. И нигде ни души. Мертвая страна, пропавшая свое будущее!

Угорский отвернулся от окна, съежился, натянул на лоб бейсболку и закрыл глаза: дорога домой казалась ему слишком длинной в отличие от дороги в Москву. И опасной.

Сквозь полудрему он услышал объявление, что следующая остановка Угорск, но даже не шелохнулся: из Угорска он выехал на электричке, идущей в сторону от Москвы, вышел через две остановки и только потом отправился в Москву. Теперь он собирался повторить тот же маршрут в обратном порядке на тот случай, если кто-то спросит, зачем его понесло в столицу. Конечно, никто не запрещает ему ездить, куда вздумается, лишь бы газета выходила еженедельно по понедельникам, но у Осевкина везде свои люди, а тот подозревает всех и каждого во враждебном отношении к своей особе. И уж чего-чего, а спрашивать умеет. Так что лучше поостеречься и как бы подложить под себя соломки.

Глава 23

Шли дни, но ничего не менялось в заштатном городе Угорске, как будто ничего и не случилось. Надписи на гаражах тщательно закрасили, их уже никто не подновлял; закрасили голубой краской и почти двухметровые буквы во Втором корпусе, и даже не только буквы, но и всю стену, и теперь она аж светилась в негаснушем свете нескольких неоновых ламп, обозреваемая, к тому же, из-под потолка недремлющими глазами видеокамер.

В пятницу, в первой половине дня, мэр города Угорска Андрей Сергеевич Чебаков, обходил со своими чиновниками некоторые городские улицы, проверяя их на предмет уборки, порядка на детских площадках и вывоза мусора. Походя давались кое-кому из чиновников кое-какие указания по улучшению, усилению и укреплению того, что требовало улучшения, усиления и укрепления. Например, разболтанных детских качелей, сбитых ступенек у парадных подъездов, покривившихся декоративных оградок. Ничего не поделаешь: осенью грядут выборы, надо показать, что власть существует и заботится о своих избирателях.

По пятницам же, но уже во второй половине дня, Андрей Сергеевич собирал в своем просторном кабинете лиц, ответственных за различные направления деятельности городского и районного масштаба, чтобы выслушать их отчеты, кого

похвалить, кого пропесочить, а затем поставить очередные задачи, вытекающие из очередных высказываний президента, премьера и губернатора.

Андрей Сергеевич знал всех своих подчиненных как облупленных, знал, кто чего стоит, кто чем дышит и в чем особенно грешен. Он рос вместе с ними, гонял мяч на пустырях, понемногу хулиганил вместе со всеми, не считая это хулиганством, затем, окончив школу далеко не в первой десятке, поехал в Москву и поступил на юрфак, — не столько продемонстрировав на вступительных экзаменах глубокие знания, сколько воспользовавшись папиными и дедушкиными связями и деньгами. И на юрфаке он учился ни шатко, ни валко, однако диплом получил, и встал вопрос: куда идти дальше? Можно было в адвокаты, но для адвоката ему не хватало пронырливости и способности к софистическому мышлению. В прокуратуры? Эта область юридической деятельности казалась ему более простой: этих налево, а этих направо — в зависимости от расклада сил в высших эшелонах власти. Но прокурорские должности на дороге не валялись, и пришлось ему идти в юрконсультанты одного из московских промышленных предприятий. Не успел он освоиться, как все начало рушиться. Не слишком разбираясь в том, что происходит, Андрей Сергеевич с головой окунулся в этот разрушительный процесс, надеясь выплыть на поверхность не с пустыми руками. Но таких горлопанов, у которых не было никаких принципов, оказалось слишком много, всем к большому общественному пирогу прорваться не удавалось. Не досталось молодому юристу ничего и от заводского пирога.

Народ между тем нищал, дичал и вырождался, и никому до него, как оказалось, не было дела. Главные грабители, набив свои карманы и сейфы заграничных банков валютой, подались на Запад, оттуда командовали наемными директорами компаний, сколько и как именно выкачивать из их вожделенной личной собственности денег, обходя всякие законы. Прикрывая свои грязные делишки и боясь, что все может снова перевернуться, но уже в другую сторону, они пошли проверенным путем — начали провоцировать межнациональные конфликты где только можно, предложив всем ринуться в сторону независимости, науськивая продажную прессу орать как можно громче о главной опасности, исходящей от крохотной Чечни. Опасность не заставила себя долго ждать. Все взоры повернулись в ту сторону. И погнали туда русских мальчишек на убой под командованием тех офицеров, которые еще помнили о данной ими присяге на верность

Родине. И дергали этих офицеров, не давая им победить, чтобы длилась эта бойня как можно дольше, пока все не будет разворовано.

Увы, все эти тонкости Андрей Сергеевич понял далеко не сразу. Громкие слова о рынке, свободе слова и личности, о неприкосновенности частной собственности, затмевали его весьма скудный разум. Однако, в конце концов, ему хватило мозгов, чтобы понять: в Москве ему, чужаку, ничего не светит, разве что какие-нибудь крохи, следовательно, надо возвращаться к родным пенатам, пока там тебя еще помнят, и попытаться взять то, что еще не взяли неповоротливые провинциалы.

Увы ему, увы еще раз: он опоздал и здесь. Все, что можно было разграбить и растащить по своим закуткам, разграбили и растащили, не зная, как и на что все это использовать. А тут еще расплодились банды, точно плесень в квартире с протекающим потолком, и все дрожало перед их беспредельной жестокостью, все гнулось перед их нахрапистостью: и выхолощенная милиция, и купленная прокуратура, и напуганные до смерти остатки советской власти. Никто ничего не понимал, каждый действовал в одиночку, опасаясь как друзей, так и врагов.

— Вот уж сволочи, так сволочи, — ворчал дед Андрея Сергеевича генерал Чебаков, отправленный в отставку сразу же после демарша «команды идиотов», как он величал гэкачепистов, не сумевших организовать даже приличного путча. — Всё у нас кверху задницей, все задним умом крепки, — накалялся ненавистью его голос. — Вон китайцы — постреляли своих хунвейбинов в Пекине — и все сразу же угомонились. А не постреляли бы, так драка там такая бы возникла всех против всех, что от их миллиарда жителей не осталось бы и половины. История тому свидетель. Зато теперь тихо, спокойно, а главное — результативно: проводят реформы, промышленность растет, перед Америкой не гнутся, как наши обормоты, и, помяните мои слова, скоро станут самой мощной державой в мире. Есть, как говорится, у кого поучиться, да нам все не впрок.

Однако ворчание старого генерала как-то не воспринималось его окружением. Да и то сказать: сам-то ты где был? Сам-то ты чем занимался, когда надо было вставать грудью против распоясавшихся грабителей? Дома сидел, поджавши хвост? В телевизор пялился на ножки балерин, отплясывающих лебединые танцы?

Впрочем, не он один. И сам Андрей Сергеевич был не лучше. Почитай, весь народ пялился в телевизор с хмурой оз-

лобленностью обездоленных, не понимая ни слова из того, что внушали ему бойкие комментаторы.

Все перевернулось с приходом банды Осевкина, захватившей деревообрабатывающий комбинат, лежавший при последнем издыхании. И Андрей Сергеевич был одним из первых, кто — не сразу, разумеется, а изрядно расчесав себе затылок, — пошел на поклон к Осевкину и Нескину, новым хозяевам комбината.

Да, была пятница, полуофициально считающаяся коротким рабочим днем для всякого начальства. В пятницу оно, это начальство, измотанное непрерывным потоком дел, которые никогда не переделаешь и, следовательно, не стоит даже пытаться, позволяло себе расслабиться на полную катушку, презрев всякие условности и правила. В пятницу Чебаков шадил своих подчиненных. Отчеты и задачи — это не работа, а так себе — отдохновение души.

— Да, так вот, дорогие товарищи и господа, — начал Андрей Сергеевич, поднявшись, когда все расселись и утомнились, приготовившись слушать, а иные так даже и записывать. Он оглядел длинный стол, пробежал взглядом по знакомым лицам и продолжил хорошо поставленным баритоном: — Минувшую неделю наш город и район провели вполне успешно. Наше ведущее предприятие продолжает развиваться, производительность труда там растет, налоговые отчисления увеличиваются. Если иметь в виду прошлый, не самый успешный год, рост поступлений в городскую казну увеличился на три процента. Еще полтора процента дала торговля и кустарные промыслы. Наши экономисты решают, как лучше и в какой очередности использовать эти деньги на благо нашего города и его жителей. Правда, должен отметить, что городской бюджет используется нами далеко не так эффективно, как бы нам всем хотелось. Особенно по части строительства жилья и дорог. Дороги у нас очень и очень плохие. Сами по ним ездите и знаете, как на них трясет, так что расписывать вам их состояние считаю излишним.

Чебаков продолжил вязать кружева слов, почти не задумываясь об их смысле:

— Далее, насчет ремонта коммуникаций и жилья, доставшихся нам в наследство от тоталитарного режима. Надо иметь в виду предстоящие перевыборы. Усилить агитацию и пропаганду. Засучить рукава. Каждую зиму у нас что-нибудь рвется, ломается или течет. Поэтому прошу ответственных товарищей иметь это в виду и принимать достаточные меры для выполнения соответствующих решений. Особенно в том

смысле, чтобы подойти к выборам в полной боевой готовности. Далее, надо иметь в виду, что правительство обращает сугубое внимание на положение дел в ЖКХ, и мы с вами не должны отставать от общей тенденции в русле модернизации. Насчет правопорядка тоже есть упущения. Как вам известно, на гаражах были сделаны провокационные надписи, позорящие наш город и всех нас. Милиция... то есть прошу прощения, полиция... так вот, она приняла соответствующие меры, и означенные эксцессы больше не повторились.

Речь мэра текла как по писанному, уж в чем-чем, а в этом деле он насобачился вполне за минувшие годы. Слушатели клевали носом, лишь один человек был внимателен и не отрывал шариковой ручки от своего блокнота — главный редактор «Угорских ведомостей». Покрывая строчками страницы своего блокнота, он мысленно ухмылялся, поглядывая на осоловевших чиновников. Впрочем, ухмылка господина Угорского была вымученной, время от времени его охватывала паника и откровенный страх: он не знал, был ли в городе человек из Москвы от Еськи Иванова, а если был, то неизвестно, что он там понаписал о событиях в Угорске. И вообще, зря он сунулся в «Дело», тем более к Иванову, всегда отличавшемуся тем, что шел на поводу у властей. Может быть, этот корреспондент и не приезжал, или, наоборот, ходит по городу, вынюхивает, попадет в лапы Осевкину, и тот вытянет из него все, что тот знает, и тогда станет известно, кто дал им соответствующую информацию. А затем все может случиться в этом задрипанном городишке, в котором еще недавно то и дело пропадали люди. Можно себе представить, что они пережили, прежде чем отправиться на тот свет. И тело Угорского сотрясала нервная дрожь.

— Как вам всем известно, в недалеком будущем в нашей стране произойдет важнейшее историческое событие, которое должно всколыхнуть весь народ на новые достижения в физкультуре и спорте, а также в других областях, — продолжил Чебаков, несколько воодушевившись, так что некоторые слушатели, поморгав глазами, уставились на него с видимым вниманием. Это внимание еще больше подхлестнуло оратора: он привел в движение свои руки, и они запорхали в воздухе, точно бабочки. — Я имею в виду грядущий чемпионат мира по футболу. В связи с этим событием я предлагаю всем подумать о том, чтобы построить в нашем городе стадион на пять или даже на десять тысяч зрителей, имея в виду рост населения в ближайшем будущем в связи с новой политикой правительства по вопросу решения демографических проблем. А то мы что ни строим, все лишь для того, чтобы

залатать имеющиеся дыры. Пора задумываться о перспективе хотя бы лет на двадцать. Наши мальчишки гоняют мяч на пустырях, стадион старой школы частично заняли под склады и еще черт знает подо что. Это есть самое настоящее недомыслие наших бизнесменов, у которых, кстати сказать, есть дети, и эти дети тоже бегают по пустырям. Я думаю, надо бросить клич к тем бизнесменам, кто родился в нашем городе, но достиг достаточных успехов за его пределами. Я хочу выразить уверенность, что они проявят достаточный патриотизм и любовь к своим, как сказал наш гениальный поэт Пушкин, отеческим гробам. Товарища... прошу прощения! Господина Угорского, как главного редактора «Угорских ведомостей», прошу иметь это в виду в своем репортаже с нашего заседания. Было бы хорошо, если бы газета, отражающая наши надежды, попала к соответствующим гражданам и вызвала у них э-э... достаточную активность в этом направлении.

Чебаков налил в стакан воды из графина, отпил несколько глотков и продолжил:

— А теперь слушаем сообщение некоторых должностных лиц о выполнении своих обязанностей по достаточно животрепещущим вопросам. Начнем с господина Купчикова, начальника городской полиции. Прошу, Аркадий Степанович.

На дальнем конце стола поднялся грузный человек с обширной лысиной, маленькими лисьими глазками на широком обрюзгшем лице. Прежде чем начать отчет, он кашлянул в кулак, пробежал пальцами по своему мундиру, проверяя, все ли у него в порядке. Все смотрели на него и ждали. А он не очень-то и спешил. И каждый из сидящих за столом понимал, что имеет право.

Просто удивительно, как быстро меняет человека власть, даже такая, в сущности, незначительная, какой обладал этот человек! Давно ли лейтенант милиции Купчиков исполнял должность участкового окраинного городского района, ходил в стоптанных башмаках, был потерт с ног до головы, худ, говорил робким шепелявым голосом и выглядел каким-то неприкаянным? Совсем, кажется, недавно. Ну, буквально, что чуть ли не вчера. Но затем его за старательность перевели участковым же в центр, в его ведении оказался городской рынок и множество всяких торговых точек. И случилось чудо: человек преобразился, стал как бы даже выше ростом, взгляд потяжелел, башмаки заблестели, портупья тоже, всегда аккуратно подстрижен и чисто выбрит. И даже голос изменился, приобретя властную хрипотцу. Не прошло и года — глядь,

а он уже за рулем иномарки, не шибко дорогой, но все-таки, все-таки. Затем на его личных шести сотках начал возводиться кирпичный дом... Да что там дом! — особняк в три этажа! Да и шесть соток будто бы расширились каким-то чудесным образом вдвое или вчетверо. И вот он уже капитан, затем майор, начальник городской милиции. Сменилась вывеска над входом обшарпанного двухэтажного здания — и нате вам: начальник полиции. И уже ездит на такой же машине, на какой ездит сам Осевкин. Более того, господин Купчиков в самом конце озера Долгое начал строить коттедж, располнел, обрюзг. И — подают... в тайне от Осевкина, потому что — власть, потому что может упечь.

Аркадий Степанович уперся кулаками в стол, заговорил хриплым голосом:

— За минувшую неделю никаких достаточно резонансных происшествий не произошло. Кроме тех, которые вам достаточно известны. Мы не стали педалировать теперешние обстоятельства, и происшествие как бы рассосалось само собой. Если в процентах, то количество квартирных краж уменьшилось. На прошлой неделе обокрали одного ветерана, забрали ордена, а самому нанесли тяжкое увечье достаточно тяжелым предметом. Он, значит, нас защищал, а его это самое... какие-то сволочи. Идет следствие. Что касается этой самой... «Лиги спасения России», так ее нет и не было. Чистая выдумка. Во всех остальных вопросах наше подразделение полиции идет в ногу со временем в соответствии с указаниями высших органов власти. Провели чистку рядов и сокращение штатов: двух человек отправили на заслуженную пенсию, одного уволили по собственному желанию в связи с переменой места жительства. Остальные достаточно соответствуют предъявленным нормам и гордому имени полиции.

Выпалив все это, Купчиков перевел дух, исподлобья оглядел стол. Никто не шелохнулся.

— У тебя все, Аркадий Степанович? — Спросил Чебаков.

— Да вроде как бы все, — пожал полными плечами начальник полиции. Сел.

Шелестел под потолком вентилятор, перемешивая горячий воздух. Люди потели, откровенно поглядывали на часы.

Глава 24

В ту же пятницу ранним утром на платформу станции Угорска из московской электрички вышел молодой человек во всем белом: джинсах, футболке, кроссовках, и даже бейс-

болка с длинным козырьком была белой, если не считать какой-то эмблемы, чернеющей на ней этаким пауком. Молодого человека отличали высокий рост, лохматые волосы и борода с усами, между которыми краснели сочные улыбочивые губы. Через плечо его висела спортивная сумка, не слишком тяжелая, но, на первый взгляд, все-таки и не пустая. Молодой человек огляделся, заметил, что все бывшие пассажиры направляются в одну сторону, и двинулся вслед за ними. На тенистой дороге, где пахло травой и сосновой живицей, он догнал пожилую женщину, тащившую, перегнувшись на одну сторону, тяжелую сумку, и предложил ей свою помощь. Женщина поначалу отнекивалась и даже оглядывалась, как бы ища защиты, но весь народ уже прошел, и на дорожке они оставались вдвоем. Молодой человек, такой улыбочивый, такой приветливый и вежливый, через минуту рассеял ее подозрения, и она доверила ему свою тяжелую сумку, однако известив его, в надежде на понимание и сочувствие, что едет к больному внуку и везет ему кое-каких московских гостинцев.

— Так вы живете в Москве? — искренне удивился молодой человек, будто он попал на край света, где встретить москвича практически невозможно.

— В Москве, сынок, в Москве, — подтвердила женщина. — Да вот дочка у меня вышла замуж за местного. — И пояснила: — Учился он в Москве, там они и познакомились. И сошлись. Два года мотались по квартирам, не расписывались... Нынче какие времена — сам знаешь: сойдутся, разойдутся — им трава не расти. Одни удовольствия. Ну, родила она, дочка-то моя, значит, сына. А зять, к чести его надо сказать, оказался человеком порядочным, не бросил ее с ребенком-то. Расписались они, свадьбу сыграли — все, как положено. А квартиры, сам небось знаешь, сколько они у нас, в Москве-то, стоят, нет ни у нее, ни у него. А у родителей жить — ни-ни. Вот и решили, чем так, то лучше в этом Угорске, но в своем собственном жилье... Мать у него жила тут в пятиэтажке, да померла, а квартира осталась, — поведала словоохотливая женщина. — А ты-то чего сюда? Или тоже к родственникам?

— Нет, мамаша, я по работе. Журналист я, в газете работаю. Вот направили сюда в командировку. Сказали, что тут какие-то лиги объявились, лозунги националистические пишут на стенах, народ будоражат... Ничего не слыхали?

— Как же, как же, слыхивала. Зять-то мой на этом самом комбинате работает, который в частной собственности находится, а хозяин... вот забыла его фамилию, прости господи! — вот уж полгода ни гроша своим работникам не платит. Ну,

ребятня и написала что-то, не поймешь что, потому как отцы их и матери на этом комбинате работают. Поживи-ка полгода без гроша в кармане — каково это? То-то и оно. А у людей дети, их обувь-одеть надо, школа на носу, учебники каждый год новые, цены растут. Бог знает что, прости господи, с этими учебниками! — воскликнула женщина, всплеснув руками. — В наше время такого не было. Из года в год учебники передавали из класса в класс, и ничего, выучились, не хуже других. А тут не могут договориться, кто кого победил на Курской дуге: наши ли немцев или немцы наших. И вообще поговаривают, что если бы не американцы, нам бы никогда войны той не выиграть. А нам откуда знать, так ли, нет ли. Вчера говорили одно, теперь говорят, что это была, мол, советская пропаганда — вранье да и только. Сегодня говорят другое — тоже поди врут. Вот и не веришь никому.

— Да, болтают всякое, — согласился молодой человек.

— А ты из какой же газеты-то будешь? — спросила женщина. — Я уж их и не читаю: все одна болтовня, что по телевизору, что в газетах. Нигде правды нет. У нас в Москве-то еще пенсии более-менее ничего, а в провинции люди на гроши живут. Разве что огород — он и спасает.

— Работаю я в газете, которая называется «Дело». Раньше, то есть до революции, в России не было такого понятия — бизнес. Дело! Деловой человек! «Дело Артамоновых» Горького... Читали небось?

— Как же, как же, читала. По программе в школе проходили. Да что ж поделаешь: время такое, что куда ни глянь, одни нерусские заправляют, вот и выдумывают всякие нерусские названия: менеджер, риэлтер и прочую чепуху. Язык сломаеть.

— Ну, так уж одни нерусские? — засомневался молодой человек, вспомнив почему-то сразу же своего начальника отдела Иванова.

— Так если и русский, тоже ничуть не лучше. К Сталину небось с иностранными словами не лезли. При нем всякий знал, что делать, а тут — говорят одно, а делают совсем другое.

— Ох, мамаша, желчный вы человек, — рассмеялся журналист.

— Поживешь с мое, сам таким станешь, — философски заключила женщина и улыбнулась, остановившись возле пятиэтажки. — Вот и пришли. Вон на втором этаже пеленки висят... Видишь?

— Вижу.

— Там-то мои и живут. Тесновато, конечно, но все-таки свое. Спасибо тебе, мил человек. А если тебе надо на комби-

нат, так это вон туда, — махнула женщина рукой в сторону сквера. — Видишь церковь? Вот сразу за ней этот комбинат и находится.

— А не знаете ли вы, мамаша, где здесь гостиница? А то сумку оставить — и то негде.

— Гостиницы тут нету никакой, мил человек. Был, говорят, когда-то Дом колхозника... — И пояснила: — Это когда колхозник в район по каким-нибудь делам приезжал, так в этом доме селился. А сейчас нет ничего. Туристы сюда не ездят, показывать здесь нечего: кругом леса да болота, колхозы повывели, ничего другого не создали. А насчет переночевать, так это я у дочки могу спросить. Давай поднимемся наверх, раз уж ты взялся мне помочь, а то мне по лестницам тяжело подниматься, там и узнаем.

Дочка, весьма миловидная молодая женщина без особых примет, которую начинающий журналист затруднился бы описать, случись в этом необходимость, встретила свою мать с визгливой радостью, а на ее долговязого спутника глянула с подозрением. Но мать ее успокоила, и через несколько минут молодой человек вошел в соседнюю квартиру, где жила одинокая вдова неопределенного возраста, муж которой помер, как ему сказала дочка словоохотливой женщины, по причине пьянства. Молодой человек с опаской оглядел растрепанную женщину в дырявом халате и ее весьма убогое жилище. Однако отступить было некуда, да и женщина засуетилась, уверяя его, что у нее тут погром по чистой случайности, а так всегда чисто и уютно, и он решил, что уж пару ночей можно как-нибудь перекантоваться и в этой берлоге, зато в его будущей книге прибавится довольно занятное приключение. Выяснилось, что вдову зовут Аделаидой, а называть можно просто Идой, что Валька, ее молодая соседка, к которой приехала из Москвы ее мамаша, большая задавака, корчит из себя столичную штучку, а сама дура дурой.

Назвав себя Егором, хотя на самом деле звали его Валерой, но не показав документов по причине возможной конспирации, мало ли как развернутся события — провинция все-таки, оставив у вдовы большую сумку, уложив фотоаппарат и диктофон в сумку поменьше, молодой человек отправился выполнять задание редакции. Первое в своей жизни — с выездом в настоящую командировку.

На комбинат Валера решил не спешить. Сперва надо оглядеться, выяснить аспекты провинциальной действительности, подышать, так сказать, наэлектризованным воздухом социального напряжения, проникнуться народной жизнью в ее как бы первобытном естестве, не испорченном сто-

личным разворотом, и на этом фоне развернуть конфликт... Ну, что там развернется, это еще надо будет посмотреть, но без конфликта возвращаться в Москву никак не возможно. Так если бы конфликта не было, не возникла бы и нужда сюда ехать. Валера, оглядевшись и определив, где находится центр города, пошагал своими длинными ногами по одной из улиц, весьма, между прочим, опрятной, тенистой и тихой. Улица вскоре привела его на площадь, которую окружали двух- трехэтажные здания эпохи развитого социализма, не лишённые помпезности, но выглядевшие весьма жалко с точки зрения исторического момента. Правда, нигде памятника Ленину он не обнаружил, но постамент, окруженный цепями и цветочными клумбами, стоял, а на постаменте куда-то бежал чугунный солдат с автоматом в одной руке и гранатой в другой. И было написано на бронзовой табличке, что это есть памятник угорчанам, павшим в боях Великой Отечественной войны за свободу и независимость советской Родины. Слава им и вечная память.

Отсюда, от памятника, открывалась вся панорама площади и окружающих ее зданий. Над одним из них красовалась огромная реклама, и Валера, вглядевшись, прочел: «Моя полиция меня бережет!» А подойдя поближе, обнаружил бронзовую доску, гласившую, что городской отдел полиции Министерства внутренних дел находится именно в этом здании. Правее высилась четырехэтажная мэрия Угорска, еще дальше — угрюмое здание банка, похожее на старинный сейф; на другой стороне площади, примыкая к парку, сияло нечто трехэтажное, напоминающее средневековый замок, облепленный броскими рекламами. Тут тебе и ресторан «Угорье», и универсам «Озеро Долгое», и парикмахерская «Наша мода», кафе «Ручеек». Сфотографировав и памятник, и здания, но не в открытую, а как бы из сумки, специально приспособленной для скрытой съемки, Валера переступил порог кафе, уселся за столик и стал ждать.

В кафе было гулко от пустоты. Лишь за стойкой бара дремал молодой человек в красной куртке с белыми отворотами, да в сумрачном углу пили кофе мужчина и женщина, тоже, видимо, приезжие. Если иметь в виду рабочий день, исходить из объявления, что дискотека начинает функционировать с восемнадцати часов, то кафе наполнится лишь к вечеру, когда молодежь устремится туда, где можно весело провести свободное время. В кафе, между прочим, запрещалось курить, распивать спиртные напитки, рекомендовалось вести себя прилично и не забывать, что «вы являетесь гражданами древнего города Угорска, имеющего славные боевые и

трудовые традиции». Валера, прочитав эти обязанности и напутствия, похмыкал и решил, что непременно заглянет сюда вечером и проверит, выполняются ли эти благие пожелания.

Минут через пять к его столику направилась ярко окрашенная девица, тоже в красной курточке, но в белом переднике, с блокнотом и меню. Валера выбрал кофе и фирменные угорские пирожки с мясом и капустой. К его немалому удивлению, и кофе, и пирожки имели отменный вкус и запах. Он подумал было, не повторить ли ему это удовольствие, однако, здраво рассудив и прикинув свои финансовые возможности, решил, что вполне обойдется и этим: не вагоны разгружать ему предстоит, как бывало на летних каникулах во время студенчества, а, можно сказать, прогулки и посиделки. Пока же предстоит пройтись по точкам, отмеченным заветделом Иванычем в самодельной схеме: гаражи у какого-то Гнилого оврага, рынок, жилой массив под названием «Ручеек», посидеть с бабушками возле «хрущевки», ну и еще что-нибудь, что попадется под руку. И лишь потом встретиться с мэром этого города и, если повезет, с хозяином комбината. Главное, как их учили на лекциях старые зубры журналистики, не пропускать ни единой мелочи, ибо целое как раз и состоит из мелочей.

Шагая в направлении железной дороги, Валера как-то неожиданно подумал, что схема, лежащая в его сумке, не могла взяться ниоткуда, что кто-то из местных ее составлял, кто-то информировал Иваныча о событиях в Угорске, и этот кто-то не хочет, чтобы о нем стало известно. Вспомнилось еще, что Иваныч настойчиво не рекомендовал ему заглядывать в редакцию местной газетенки, потому что ничего он там не узнает, а подозрение и внимание местных властей на себя обратит раньше времени. Следовательно, осведомитель этот и сидит, скорее всего, в редакции «Угорских ведомостей».

Придя к такому умозаключению, Валера широко ухмыльнулся и даже хохотнул, довольный своей прозорливостью.

Увы, писания на гаражах оказались тщательно закрашенными, лишь кое-где еще можно различить фрагменты некоторых букв, а уж насчет самой крамольной надписи какой-то там «Лиги спасения России» и говорить нечего. Однако и эту закрашенность Валера запечатлел своим цифровым аппаратом.

От гаражей Валера направился к рынку, поскольку тот оказался на пути к жилому массиву «Ручеек». Но ни рынок, ни новые дома, похожие на московские, и вообще ничто не напоминало о недавних событиях. А молодые мамы и, есте-

ственно, далеко не молодые бабушки, ни о чем говорить с Валерой не пожелали, хотя он представился им человеком, только что закончившим химфак и теперь, в поисках высоко оплачиваемой работы, хочет разузнать насчет стоимости местного жилья и прочих условий. Странно все это и непонятно. То ли его вид не внушал доверия всем этим разновозрастным женщинам, то ли все они тут так напуганы, что и рта боятся открыть перед незнакомым человеком.

Решив, что больше ему должно повезти в районе «хрущоб», Валера отправился туда. Во дворе одного из домов он заметил толпу прилично одетых людей, иных даже с кожаными папками, толпившихся вокруг невысокого и весьма упитанного человека, который, поводя руками, что-то им объяснял.

— Что это за делегация? — спросил Валера у одной из них, стоящей несколько на отшибе.

Та посмотрела на него с подозрением, затем неохотно пояснила:

— Мэр наш со своими шестерками ходит... интересуется, как люди живут. — Помолчала, добавила, зевнув: — Перевыборы скоро.

Валера приблизился к представительной группе. И вот что он услышал из уст сравнительно молодого, но уже одышливого человека:

— Да, мне известны ваши проблемы, — говорил тот уверенным баритоном, поводя рукой. — И мэрия рада бы сделать все для того, чтобы с этими проблемами справиться в самое ближайшее время. Но, увы, ресурсы наши весьма ограничены, а дыр от советской действительности осталось столько, что все сразу не залатаешь. Но мы держим ситуацию под контролем, и как только появятся средства, так сразу же заключим договор с подрядной организацией и приступим к работе. В этом вы можете на меня положиться целиком и полностью.

— Вы и в прошлом году обещались, — прошамкала старушка, стоящая ближе всех к мэру. — А воз и ныне там.

— Да, бабуля, обещался. Не отрицаю. Но что я могу поделаться? Мне в области тоже обещались. А в результате — пшик. Но, повторяю еще раз: мы держим все ваши проблемы под контролем, — заявил мэр и направился дальше, сопровождаемый молчаливыми людьми.

Валера и мэра с его окружением запечатлел своей камерой, ничуть не удивившись происходящему: везде, как выборы на носу, так чиновник уподобляется медведю, по весне вылезаящему из своей берлоги и начинающему шататься по лесу, делая вид, что обитатели леса интересуют его исключительно ради удовлетворения их потребностей.

Повозившись в своей сумке, Валера оглянулся из-под руки, пытаясь понять, не заметил ли кто-нибудь его секретной съемки. И ему показалось, что одна женщина, стоящая рядом с мужчиной, как-то уж очень поспешно отвернулась. Странное дело, но это как раз те мужчина и женщина, которых он видел в кафе. Эта же парочка топталась на выходе из кафе «Ручеек», потом вроде бы она же оказалась почти в двух шагах от него на рынке. И у мужчины что-то такое с одной половиной лица, которую прикрывает широкополая шляпа, сдвинутая набок. Да и рука мужчины то и дело как бы проверяет, хорошо ли прикрыта эта половина. В любом случае — подозрительно. И вот они же теперь оказались и здесь. Для случайного совпадения это, пожалуй, слишком. Хотя совпадения исключить нельзя. Как нельзя исключать его собственную мнительность, вызванную чтением газет, теленовостями, в которых большие и малые ЧП подаются с настойчивостью необыкновенной. Особенно тогда, когда что-то случается с журналистами. Но откуда в Угорске могут знать, что он журналист? От случайной попутчицы, которой он сказал о своей профессии и даже о цели приезда в Угорск? Вряд ли.

Валера попытался рассмотреть своих спутников повнимательнее, но женщина, явно крашенная брюнетка, и мужчина спортивного вида в больших темных очках, держались к нему в основном спиной.

У Валеры в его еще короткой жизни не имелось повода обвинить себя в трусости, но тут он почувствовал что-то вроде озноба и непроизвольное желание постоянно оглядываться. А ведь он и боксом занимался, и каратэ, и самбо, потому что серьезно готовился стать журналистом, а это не только одна из важнейших профессий, но и самых опасных в условиях нынешней России. Конечно, за себя постоять он сумеет, но... но убивают или калечат даже таких людей, вокруг которых полно охраны. И тогда он решил, что пора бросать конспирацию и заявить о себе властям: пусть власти заботятся о его безопасности, потому что им же хуже, если с ним что-то случится на подведомственной им территории.

Глава 25

Андрей Сергеевич Чебаков, прежде чем покинуть свой кабинет, по заведенной привычке никому не доверять, потому что вокруг одни жулики и всегда готовы подложить свинью своему начальнику, открывал и закрывал на ключ ящики стола, мурлыча мелодию какой-то легкомысленной песни. Проверив все, что положено, он в самую последнюю очередь

остановился перед личным сейфом, в котором, впрочем, не было ничего ценного — так, какая-нибудь мелочь в несколько тысяч долларов, евро и рублей, за которые не нужно отчитываться перед женой. Открыв наборный замок, заглянул внутрь, заметил, как лежат папки с бумагами, чуть сдвинул одну из них и, перед тем как снова набрать код и повернуть ключ, прижал дверцей волосок из собственной головы. Исполнив этот ритуал, он еще раз хозяйским глазом оглядел свой кабинет: книжные шкафы с автоматически выдвигаемыми полками, два компьютера, телевизор, небольшой бар со всякими напитками, собственный двухтумбовый стол, покрытый зеленым сукном, серебряную карандашницу, стол для заседаний, и, довольный самим собой и минувшим днем, предвкушая несколько часов приятных развлечений, шагнул к двери, как вдруг она отворилась, и заглянувшая в нее секретарша доложила, что к нему на прием просится корреспондент московской газеты «Дело» Валерий Игнатьевич Жилинский.

Андрей Сергеевич замер на полушаге, по телу его прошла ознобная волна, она ударила в лицо холодом, а в мозгу пронеслось стремительным смерчем: «Как узнали? От кого?».

Однако в шоковом состоянии Андрей Сергеевич пребывал недолго: сказался многолетний опыт работы мэром. Он выдохнул застоявшийся в груди воздух, подобрал отвисшую губу и поманил секретаршу пальцем. Та зашла в кабинет, осторожно прикрыв за собой дверь.

Это была женщина лет сорока, неплохо сохранившаяся или, как говорят знатоки, не лишенная шарма, но то ли когда-то крепко напуганная, то ли невезучая в личной жизни, а потому смотревшая на своего начальника испуганными серыми глазами, будто допустила в своей работе непростительный промах, о чем вот-вот станет всем известно.

— Документы проверила? — спросил Чебаков резко, на глазах меняясь в лице: из беспечного, довольного жизнью и благодушного превращаясь сперва в оупелого, затем в злого и тоже напуганного.

— Проверила, — тихо ответила та.

— Какой он из себя?

— Молодой, высокий, с бородкой, — ответила секретарша, для верности обозначая руками и рост, и бороду, но поскольку молодость обозначить руками не получалось, добавила, жеманно поведя плечом: — Симпатичный.

— Цель посещения? — бил ее короткими вопросами Андрей Сергеевич.

— Для написания очерка о жизни провинциального города.

— Врет небось, — пробормотал Андрей Сергеевич, растерянно оглядываясь, словно соображая, в какую бы щель ему прошмыгнуть, чтобы не встретиться с этим газетчиком. Но никакой щели в кабинете не имелось. С другой стороны, если он не встретится с этим журналюгой сейчас, то все равно не избежать встречи потом, а до тех пор придется мучиться неизвестностью, вместо того чтобы отдохнуть и наслаждаться жизнью.

подавив в себе тягостный вздох, Андрей Сергеевич приказал:

— Ладно, пусть войдет.

Секретарша вышла, оставив дверь открытой настежь, и в нее тут же шагнул человек, действительно молодой, действительно высокий, действительно бородатый и симпатичный. Он широко улыбнулся сочными губами и, протягивая на ходу руку, заговорил приятным басом:

— Большое вам спасибо, Андрей Сергеевич, что вы нашли время для встречи со мною. Честное слово, я понимаю: пятница, конец рабочей недели, — сыпал без умолку Валера, пожимая вялую руку мэра своими жесткими пальцами. — Но войдите в мое положение: редакции понадобился положительный материал о жизни провинциального городка, о том, в частности, как возрождается в нем деловая жизнь, задушенная недавним кризисом, о людях, которые беззаветно трудятся на ниве возрождения промышленной мощи страны. И на все про все мне отпущено всего лишь три дня. Три дня! — воскликнул Валера, выставив вперед руку, спрятав в ладонь большой палец и мизинец, не ожидавший от самого себя такой напористости и речистости. — И два дня придутся на выходные! Согласитесь, Андрей Сергеевич, совершенно безвыходное положение! Так что вы уж, будьте так добры, не гоните меня вон, иначе мне хоть в омут головой.

— Да что вы такое говорите! — воскликнул ошарашенный потоком слов Андрей Сергеевич, постепенно приходя в себя. — Какой еще омут! Милости прошу! Мы всегда рады... То есть я хотел сказать, что я всегда готов принять и поговорить с вашим братом-журналистом. Я понимаю, какую роль исполняет пресса, так сказать, пятая власть... как говорится, глаголом жечь сердца людей... У нас нет секретов от прессы: своя газета, свое, так сказать, радио и телевидение имеются... освещают, так сказать, жизнь города и района, доводят до сведения граждан все нюансы нашей жизни. Правда, местное телевидение еще в зачаточном состоянии, но в самое ближайшее время... переход на цифровое... а что касается выходных дней, так мэрия всегда на посту, всегда печется о сво-

их гражданах. Не извольте беспокоиться. — Теперь уже сам Андрей Сергеевич перешел в наступление, так что не остановишь, потому что собственная речь всегда придавала ему силы, а главное, позволяла сообразить, что к чему и как себя вести дальше. Хотя он не поверил ни одному слову корреспондента, однако спасительная зацепочка все-таки появилась: может, и нет в появлении журналиста ничего страшного, то есть связанного с известными событиями, а есть одно лишь совпадение, так что нечего заранее паниковать, а надо брать разговор в свои руки.

Чебаков умолк, чтобы перевести дух. И так они стояли несколько мгновений в немом молчании, пытаясь понять, какое впечатление произвели друг на друга.

Первым в себя пришел Валера.

— Огромное, просто бесконечное вам спасибо за ваше понимание ситуации, — набирал он обороты, постепенно продвигаясь вслед за мэром к его столу. — Вы знаете, что меня особенно поразило? Никогда не догадаетесь! — И посмотрел на Чебакова смеющимися глазами.

Однако, брызжущее из глаз Валеры веселье скользило мимо Андрея Сергеевича, практически его не задевая, будто был он, подобно планете Земля, окружен магнитным полем, отражающем все излучения беспокойного солнца. Он смотрел на своего гостя с напряжением, не понимая, чему можно так радоваться. Наконец передернул плечами, развел руки и произнес извиняющимся тоном:

— Так в любом деле случаются накладки. Если бы они не случались, а дело делалось бы само собой, то не нужно было бы иметь ни мэрии, ни полиции, ни президента, ни всех прочих. Конь о четырех копытах и тот спотыкается.

— Вы меня не поняли! — воскликнул Валера. — Я просто вспомнил Москву и передраги, возникающие наверху по случаю плохой уборки улиц и дворов. У вас же как будто все делается именно по мановению волшебной палочки: нигде не видно дворников, но везде чисто, как в комнате прилежной хозяйки: ни окурка, ни бумажки, ни там банки или бутылки. Просто удивительно! И этот факт я отмечу отдельной строкой.

— А-а, это... — вздохнул с облегчением Андрей Сергеевич. — Да, в этом вопросе мы добились существенных успехов. Этого у нас не отнимешь. Цветочные клумбы, декоративный кустарник — все это результат работы с общественностью. Опять же, культура поведения... Были как-то иностранцы — и те удивились. Сам губернатор ставит нас в пример другим, даже грамотой наградил. Вот, полюбуйте! — И Андрей Сергеевич показал на стену, увешанную грамотами в рамках и под стеклом.

— Так в чем же секрет? — не выдержал Валера.

— А секрета никакого нет. Мы поставили наших дворников, — стал делиться с журналистом своим опытом мэр, — мы их, сукиных детей, поставили... извините за грубое выражение! — перед дилеммой: или у них чисто — тогда они получают зарплату, или грязно — тогда не получают ни гроша, и мы набираем других дворников — из гастарбайтеров. Вот и весь секрет. Народ у нас, должен вам сказать, за годы так называемой перестройки и перетряски исподлючился, все норовит урвать за просто так. Воспитать человека трудно, испортить легче легкого. Наверху, судя по всему, — понизил голос Андрей Сергеевич и даже глянул воровато на дверь, — так вот, я и говорю, наверху у нас не понимают простой истины: русский народ надо держать в узде и постепенно приучать к новым условиям по западному образцу. Я неоднократно бывал на Западе, так скажу вам откровенно — там все не так, как у нас. Представляете, там каждый домовладелец моет тротуар перед своим домом с шампунем. А чтобы там собачка или кошка, или еще какая животины, извините за выражение, накакала и хозяин этой животины тут же не убрал — такого просто не может быть! Культура! — И Андрей Сергеевич поднял вверх руку, многозначительно устремив еще выше указательный палец.

— И как же? — спросил Валера, забыв о взятой на себя роли рубахи-парня, с любопытством глядя на мэра как на какого-нибудь дикобраза, выскочившего из клетки на городскую улицу. Он никак не мог себе уяснить, правду говорит мэр или паясничает, потому что ему-то, мэру, вроде бы должно быть ясно, что приезжий журналист может понять его слова буквально и подать их так, как они и были произнесены. И что тогда? Или он решил, что и Валера, столичный журналист, не может смотреть на народ иначе, чем на него смотрит сам мэр Угорска?

Но Андрей Сергеевич в порыве вдохновения не заметил перемены выражения в глазах своего гостя, и Валера, спохватившись, успел вернуть себе первоначальный вид.

— Да просто! — воскликнул он. — Там, на Западе — орднунг! Порядок то есть. Для тамошнего народа орднунг — выше господ бога. Именно что так! И воспитание с младых ногтей. И мы пошли по этому же пути. Пропаганда бережного отношения к своему городу, культура поведения, урны и все такое прочее — это мы проводим постоянно. Ну и штрафы. Без них не обойтись. Бросил окурочку мимо урны — плати. Однако, должен заметить, что штрафуют все реже и реже: народ привыкает к порядку, а не как в том свиарнике: где едят, там, извините, и того самого. Да-да! Не смейтесь!

— Да я и не смеюсь! — сделал Валера своими длинными руками замысловатое движение так, как учил их психолог, если надо от чего-то отвлечь внимание своего собеседника, чтобы не вызвать у него подозрения в неискренности. И поспешил признаться: — Я, честно говоря, еще ни разу в зрелом возрасте не был на Западе, но помню, что там да — дорогу перейти в неполюженном месте — скандал! И машина перед «зеброй» сбавит скорость, хотя на улице не видно ни души. Или будет стоять и ждать, пока ты не решишься, куда тебе идти.

— Вот-вот! Это вы верно заметили! — подхватил Андрей Сергеевич. — А у нас могут и задавить. И не остановиться. И уехать, не оглянувшись. Вы лучше спросите себя самого: отчего это так происходит в России на протяжении многих веков?

— И отчего же?

— А все оттого, что страна у нас слишком большая. А большой страной не так просто управлять. Для этого нужны не только знания, но и таланты. А где их возьмешь? — спросил Андрей Сергеевич, победно глядя на собеседника. И сам же ответил: — Неоткуда! Известно, что гении рождаются раз в столетие, и, как говорили классики, за неимением таковых, приходится обходиться коллективом бездарей... Ну, не совсем бездарей, но и не совсем гениев... Ха-ха-ха!

Валера тоже рассмеялся, но больше не от остроумия собеседника, а от явного желаня того показаться более умным, чем он есть на самом деле. Тем более что признать, будто мэр Угорска таким образом признается в своей бездарности, Валера мог лишь с большими оговорками. Между тем хозяин кабинета, насладившись произведенным эффектом, стал развивать свои мысли дальше:

— Однако мы, разумеется, совместно с общественностью и полицией, боремся со всеобщим разгильдяйством всеми силами и, как вы успели заметить, кое-чего достигли в этой области. Да. И, кстати, вы обедали?

— Да, уже пообедал в вашем кафе. Должен признаться, меня чрезвычайно удивили качество блюд, их ассортимент и весьма невысокая цена. Во всяком случае — по сравнению с московскими ценами.

— Поспешили! Очень жаль! — произнес Андрей Сергеевич искренне. И признался: — А я вот не успел: все дела, дела, забываешь иногда не только поесть, но и самого себя. Однако поужинать-то вы еще, надеюсь, не успели. Так вот, предлагаю вам встретиться в нашем ресторане часов эдак в семь. Заодно и поговорим. Как вы на это смотрите?

— Положительно, — ответил Валера не слишком уверенно: он бы предпочел говорить в этом кабинете. А в ресторане... Кто его знает, с кем придет туда Чебаков? Опять же деньги... денег у Валеры было не так уж много, чтобы тратиться на ресторан.

Но Андрей Сергеевич, заметив неуверенность корреспондента, правильно определил, чем она была вызвана, и тут же заверил:

— Если вы насчет оплаты, так это я беру на себя. Все-таки я хозяин, вы мой гость. Из этого и будем исходить.

С этими словами они покинули кабинет мэра. Валера, проходя, расшаркался перед секретаршей, приведя тем самым ее в еще больший трепет; они спустились по лестнице вниз, застряли на миг в дверях, пропуская друг друга, благополучно вышли на улицу, и Андрей Сергеевич тут же нырнул в ожидавшую его машину, помахав рукой и еще раз подтвердив свое решение:

— Так я вас жду к семи часам на втором этаже!

Машина тронулась и понеслась, пересекла площадь и скрылась среди домов ближайшей улицы.

«Этот не остановится не только перед «землей», — подумал Валера с уверенностью, — но и перед красным сигналом светофора».

Постояв так, раздумывая, где убить целых три часа времени, он вспомнил, как косились в кафе на его сумку, решил, что в ресторане могут и тайком обыскать, так что лучше всего оставить сумку на квартире, и решительно пошагал в сторону квартала «хрущоб».

Глава 26

На звонок Валеры долго не открывали, затем потемнел глазок в двери, щелкнул замок, и перед ним, ошарашенным, предстала неузнаваемо изменившаяся женщина, мало чем напоминавшая прежнюю Аделаиду.

— Батюшки-святые! — воскликнул Валера, но не очень громко, чтобы не пробудить ненужного любопытства соседей. — Вас, сударыня, не узнать. Будто вы искупались сперва в горячем молоке, затем в воде холодной.

— Вы забыли про воду кипяченую, — мило улыбнулась Аделаида. И, кокетливо поведя обнаженным плечом, спросила: — Что, так плохо выгляжу? — И чуть отступила в сторону, пропуская в дверь квартиранта, при этом коснувшись его далеко вперед выдвинутой грудью.

— Ну что вы, право! Совсем наоборот! Вы мне напоминаете одну из актрис в пору ее цветущей молодости! — польстил ей Валера.

— Это какую же?

— Да ту, что играла Анну Каренину.

— Ах, эту! Спасибо за комплимент, Егор... Простите, не знаю вашего отчества.

— Насчет отчества мы вроде бы договорились. Что касается вашего волшебного преобразования... Вы лучше скажите, как вам это удалось?

— А что, совсем плохо выглядела?

— Да уж не сказать, чтобы слишком хорошо.

— Ну, по утрам мы все выглядим не очень, — пояснила Аделаида. — Тем более что вы застали меня врасплох. Но о подобных превращениях вам лучше всего расскажет ваша жена...

— Увы, я еще не приобрел себе жены и пока не вижу в ней острой необходимости.

— Ой ли? И что это за мужчина, который не видит необходимости в женщине? — снова повела обнаженным плечом Аделаида.

— Я не сказал — в женщине, я сказал — в жене.

— Будете обедать? — перевела разговор в другую сторону хозяйка. — Я только что сварила суп-харчо, нажарила картошки.

— Спасибо, я пообедал в кафе.

— Очень жаль. А я так старалась, — надула она крашенные губы. — Но хотя бы чаю-то выпьете?

— Чаю? Чаю — с удовольствием. На улице так жарко.

Они сидели и пили чай. Валера оглядывал комнату: все в ней блестело, все говорило о былом достатке. Аделаида рассказывала о себе:

— Родилась я в Оренбургской губернии. Станция Донгузская, поселок Первомайский... Может быть, слышали?

— Нет, не доводилось, — ответил Валера и осторожно потянул в себя горячий чай.

— Дыра. Мой будущий муж служил командиром взвода на военном полигоне. Потом армию стали сокращать, делать в нашей дыре нечего, и... привез он меня в этот Угорск. Тоже дыра, но чуть побольше. Работы нет, перебивались мелкой торговлишкой. Мой муженек стал попивать. Дальше — больше. Ну, скандалы. Хотела уехать на родину: хоть и дыра, а родная. А он возьми и по пьянке свались с крыши второго этажа. И прямо на железную оградку вокруг клумбы под окном. А оградка такая, знаете ли, с пиками. Ну и... до больницы не довели. Так вот и стала я вдовой и хозяйкой этой вот двухкомнатной квартиры. Работаю на ФУКе упаковщицей. Работа как работа. Другой не нашла. Да и образование у меня

одиннадцать классов, можно сказать, что никакого. — И, посмотрев на настенные часы, вздохнула: — Мне пора во вторую смену.

Она поднялась из-за стола, взяла с полочки черную сумочку, остановилась в нерешительности.

И Валера глянул на часы: они показывали половину шестого. Странно, но ему не хотелось никуда уходить от этой женщины с тоскующими глазами. И отпускать ее тоже не хотелось.

— И когда вас ждать? — спросил он, тоже вставая из-за стола.

— Около двенадцати. Возьмите ключ. Постель я вам постелила в большой комнате на диване. Будете уходить, просто захлопните дверь. Если захотите чаю...

— Спасибо. Чаю я точно не захочу, но я вас подожду — вместе попьем, — произнес Валера с чувством и, взяв тонкую в запястье руку женщины, поднес ее к губам, не отрывая глаз от ее лица и вида, как в беспомощном ожидании невозможного опустил ее нижняя губка, обнажив мелкие, но очень белые зубы.

Валера приблизился к Аделаиде почти вплотную, взял одной рукой за талию, но женщина, будто очнувшись, шагнула назад. Высвободила руку, пробормотав извиняющимся тоном:

— Мне на работу, Егор. У нас на этот счет строго, так что вы уж...

Проводив Аделаиду до двери, он закрыл дверь и некоторое время стоял в раздумье, слыша, как цокают, затихая, каблуки по ступенькам лестничных маршей. Затем, вернувшись к столу, стал записывать в большой блокнот все, что с ним приключилось, начиная с раннего утра, когда он сел в электричку.

Глава 27

Три дня, оговоренные Нескиным, миновали, и он отбыл из Угорска по своим делам. Перед отъездом долго обсуждал с Осевкиным положение на комбинате и возможные варианты его развития, а также способы сокрытия доходов и увода денег за рубежи «любимой родины», упоминание о которой обрастало слышимыми и почти зримыми кавычками. Если экономические проблемы были решены довольно быстро и без излишних споров, то Нескину с большим трудом удалось уговорить Осевкина не принимать никаких мер и даже не искать никого, кто мог быть причастен к писанию провокационных лозунгов.

— Крайние меры лишь подольют масла в огонь и неизвестно, куда приведут, — говорил Нескин своим убедительным голосом, потирая то свой вечно шершавый подбородок, то дергая себя за угреватый нос. — А так, Сеня, все заглохнет само собой, будто и не было. Поверь мне на слово. Особенно в том случае, если ты выдашь им зарплату. Пусть не всю сразу, а по частям. Заправились, устроившие акцию, воспримут выдачу зарплаты как свою победу и на какое-то время будут поглощены тем, как эти деньги потратить. А те, кто попытается давить на хозяина и дирекцию ФУКа дальше, окажутся в изоляции и выдадут себя с головой. Но трогать их не стоит даже в этом случае. Надо проявить христианское терпение и снисхождение к заблудшим овцам, ибо худой мир лучше доброй ссоры.

Осевкин слушал своего наставника и пытался понять, серьезно тот говорит все эти вроде бы правильные слова, похористые в то же время на те, которыми сыплют балаганные юмористы, или за этими словами стоит что-то еще, что он, Осевкин, не заметил или не понял. Дождавшись, когда Нескин иссяк, Осевкин вскинул голову и заговорил сам, тщательно подбирая слова:

— Может, ты и прав, Арончик, но, как нас с тобой учили на юрфаке, преступник должен сидеть в тюрьме. Так вот, мы с тобой когда-то сами были преступниками... во всяком случае, с точки зрения той власти. Теперь мы — честные бизнесмены. Теперь преступники те, кто хочет подорвать основы существующего строя. Мне этот строй нравится. Пока. Роли поменялись, Арончик. Теперь эти должны сидеть в тюрьме. Или ты мыслишь иначе?

— Но ты согласен, что твои работники заработали деньги, которые ты им не платишь?

— Согласен, но лишь отчасти.

— Вот и они правы со своей стороны тоже отчасти. Если же исходить из буквы закона, то их часть перевешивает твою. Заткни им глотку хотя бы частью зарплаты — и все успокоится.

— Черт с тобой, Арончик! — согласился Осевкин после долгой борьбы с самим собой. — Пусть будет по-твоему. А там поглядим.

Может быть, Осевкин и не внял бы этим наставлениям своего партнера, если бы о том же самом и почт теми же словами не говорил с ним накануне мэра Угорска Чебаков, глядя на возникшую проблему со своей колокольни:

— Это, Сеня, дело сугубо политическое, его к уголовщине не пришьешь, — вещал он, вышагивая по кабинету Осевки-

на вдоль стола, заложив руки за спину. — Я проконсультировался со знающими людьми, — произнес он, вознеся глаза к потолку. — Так вот, эти люди настоятельно посоветовали мне прикрыть это дело без шума. Я, разумеется, не сказал им, чем вызван конфликт, но они умные, сами догадались. Опять же — выборы на носу. Прошлые выборы прошли достаточно успешно, хотя оппозиция предъявляла нам претензии по части подтасовок. Но раз на раз не приходится, Сеня. Могут прислать к нам европейских наблюдателей, с этими сладить будет труднее. Да и народ может не пойти, проигнорировать, так сказать, проголосовать ногами. Нам это надо? Делай выводы, Сеня. Делай выводы, — закончил Чебаков трагическим голосом.

И Осевкину пришлось выводы сделать. Да и собственный опыт, как и опыт других, и те знания, что он получил на юрфаке, говорили ему о том же: народ — это такая сволочь, что он спит-спит, терпит-терпит, а потом вдруг очнется и давай крушить все и всех подряд. Тюремный и лагерный опыт в этом смысле кое-чему Осевкина научил тоже. Однажды нечто подобное случилось на лесоповале, но он запомнил этот случай на всю жизнь.

А дело было вроде бы обычное, не сулящее никаких последствий: ворье, отказывающееся работать, с презрением относящееся к «мужикам», то есть к людям, далеким от преступного мира, их трудом, между тем, пользовалось и на зоне: оно командовало кухней, раздачей, и прежде всего кормило себя, а «мужикам» доставалось то, что останется. И это длилось не день и не два, а было «узаконено» ворьем и принималось остальными как должное. Но случилось так, что кто-то из этих «мужиков», из новеньких, «возник» против воровских порядков. Увы, его голос оказался «гласом вопиющего в пустыне»: никто его не поддержал из страха за свою шкуру. И результат не заставил себя ждать: утром безрассудного смельчака нашли разрезанным бензопилой «Дружба». Блатные ходили, задрав вверх носы, порции работягам были урезаны до крайних пределов. Тут-то все и началось. Началось стихийно, без всякой подготовки, но поднялась вся масса «мужичья», и даже те, кто не отличался ни храбростью, ни умением драться. В считанные минуты всем, что попадалось под руку, воровская элита была забита до смерти, от самосуда удалось сбежать немногим.

Осевкин тогда не принадлежал к воровской элите, хотя и «мужиком» не считался. Таких, начинающих, было немало, кое-кому из них тоже досталось, остальных предупредили: если вякнете, то не поможет ни начальство, ни сам господь

Бог. Было следствие, однако зачинщиков не нашли, лагерь расформировали, эков раскидали по другим лагерям. Слух же о расправе над блатными прокатился по всем зонам, и блатняки притихли. Да и охрана ужесточила режим из боязни, что подобное может повториться в любом месте, а за это спрашивают, и очень даже сурово.

Но то на зоне. Хотя и там проявился известный закон: чем больше имеешь, тем больше хочется, тем больше у тебя завистников и врагов, готовых воспользоваться твоими проблемами себе на пользу, тебе во вред, тем меньше шансов выжить в этой чертовой гонке в никуда. Все это так. Умом Осевкин понимал, что он теперь выступает совсем в другом качестве. В то же время в нем было что-то сильнее доводов разума: то ли старая бандитская закваска, не позволявшая проявлять снисхождения к тем, кто попался ему в руки, то ли жадность, невесть откуда взявшаяся у него, никогда до этого подобным пороком не страдавшего, но растущая в нем по мере роста его доходов. Но другие-то — другие то же самое: не платят. И не потому что нечем платить, а потому что — деньги: их всегда не хватает то на одно, то на другое. А у тебя планы, ты хочешь сделать и то, и се, и пятое-десятое. А тут — плати. А они полгода живут без зарплаты — и ничего. И еще полгода проживут. Потому что у них огороды. И он их кормит — в долг. И успеет десять раз прокрутить эти деньги, получив с них прибыль. Потому что деньги любят движение. А без движения они — пустые бумажки.

После отъезда Нескина миновало четыре дня.

Осевкин стоял у окна своего кабинета и смотрел, как работники комбината первой смены спешат покинуть его территорию, точно опасаются, что выданные им деньги могут у них отнять, если они задержатся хотя бы на одну минуту. Пусть это лишь четверть того, что они заработали, но они, похоже, рады и этому. Да только в представлении Осевкина не люди спешили к проходной, а деньги — его деньги! — уплывали из его кармана. И что особенно возмущало, что деньги эти пойдут исключительно на то, чтобы набить жратвой животы всех этих тупоголовых, ни на что более не способных, как только давить на кнопки в определенное время в определенной последовательности. «Роботы нужны! Роботы!» — кричало все существо Осевкина во время ежедневных обходов комбината при виде лиц полусонных операторов. А еще не отмщенное оскорбление, нанесенное ему этим быдлом, заставившее его раскошелиться и до смерти напугать весь угорский бомонд. Ведь среди прочих спешили к проходной и те,

кто заварил всю эту бучу, не понеся за это никакого наказания. Каждая жилочка дрожала в Осевкине, каменели челюсти и наливались кровью кулаки. «Ничего, — думал он, плясь в окно остановившимся на какой-то невидимой точке взором. — Вы думаете, что сломили Осевкина? А вот... — и дальше шли одни непечатные выражения, которые застредали на языке за плотно сжатыми губами. — Я еще до вас доберусь! Вы у меня кровью умоетесь!» — Он задыхался от ненависти, которая захлестывала его горячей волной.

Круто развернувшись, Осевкин кинулся вон из кабинета, громко хлопнув дверью и тем напугав свою секретаршу. Прыгая через две ступеньки вниз по лестнице, достиг первого этажа, где располагался тренажерный зал, и там до тех пор молотил кулаками безропотную резиновую человеческую фигуру, пока не обессилел.

Заплетающимися шагами он прошел в душевую, долго стоял то под горячими острыми струями, то под холодными, затем, чувствуя, что не унял свою ненависть, торопливо оделся, спустился вниз, сел в машину на заднее сиденье, решая, куда податься.

И тут мобильник зашелся игривой мелодией из оперетты Легара «Веселая вдова».

Осевкин сразу же определил, что звонят «его люди» и, следовательно, они что-то такое наскребли.

Буряк и Лиса ждали Осевкина в установленном месте. Оба курили, сплевывая в открытые окна машины. Оба в больших темных очках. Осевкин велел остановиться шагах в десяти от них, вылез из машины, прошел разделяющее их расстояние, открыл заднюю дверцу, плюхнулся на сиденье, произнес:

— Здорово!

— Привет, Студент, — откликнулся Буряк, повернувшись к Осевкину и протягивая ему руку.

Осевкин тиснул его пальцы, задержал в своих, другой рукой снял с Буряка очки, полюбовался на его шрам, прикрытый телесного цвета лейкопластырем, качнул головой, вернул очки на место. В зеркале он встретился с внимательно-насмешливыми глазами Лисы.

— Чего лыбишься?

— Да так, — лениво ответила та. — Как вспомню, каким ты был, и погляжу, каким стал, так прямо олигарх да и только.

— Сядешь на мое место, сама такой станешь, — проворчал Осевкин, будто ему поперек горла его нынешнее положение.

— Мне и на своем месте хорошо, — обрезала Лиса и, сложив руки на баранке, уткнулась в них подбородком.

Если кого и побаивался Осевкин всегда, то есть с тех пор, как познакомился с нею, так вот эту женщину, в миру Ангелину Вениаминовну Сенькину, среди воров и аферистов известную по кличке Лиса. Ее черные и какие-то будто бы бездонные, слегка раскосые глаза притягивали к себе неведомой силой, покоряли и заставляли говорить совсем не то, что думаешь и надо говорить в том или ином случае, и делать то, что хотела эта женщина. Сенькина закончила четыре курса мединститута по специальности психотерапия, но погорела на изымании денег у простодушных и доверчивых стариков и старух, прикидываясь то работницей собеса, то врачом, навещающим своих подопечных, то еще кем-нибудь, и под этим видом втиралась в доверие, визнавала, где, что и сколько хранят ее «пациенты» на черный день. И сами же они отдавали ей деньги и ценности, при этом еще и благодарили за проявленное к ним внимание. Но однажды она нарвалась на человека, который обладал не меньшими способностями, и погорела. Ей дали не так уж много: всего четыре года. С тех пор она вела себя крайне осторожно и, прежде чем отправиться на «дело», старалась вызнать все о «клиенте».

— Ладно, — оборвал Осевкин. — Потрепались, и будет. О чем базар?

— Мы засекали одного фраера из Москвы. Ходил по городу, вынюхивал, выспрашивал. Потом направился в мэрию. Оттуда вышел с мэром. Похоже — журналюга. Молодой, скорее всего, начинающий. Ходит с сумкой и все время в ней ковыряется. Может, там камера, может, еще что.

— В редакцию нашей газеты заходил? — Быстро спросил Осевкин.

— Нет, не заходил. Но нас он засек.

Осевкин уставился неподвижным взглядом на Буряка, требуя разъяснений.

— Тебе он нужен? Мы подумали, что если он напугается, то умотает в Москву — одной заботой меньше, если нет... тебе решать, что делать дальше.

— Какие у вас планы?

— Это насчет чего?

— Вообще.

— Ну, ты даешь, Студент! Планы — это по твоей части. Как скажешь, так и будем решать.

— Есть идея, — подумав, произнес Осевкин, снова глянув в зеркало и встретившись с равнодушными глазами Лисы, будто притаившимися в своих норках. — Хочу, Лиса, использовать твои таланты. Хотелось бы узнать, что думают мои работнички. Еще лучше — кто из них заварил эту кашу.

Лиса пожалала плечами, не отрывая подбородка от сложенных на руле рук.

— Как скажете, шеф, — произнесла с неизменной усмешкой.

— Уже сказал, — проскрипел Осевкин, открыл дверцу и выставил ногу наружу.

— А если нас узнает тот пацан, что бросил камень в Буряка? Или тот, которого отпустил твой человек? — остановила его вопросом Лиса.

— А ты сделай так, чтобы не узнали, — отрезал Осевкин. — Не мне тебя учить.

— А что с журналюгой делать? — вставил свое Буряк.

— Пока ничего, — ответил Осевкин, не оборачиваясь, и полез из машины.

Глава 28

Личный телохранитель и водитель Осевкина по кличке Колун, почти двухметрового роста плечистый мужчина лет сорока, с мощной короткой шеей, маленькой, наголо обритой головой, зато с ладонями, похожими на совковую лопату, шевельнулся на переднем сиденье, спросил:

— Куда поедем, Семен Иванович?

Осевкин глянул на него, пожевал верхнюю губу, вяло махнул рукой, приказал:

— В Заведение, — и, прикрыв глаза, откинулся на спинку сиденья.

Шофер тронул машину, и она покатила по лесной дороге, осторожно переваливаясь через корни деревьев.

Фасад трехэтажного здания бывшего Дома пионеров, где дети со всего Угорска и окрестностей когда-то занимались в различных кружках и секциях, теперь сиял неоновыми рекламными универсама, ресторана, парикмахерской и кафе, и все это принадлежало Осевкину. Большинству жителей Угорска было невдомек, что фасад — всего лишь видимая часть, прикрывающая нечто, скрытое от глаз обывателя, живущего на более чем скромную зарплату или пенсию. Конечно, он мог зайти в универсам и что-нибудь купить там по сходной цене, мог пойти и подстричься — и тоже не очень дорого, посидеть в кафе и даже ресторане. В последнем можно было даже потанцевать под не слишком громкую музыку. Правда, цены здесь кусали, но не тех, у кого водились деньжата и кого называли средним классом. А средний — это тот, кто в среднем мог позволить себе такой ресторан два—три раза в месяц. Поэтому посидеть в ресторане «Угорье» со своей де-

вушкой было престижно, тем более что сюда какую-нибудь шалупень не пустят, а стоит кому-нибудь забыть, тут же окажется на улице. Здесь можно было отдохнуть без риска быть втянутым в скандал.

Зато другая сторона здания была прикрыта высоким кирпичным забором, огораживающим довольно обширное пространство, куда можно было попасть через железные ворота с будкой охранника. Здесь не было рекламы, здесь стены не имели даже окон, и равнодушный угорский обыватель мог полагать, что за этими воротами и глухими стенами расположены склады, холодильники и все прочее, необходимое для работы названных заведений.

Но именно в эти ворота въехала машина с Осевкиным. Он выбрался из нее и направился к предварительно разверстому охранником дверному проему: массивная железная дверь легко и бесшумно ушла внутрь стены с помощью какого-то специального приспособления, явив пространство, наполненное ярким электрическим светом. Осевкин вошел в небольшой коридор, от пола до потолка выложенный белой керамической плиткой, будто это был вход в туалет, за посетителями которого из каждого угла следят недремлющие зрочки видеокамер. Далее следовала еще одна дверь, и тоже в тон помещения, но едва посетитель миновал ее, как сразу же попадал в мир сказок Шахразады: просторное фойе, отделанное ценными породами дерева, чучела медведей, волков и прочих хищников; макеты воинов, стерегущих двери Тамерлана на известной картине Верещагина, здесь же стерегли похожие резные двери, неизвестно куда ведущие. Вечно горящий камин, бархатные портьеры, мягкие диваны и кресла, стойка бара, сверкающая разноцветьем бутылок, бокалов, никеля и зеркал; веером расходящиеся лестницы, теряющиеся в таинственном полумраке, тихая восточная музыка, — все это окутывало посетителя, настраивая его на еще большие чудеса.

Из-за портьеры вынырнул человек с подстриженной скобочкой черной бородой и усами, черные глаза смотрели из-под черных бровей внимательно, но не назойливо. Пестрый шелковый халат облегал его крепкое тело, перетянутое широким шелковым же поясом, белая чалма с изумрудной заколкой и павлиньим пером венчала его голову, из-под халата выглядывали красные сапоги с загнутыми носами. Человек склонился перед Осевкиным в низком поклоне, прижав обе руки к груди.

— Я рад приветствовать тебя, мой повелитель, в приюте неги и душевного покоя, — произнес он нарастав с неподдельным восточным акцентом.

— Есть кто-нибудь? — отрывисто спросил Осевкин.
— Пока никого. Известные вам люди начнут собираться к восьми. Куда прикажете?
— Есть новые девочки?
— Есть, мой повелитель. Три штуки. Две в вашем вкусе. Обе девственницы. Бережем специально для вас.
— Обучены?
— Да, мой повелитель: китайский массаж, индийская эротика и танцы. Вполне готовы по всем пунктам.
— Сперва бассейн и сауна. Пришли в массажный кабинет Катерину, — и Осевкин направился к лестнице. За ним последовал его личный телохранитель.

Раздевшись в своем номере до плавок, Осевкин спустился на первый этаж по винтовой лестнице, телохранитель предупредительно открыл перед ним дверь в бассейн. В бассейне — ни души. Все искрилось в отраженном свете невидимых ламп, тихо плескалась о борт голубоватая вода, вспениваемая воздушным потоком, направляемым снизу. Осевкин постоял под душем, затем прыгнул в воду, но не поплыл, как обычно, кролем или баттерфляем, а медленно погреб в сторону джакузи и там минут десять нежился в потоках воздушных пузырей.

Напряжение последних дней постепенно отпускало его, сменяясь безразличием. Все эти прелести он проходил уже много раз. Когда-то ему мечталось о таком рае, куда он будет входить, как какой-нибудь падишах входил когда-то в собственный дворец с гаремом из самых красивых девушек, каких только можно себе вообразить. И обязательно разных национальностей. И вот мечта стала былью. Но как эта быль быстро ему приелась! Все одно и то же, все одни и те же. Что ж, видимо, это неизбежно. Зато отсюда идут хорошие деньги. Очень хорошие деньги. И лишь на четверть облагаемые налогом. Потому что другая четверть оседает в карманах тех, кто должен блюсти интересы государства, но предпочитает блюсти свои. И Нескин ничего об этом источнике не знает. И в нем нет, что особенно важно, ни его доли, ни доли братьев Блюменталь.

В комнате для массажа Осекина уже ждала Катерина. Она встала, едва хозяин прикрыл за собой дверь. Катерине около тридцати, крашенная брюнетка, стройна, хороша собой, но лицо ее, если присмотреться, мертво, на нем не заметно никаких эмоций — маска, а не лицо. Лет десять назад, когда Осевкин только разворачивал деятельность, она попала ему на глаза, он затащил ее в постель, она не брыкалась, вела себя хоть и неумело, зато с достоинством. В ней было что-то таинственно притягательное, и он не поступил с нею,

как с другими: попользовался и забыл, а оставил при себе. Некоторое время приглядывался: не по-женски умна и цинична. Это она подала ему идею организовать что-то вроде клуба избранных с широким набором развлечений, пояснив: наворованные деньги им ведь надо куда-то девать, а легально девать некуда, можно попасться. Он, приняв предложение Катерины, послал ее на курсы массажа и всяких любовных штучек. Теперь она здесь заведует девочками, вербует новых, обучает их, натаскивает на манекенах, чтобы посетители за свои деньги получали максимум удовольствий. Она же предложила Осевкину устроить то же самое, но для женщин: не одним же мужикам наслаждаться жизнью, есть и бабы, готовые выложить деньги, чтобы получить недостающее с молодым и сильным партнером. Для таких существует отдельный день. Раз в неделю.

Увы, шила в мешке не утаишь: через какое-то время сюда стали набиваться всякие гомики, которым надоело прятаться по подворотням или в каких-нибудь грязных шалманах с малолетними беспризорниками и беспризорницами. Но Осевкин не то чтобы побаивался переступить запретную черту, а просто брезговал подобными клиентами. Да и завсегдатаи клуба избранных, узнай они об этом, могут объявить заведению Осевкина бойкот. А то и спялят его к чертовой матери. На всех не угодишь, всех денег не заработаешь.

Катерина массировала его тело своими чуткими пальцами и в то же время докладывала обо всем, что происходило за минувшую неделю, когда Осевкину было не до развлечений: кто бывал в заведении, когда, о чем говорили. А посещали заведение практически все более-менее значимые фигуры городского и районного масштаба. Исключения были редки. Из доклада следовало, что ничего интересного никто не говорил. То ли Катерина утаивает важную информацию, то ли завсегдатаи умеют держать язык за зубами.

— На днях был Шупляков, — приберегла под конец доклада эту новость Катерина.

— И что?

— Побывал в сауне, взял девочку, заказал ужин в номер, провел с ней два часа, расплатился по тарифу и ушел. — И добавила после небольшой паузы, оправдывая начальника охраны комбината: — У него жена болеет.

— Знаю. О чем говорил?

— Ни о чем.

— Так-таки ни о чем? — не поверил Осевкин.

— Так-таки ни о чем.

— Сфотографировала?

— Как всегда.

— В следующий раз дай ему Ольгу: она разговорит кого угодно.

— Ольга была занята, а он не предупредил о своем приходе.

— Что еще?

— Напрашивается поп из твоей церкви. Говорил Шахиншаху... они живут в одном подъезде, — пояснила Катерина, — что прихожане будто бы на исповеди жаловались ему на разврат в нашем заведении, что туда заманивают несовершеннолетних, что ему скучно, и он был бы тоже не против развлечься.

— Шантажирует, — произнес Осевкин, раздумывая над тем, разрешать или нет попу посещать заведение. Решил, что не имеет смысла. Даже если он будет докладывать ему обо всем, что говорят на исповедях. Тем более что церковь — это такое место, где должны угасать все противоречия. Рано или поздно про его посещения станет известно в городе, и прихожане перестанут быть прихожанами. Если поп этого не понимает, надо гнать его в три шеи к чертовой матери.

— А последние три? — спросил Осевкин, чувствуя ожидание Катерины.

Та молча подсунула ему три фото обнаженных девиц. Ткнула пальцем в одну из них.

— Вот этой нет еще восемнадцати, остальные недавно вошли в пору. — Спросила: — Как они тебе?

— Бывают и лучше, — ответил Осевкин равнодушно. — Придержи малолетку, пока не созреет. Пошли ее на кухню или в ресторан.

— Придержать для тебя?

— Но не для тебя же. Или ты сменила ориентацию? А как прошел женский день?

— Болтали разное: и про надписи на гаражах, и что ребята из «Поиска» обнаружили в болоте немецкую самоходку и наш самолет, что будто бы областное начальство косится на нашего мэра, что на комбинате будто бы была проверка из области и что-то там такое нашли...

— А про то, кто писал на гаражах и кто заводила, не говорили?

— Нет. Да и откуда им знать? Курицы.

Осевкин встал с топчана, чувствуя блаженную легкость во всем теле. Потянулся, глянул, щуя змеиные глаза, на женщину, все одеяние которой состояло из набедренной повязки, но Катерина спокойно выдержала его взгляд, даже усмехнулась краешком губ, и Осевкин, нахмурившись, сам отвел глаза будто в поисках чего-то нужного.

Катерина включила телевизор. На экране возникли две слившиеся обнаженные женские фигуры. Они извивались одна вокруг другой, их руки и ноги не знали покоя, сновали все быстрее и быстрее, слышалось запаленное дыхание, всхлипы и стоны; точно змеи, метались длинные пряди волос.

Глава 29

Часа через полтора Осевкин, в халате, на голове тюрбан, спустился в фойе, чтобы встретить, как и положено хозяину Заведения, неофициально называемого «Элита», его завсегдаев. Поскольку это было чем-то вроде шоу, где каждый играл свою роль, то Осевкин совершенно не чувствовал унижения от того, что кланялся поясным поклоном каждому входящему, понимая, что даже самая последняя шавка в этой чиновничьей своре будет счастлива почувствовать себя хотя бы на миг значительной фигурой, принимающей почтительные поклоны от самого Осевкина, самого богатого и самого влиятельного человека в городе. После этого он с легкостью необыкновенной спустит последние деньги в карточной игре, щедро будет раздавать чаевые официантам и проституткам, которые здесь назывались просто девочками, создающими хорошее настроение у клиентов.

Все эти психологические тонкости самому Осевкину никогда бы не пришли в голову, но он, понимая, что берется за дело ему совершенно незнакомое, пригласил из Москвы соответствующих спецов, и те ему буквально на пальцах объяснили, что и как нужно делать, чтобы привлечь нужных людей и как освободить их от денег, жгущих карманы. И пока все шло именно так, как предсказывали спецы.

Обширный задний двор заполнялся иномарками самых разных типов и размеров, в которых, откинув сиденья, дремали личные водители, а у иных и личные охранники, в ожидании, когда из дверей Заведения станут вываливаться их господа, полупьяные, полуопустошенные.

Народ все подваливал. Осевкин кланялся и пожимал руки, говорил несколько дежурных слов, тут же отвлекался на нового посетителя, избегая длительных разговоров с любителями потрепаться ни о чем, особенно из тех, кто мало что значил в этом мире. Ближе к восьми вечера поток посетителей практически иссяк, и Осевкин, оставив за себя Шахиншаха, Аслана Асланбекова, знатока восточных церемоний, поднялся на второй этаж, прошел через зал ресторана, поговорил с метрдотелем и скрылся через боковую дверь, ведущую в отдельный маленький зальчик, где уже собрались самые-

самые. Из самых-самых за столом, представляющим из себя букву «О», внутри которой разместился цветник и два фонтана с красными рыбами, но так, чтобы не мешать видеть всех и каждого в отдельности, уже сидели пять человек, трое толклись рядом, что-то обсуждая и поглядывая на большие настенные часы. Все были одеты в пестрые шелковые халаты, лица красные после сауны и бассейна, за каждым креслом стояла девица в набедренной полупрозрачной повязке, такая же повязка прикрывала их груди. Девиц выбирали клиенты, но правила гласили, что никто не мог выбрать одну и ту же подряд более двух раз.

За столом не хватало двоих: мэра и начальника полиции. Осевкин отметил это сразу же и насторожился. Однако вида не показал. Сбор был установлен на восемь часов ровно, а кто опоздал, тот опоздал, какой бы пост ни занимал в этом городе. Девятеро одного не ждут.

Осевкин, выделяясь среди других своим великолепным тюрбаном, он мог позволить себе подобную вольность, занял свое место, но не во главе стола, нет, а там, где распорядился жребий, брошенный года три назад. Он искоса глянул на заместителя мэра Вениамина Чулкова, который был его, Осевкина, глазами и ушами в высших эшелонах городской власти. Чулков на этот мимолетный взгляд чуть дернул нижней губой, давая понять, что пока ему нечего доложить своему хозяину.

Но Осевкин, если и не знал точно, то вполне мог предположить, что задержало первых лиц города нечто очень важное. Остается узнать, с кем, где и что говорили. У него здесь везде свои люди, в крайнем случае завтра утром они доложат. Не к спеху.

За спинкой стула Осевкина едва дышала одна из двоих новеньких, которую звали Аллой: тонколицая блондинка с точеной фигуркой, с острыми грудями со средней мужской кулак, большими синими глазами. Осевкин даже не взглянул на нее, когда приблизился к своему стулу: во-первых, он видел ее на экране телевизора во всех мыслимых позах; во-вторых, нет никакого резона обращать внимание на девчонку, которая принадлежит тебе безраздельно и должна чувствовать только это и ничего больше.

Алле же, напротив, казалось, что все только на нее и смотрят, и она в томительном ожидании нервно теребила бахрому набедренной повязки, обнимающей ее не вполне еще оформившиеся бедра. Это был ее первый «выход», к которому она готовилась больше месяца, не покидая этого здания без единого окна, где их хорошо кормили, и в то же время заставляя-

ли часами изнурять себя в тренажерном зале, точно из них готовили балерин или художественных гимнасток. Тетя Катя, женщина строгая, способная причинить своим подопечным острую боль за любое неповиновение, при этом не оставляя на теле никаких следов, откровенно объяснила новеньким с первых же минут, для чего их готовят, предупредив, что отсюда им не вырваться, а кто попытается, той не позавидует даже приговоренный к пожизненному заключению. Правда, те девочки, что работали здесь с самого начала, уверяли, что все не так страшно, главное — не впадать в истерику, воспринимать все как должное. Зато потом, поднакопив денег, они могут выпорхнуть из этого заведения на свободу и устраивать свою жизнь так, как им захочется. Тем более что уже через месяц, еще ничего не заработав, девчонки получили задаток по двадцать тысяч рублей, который им предстоит отработать. Может, так оно и будет в неопределенном будущем, но пока еще никто не выпорхнул. Впрочем, и само Заведение существует всего несколько лет, первые девочки, поступившие сюда в самом нежном возрасте, не успели ни постареть, ни утратить своего шарма, разве что некоторые из них перешли из разряда избранных в разряд всех прочих, обслуживающих Большой зал.

Однако Алла не была способна думать ни о своих отдаленных перспективах, ни даже о том, что ожидает ее сегодня, буквально через полчаса. Она смотрела прямо перед собой, забыв все, чему ее учили, в глазах ее все двоилось и троилось, до слуха ее не долетало ни одно слово, а чей-то смех вызывал чувство ужаса и отчаяния. Вместе с тем она зауценно улыбалась, потому что улыбались другие. Единственное, что ей хотелось, так это оказаться подальше от этого места, лучше всего дома, во Владими́ре, рядом с родителями, которых она так опрометчиво покинула, пустившись очертя голову в Москву со своей подругой Ларисой сразу же после одиннадцатилетки, а оказалась в этой дыре, только через какое-то время поняв, как все это произошло. Им мерещилось, когда они ехали в Москву, что все будет так, как в сериалах, повторяющих друг друга с маниакальной настойчивостью: приехали, немного помучились, случайно встретили свою судьбу. Ведь в Москве так много всяких артистов, художников, писателей и вообще богатых людей, и... — дальше одно только нескончаемое счастье с любимым человеком. Дуры! Боже мой, какими они были дурами! Но Лариске хотя бы сегодня повезло: она не стоит за этим столом, за креслом самого Осевкина, про которого рассказывают ужасные истории, и даже такие, какие не снились Синей Бороде.

Часы громко отбили положенные им удары.

Зашевелились девочки, разливая по бокалам красное вино. Алла вздрогнула, точно проснувшись, протянула руку к бутылке, но Осевкин, наблюдавший за ней в одно из многочисленных зеркал, опоясывающих стены и как бы раздвигающих их в бесконечность, отстранил ее руку, сам налил себе вина, отпил пару глотков. Под вино подали черную икру, запеченную рыбу, трепангов, которые будто бы усиливают мужскую доблесть, рыбный гарнир.

Ели молча, насыщались. Девочки будто невзначай касались своих клиентов обнаженными частями тела. Сидеть им за этим столом не положено, еда их не прельщала: час назад их накормили тем же самым, чтобы не вызывать у них ни зависти, ни иных соблазнов. Алла продолжала стоять, держась обеими руками за спинку стула и жалко улыбаясь.

Потом гости, как по команде, стали расходиться со своими девочками, исчезая за прикрытыми портьерами дверьми.

Осевкин встал из-за стола одним из последних. Прогнувшись, глянул сверху на свою жертву, усмехнулся, произнес:

— Ну, пошли, курица, — и направился к двери.

Девчонка шла за ним следом, обмирая от страха.

— Ну что? — спросил Осевкин, приподнимаясь над Аллой на вытянутых мускулистых руках. — Страшно было?

— Н-нет, — прошептала та еле слышно, прикрывая ладонями груди.

— Ничего, дальше пойдет веселее, — хохотнул он, оттолкнувшись от пружинного матраса, встал на колени, удержав ноги девчонки в развернутом положении, глянул удовлетворенно на красное пятно, окрасившее простыню, повернул голову к стоящей рядом Ларисе с подносом, на котором стояли, dribезжа жалобным звоном друг о друга, три бокала с шампанским, спросил: — Ну и как это выглядело со стороны? А?

— Не знаю, — прошептала та, вздрогнув всем телом.

— Еще узнаешь, — пообещал он, взял с подноса два бокала, один протянул Алле, помог ей сесть, провозгласил: — За рождение новой женщины! — Выпил пару глотков, отдал бокал Ларисе, спрыгнул с постели и скрылся в душевой.

Алла сидела, обхватив колени руками. Ее бил озноб. Лариса утешала, глядя ее по голове, молча глотая слезы. Услышав, как хлопнула дверь в номер, она потянула подругу в душевую. Та пошла, покачиваясь, оглядываясь на кровавое пятно, только теперь поняв со всей ужасающей очевидностью, что к прошлому возврата не будет, а будет вот это — и завтра, и послезавтра, и... и неизвестно сколько. Только теперь уже без этого пятна.

А Осевкин, переодевшись в белый костюм, стоял возле ломберного стола и смотрел, как крупье раскидывает карты. Сам он игроком не был, не понимал этой страсти и не одобрял ее. Но в полусонном Угорске таких людей, кому некуда было деть наворованные деньги, не привлекающая к себе внимания завистников, оказалось слишком много. Так что пришлось идти у них на поводу, открыв небольшое казино для самых-самых, в обязанности которых входило, в частности, препятствовать возрождению запрещенных азартных игр в столице и ее окрестностях, но продолжающих процветать подпольно. Была бы его, Осевкина, воля, он бы, поймав жалкого чиновника-воришку за руку, отнимал бы у него и его родственников все имущество и все банковские счета, превышающие их официальные возможности. Но наверху сидят либо дураки, либо такие же жулики, которые не станут принимать законы, направленные против самих себя. И как некогда он презирал милицию, не способную поймать бандита Осевкина, так сейчас он презирал все власти снизу доверху, не способные или не желающие делать то, на что они поставлены.

В эти вечерние часы Осевкину не хотелось ничего: ни есть, ни пить, ни любить, ни думать о высоких и низких материях, тем более видеть эти отвратительные рожи. Он был уверен, что жизнь его вполне удалась, что дальше будет еще проще и надежней. Сейчас ему хотелось покоя и только покоя.

Походив между столиками, предупредив Шахиншаха, что уходит, он спустился вниз по винтовой лестнице к черному ходу, вышел во двор, плотно заставленный машинами. До его слуха долетели отдаленные погромыхивания надвигающейся грозы. Осевкин сел в машину и коротко бросил:

— На дачу!

Глава 30

На город тихо опускались сумерки, подкрашенные зарей. На эту зарю напознала черная туча, мерцающая голубоватыми сполохами света. Из открытых и ярко освещенных окон кафе вырывались звуки музыки, слитного гомона голосов и шаркающих подошв.

Валера был чуть-чуть навеселе, он был бы не прочь продолжить вечер, начатый с мэром, но вечерние цены, в отличие от дневных, были Валере не по карману. В конце концов, хватит и того, что он употребил за ужином с Чебаковым и его заместителем, довольно странным господином, тучным и очень настроженным; более того, от его широкой фигуры

исходила непонятная угроза, и Валера старался реже смотреть в его сторону. У Валеры еще не было опыта прожженного журналиста, иначе бы он сумел угадать в этом господине полицейского, но чутьем на опасность он обладал, и чутье это его ни разу не подвело. Этот тип по фамилии Купчиков за все время ужина не проронил ни слова, лишь иногда кивал своей тыквообразной головой, как бы удостоверяя верность того, что говорил мэр Чебаков.

А Чебаков ничего существенного за весь вечер так и не сказал, ни на один вопрос, заданный Валерой, не ответил по существу. Правда, Валера особенно и не налегал на каверзные вопросы, следуя указанию Иваныча не раскрывать цели своего посещения Угорска. Если верить Чебакову и кивкам Купчикова, то получалось, что в Угорске все делается в соответствии с указаниями свыше, и даже с некоторым опережением, что всякие там нарушения правопорядка, законности и прочего пресекаются на корню и не получают развития. Короче говоря, тишь да гладь.

— Профилактика — вот самое главное, на что нацелена городская администрация, которой я имею честь руководить, — разглагольствовал мэр, теряя некоторые слова и даже предложения, то и дело подливая в рюмки французский коньяк, а Валере так даже с опережением.

И Валера принимал это как должное, уверенный, что может выпить если не ведро, то половину, и при этом голова его будет работать как часы. И он доказал это на стройке в студенческом стройотряде, где с едой было неважно, а с водкой — хоть залейся, так что его там даже прозвали Непромокаемым.

Поначалу он записывал все, что говорил мэр, но потом понял, что в этом нет никакого смысла, убрал блокнот в карман, сказав, что он вполне удовлетворен полученными данными и что, если господа составят ему протекцию, он был бы не против встретиться с хозяином... этого... как его? — ФУКа, и на том считать свою миссию исчерпанной.

Протекцию ему пообещали, и он, хватив на посошок, расшаркавшись и выплеснув на головы собеседников фонтан витиеватой благодарности, оторвался от стола и, нарочито качаясь и спотыкаясь, — так, по крайней мере, ему казалось, — покинул ресторан. И теперь стоял, пытаясь сообразить, чем убить оставшееся до возвращения с работы Аделаиды время. Конечно, можно бы заглянуть в кафе, но ради чего? Поест он поел, выпить выпил, подцепить девку — нет никакой нужды, когда впереди ночь с весьма аппетитной женщиной, пусть и старше тебя лет на десять, зато истосковавшейся по мужской ласке. Опять же, неплохо было бы по-

мыться перед этим и отдохнуть. Решив таким образом все проблемы, он зашагал знакомой дорогой через сквер в сторону пятиэтажных «хрущоб», вдыхая теплый воздух, напоенный запахами пыльной листвы.

И точно: Аделаида еще не пришла. Валера открыл все окна, затянутые зеленой сеткой от комаров, и устроил в квартире сквозняк. Поначалу, правда, продувало теплым воздухом еще не остывшей природы, бетона и асфальта, но чем ближе подвигалась к городу гроза, тем воздух становился прохладнее, затем подул порывистый ветер, зашумели за окном деревья, а с первыми каплями дождя посвежело настолько, что после тепла воздух показался даже излишне прохладным.

Валера заглянул в большую комнату, где ему отведен для ночевки диван: диван был разложен и застелен. На столе стоял графин с чем-то розовым. Валера, страдая жаждой, понюхал — пахло клюквой. Он налил стакан и с удовольствием выпил клюквенного напитка, с благодарностью подумав о предусмотрительной хозяйке. Потом, раздевшись, прошел в крохотную душевую, отделенную от туалета прозрачной занавеской, и, мурлыча незамысловатый мотив, встал под душ, не включая титан для нагрева воды, и долго плескался под прохладными струями, отдающими хлоркой и болотом. Вытершись большим махровым полотенцем, тоже пахнущим чем-то соблазнительным, завалившись на диван, некоторое время смотрел телевизор, ничего интересного не высмотрел, выключил его и взял со стола газету «Угорские ведомости», большую часть которой занимала реклама и телепрограмма.

Валера отложил газету. Прислушался. Погромыхивало вдаль: то ли гроза все еще не дошла до Угорска, то ли решила миновать его пыльные улицы. Впрочем, дождик немного покапал — и то слава богу. Тянуло в сон.

И тут откуда-то сверху до его слуха донесся женский голос, бубнивший что-то торопливо-однообразное. То ли кто-то молился, то ли что-то заучивал. Странно. Под этот бубнеж он и заснул.

Проснулся Валера от близкого удара грома. Открыл глаза — за окном полыхали молнии. Хлопнула дверь в душевую, щелкнул выключатель, прошлепали шаги — у Валеры пересохло во рту и заныло в нижней части живота. Он лежал и не знал, что ему делать: встать и пойти навестить вернувшуюся с работы хозяйку или продолжать делать вид, что спит? Странная робость охватила все его тело, а по стеклу окна и жестяному законнику горохом рассыпался дождь, метались тени и тархтели груженные телеги грозы. Он уж было спустил ноги на пол, как в коридоре снова вспыхнул свет, и на стеклянной

двери, ведущей в его комнату, возникла тень. Он поспешно убрал ноги под одеяло и замер в ожидании.

Дверь тихонько приоткрылась, и тень перевоплотилась в женщину в короткой белой рубашке, то и дело вспыхивающей в белом свете молний. Валера смотрел, как она приближается к нему, точно паря в воздухе, такая тоненькая, такая невесомая, что одно его неловкое движение — и женщина испарится в воздухе, насыщенном электричеством.

Аделаида остановилась в полуметре от дивана, молитвенно прижав руки к груди, глаза ее призывно мерцали в полумраке, и он, протянув свою руку, дотронулся до ее бедра. Затем двумя пальцами потянул за рубашку — и вот она уже рядом, повеяло теплом ее тепла и запахом жасмина...

— А я подумала: такая гроза, а вы, Егор, спите...

— Мне кажется, что я и не спал, — виновато произнес Валера, решив, что так оно и было в действительности. — Я просто задремал. Ждал вас, ждал, и задремал. А тут еще кто-то бубнил наверху...

— А-а, это? Это Лизка. Надо мной живет. С четырнадцати лет, как, скажи, с цепи сорвалась девка: ни одного парня не пропустила в городе. В шестнадцать родила пацана, а он оказался с придурью. И не то чтобы слишком заметно, а только если приглядеться да поговорить. Куда с ним? Некуда. Только в церковь. Как Осевкин церковь построил, так она там и вертится. И пацан ее там же — поет в церковном хоре. Голосистый пацан оказался. А она грехи свои замаливает. Поп наш епитимью на нее наложил сколько-то раз читать покаянные молитвы. Иногда всю ночь бубнит. Да ну их! — отмахнулась Аделаида. — Я уж привыкла к ее бубнежу. Пусть себе, — произнесла она и, запрокинув голову, усталилась в потолок.

— Я слышал, как вы пришли, и вот... — решил вернуть женщину в действительность Валера, все еще продолжая испытывать странную робость. — Кстати, меня не Егором зовут, а Валерием. Можно просто Валерой. Мама меня Лериком звала.

— А почему ж тогда Егор? — спросила Аделаида, слегка подавшись к нему.

— Не знаю, вырвалось. Хотелось сохранить инкогнито. А теперь вижу, что ни к чему это.

Женщина молчала. В полумраке странно мерцали ее глаза. За окном бесновался ветер, с гулом падала с неба вода, яркие вспышки молний проникали сквозь легкую занавеску, выхватывая из темноты неподвижную фигуру женщины, застывшую в ожидании.

Рука Валеры оставалась на ее бедре, слегка поглаживала атласную кожу. Темная рубашка мешала ему проникнуть дальше, он выпростал из-под одеяла вторую руку, взял женщину за плечо и привлек к себе. Она покорно подалась к нему, затем вытянулась рядом, он сжал ее тело и замер, вдыхая запах ее волос, затем нашарил губами ее губы, и...

Они уснули лишь под утро.

Когда Валера открыл глаза, за окном блестела омытая дождем листва, громко чирикали воробьи, острые лучи солнца пятнали противоположную стену, шевелились, метались из стороны в сторону, точно играя в догонялки, а посветлевшее небо предвещало жаркий субботний день.

Валера смотрел в потолок и улыбался, слушая тихое посапывание спящей рядом женщины, сливающееся с пробуждающимся за окном утром, а его воображение носилось где-то за пределами реальности, не желая оттуда возвращаться в отвратительную действительность, которая ждет его за порогом этой квартиры.

А действительность действительно была таковой, потому что в его блокноте записан номер мобильного телефона мэра Угорска, по которому он должен позвонить в половине одиннадцатого утра и выяснить, договорился тот с Осевкиным о встрече с московским журналистом или нет. И если да, то надо будет куда-то ехать или идти, что-то выяснять, врать и притворяться. А ехать никуда не хотелось, потому что ничего нового узнать не удастся, ибо здесь, как и везде, все пронизано ложью, лицемерием и скрытой угрозой.

Слегка повернув голову, он увидел Иду, спящую к нему спиной, совершенно голую, как и он сам, и такую, казалось, все еще нерастраченную, такую... Он никак не мог найти нужного слова для определения сущности этой случайно подвернувшейся ему женщины.

Ида, точно почувствовав на себе его взгляд, шевельнулась, прерывисто вздохнула, как вздыхает обиженный ребенок после долгого и безутешного плача, затем тихонько стала поворачивать в его сторону голову, одновременно поворачиваясь и всем телом, и он, не отрывая от нее взгляда, увидел сперва одну ее грудь с темным соском, потом вторую. Взгляды их встретились. Ее — настороженный, его — изучающий. Но она вряд ли делила их каким-либо образом, для нее важно было лишь одно: не стал ли он думать о ней худо, имея в виду столь стремительное их сближение, такую распаханность с ее стороны. И, продолжая поворачиваться, она стыдливо прикрылась тоненьким одеялом в кружевном пододеяльнике, отброшенным к стене.

Валера, наблюдая все это как будто в замедленной съемке, очнулся и вернулся из невероятных далей, куда забросила его неумная фантазия. Он улыбнулся своими сочными губами и привлек женщину к себе.

— Ты какой-то ненасытный, — проворковала Ида, опрокидывая Валеру на себя. — У тебя что же, в Москве никого нету?

— Сейчас нет, — ответил Валера. — Была одна сокурсница, пока учились, а получила диплом и уехала в Тверь. Другой завести не успел.

— Бросила?

— Да нет. Просто между нами не было ничего серьезного. Так, чистая физиология.

— Какие-то вы нынче... — недоговорила Ида и запечатала его рот своими губами.

Через некоторое время, приняв душ и одевшись, они сидели на кухне и пили кофе с черным хлебом и колбасой.

— Вчера у нас на Фукалке выдали зарплату. Не всю, но хоть что-то, а то ведь и хлеба купить не на что, — говорила Ида с набитым ртом. — И то лишь потому, что кто-то в конвейерном корпусе написал что-то против Осевкина, нашего хозяина. Еще будто бы и пригрозил, что если не выдаст, то ему самому будет хуже.

— А кто написал? — спросил Валера.

— А кто ж его знает, кто, — пожалла плечами Ида. — Такие вещи делаются так, чтобы никто не узнал. Нашлись смелые люди. А то б так и сидели без гроша в кармане. А еще и на гаражах написали то же самое. Весь город только об этом и говорил. Ну, Осевкин и сдрейфил. Да и остальные тоже. А так чего ж не работать? Работай себе и работай. Человек не может без работы, — уверенно заключила она.

— Да, я слышал об этих надписях, — признался Валера. — Говорят, что у вас объявилась какая-то «Лига спасения России»...

— Господи, какая там лига! Скажете тоже! — всплеснула руками Аделаида. — Так, мальчишки выдумали.

— Почему вы решили, что они выдумали эту лигу исключительно в виде надписи на гаражах? — не отступал Валера. — Может, они ее выдумали значительно раньше. Тем более что на гаражах — это понятно, но на комбинате... Мальчишки вряд ли могли туда проникнуть.

— Да вы что, Егор?.. Ой! Совсем забыла, что вас не Егором зовут! — воскликнула Аделаида с игривой улыбкой.

— И что мы с тобой на «ты», — добавил Валера.

— А, ну да, конечно!

— Так что насчет этой лиги? — Напомнил Валера.

— Да ничего, — продолжила Аделаида поскуцневшим голосом. — У нас тут не то что лигу выдумать... Смешно даже сказать. Это не у вас в Москве. Тут — провинция. Тут — мафия. Тут попробуй открыть рот, без зубов останешься. А то и без головы. — И спросила, с надеждой глядя в светлые глаза Валеры своими черными глазами: — Ты когда едешь-то?

— Самое позднее — во вторник. Вот сегодня—завтра встречу с этим вашим Осевкиным, поспрашиваю и поеду.

— С самим Осевкиным встречаться? — удивилась женщина.

— А что? — усмехнулся Валера. — Такой страшный?

— А то нет? О нем тут много чего раньше рассказывали, а только те, кто что-то рассказывал, куда-то подевались, а куда, никому не известно.

— А что ж милиция? То есть полиция...

— А что она может? Нынешний начальник как раз при Осевкине выбился в люди, морду наел — во! А раньше таким дохликом ходил, соплей перешибешь. Тут все под Осевкиным ходят. И за что он ни возьмется, все обязательно изгадит, на всем начинает проступать печать мерзости. Каинова печать, как говорит Лизка. Даже на том, что должно быть свято для любого человека, — заключила женщина. — Только ты о том, что я тебе говорила, помалкивай. Мне тут еще жить и работать, а ты уехал — с тебя взятки гладки.

— Чтоя, не понимаю, чтоли? — сделал Валера обиженное лицо.

Он взял ее руку и прижал к губам. Она судорожно вздохнула, провела другой рукой по его жестким волосам.

Мир был восстановлен, но все-таки что-то между ними черное пробежало — и Валера это ощутил всем своим телом. Он попытался было вернуть отношение беспечности и безпричинной радости, владевшие им так естественно и безраздельно, но как ни старался, что-то да осталось. И он понял: его попытка вторгнуться в самую гущу здешних событий и вызвала у Иды подозрение, что у него совсем другие интересы, приведшие его в их город. Да, действительно, он уедет, а они останутся, и даже его статья, какой бы правдивой она ни была, ничего здесь не изменит, а если что-то изменит, то, не исключено, далеко не в лучшую сторону.

Обуреваемый этими гнетущими мыслями, он позвонил в назначенное время Чебакову. Тот сообщил, что Осевкин согласился встретиться во второй половине дня, что за ним, за Валерой, пришлют машину к четырнадцати часам. Они вместе с мэром пообедают в ресторане, затем поедут на комбинат. Если, конечно, Валерий Игнатьевич не возражает.

Валерий Игнатьевич не возражал.

Осевкин утро, как обычно, встречал в своей башне. Он уже успел и побегать по дорожкам своего участка, и искупаться в озере, и теперь пил кофе, принесенное ему наверх юной служанкой, только в этом году закончившей школу и на городском конкурсе красоты занявшей второе место. Он хмуро изучал ее тело, едва прикрытое коротенькой юбочкой и кургузой белой блузкой. Под его неподвижным взглядом девчонка всякий раз смущалась, вспыхивали ее маленькие уши с зелеными капельками сережек в мочке. Однако она продолжала стоять и ждать дальнейших приказаний, если таковые последуют, не опуская головы, почти физически чувствуя на себе раздевающий взгляд хозяина и как наливаются сладостной истомой ее небольшие груди, слабеют ноги и тяжелеет живот.

Всякий раз она со страхом и томительным ожиданием поднимается в эту башню, и всякий раз, спустившись вниз, опустошенно замирает, прижавшись полуголым телом к холодному зеркалу, слыша, как бешено стучит в ее груди сердце и непонятная истома постепенно замирает в ее теле. Ее предупреждали подруги, что Осевкин берет таких смазливых исключительно для своих прихотей, что пройдет несколько месяцев, она ему надоест, и он выставит ее за дверь. Против того, чтобы идти в услужение к Осевкиным, бурно протестовала мать, хмурился отец, не решаясь ввязываться в их спор, перестав быть хозяином в своем доме с тех пор, как потерял работу. Все эти страсти, связанные с Осевкиным, для девчонки не были новостью. Они ее не пугали. Ведь служить в доме главного богатея Угорска — это же совсем не то, что быть проституткой в Заведении, куда ходят все остальные люди города. И, когда ее выбрали из нескольких претенденток, она согласилась, ни минуты не задумываясь, надеясь на эту самую свою смазливость, а еще на хитрость и изворотливость, но более всего на удачу: ведь как-то же другие, даже не такие симпатичные, как она, находят путь к сердцам олигархов и получают от них все, что только ни пожелают. Чем она хуже тех других, отсуживающих у своих бывших мужей или любовников большие деньги?

И вот девчонка уже больше месяца работает в доме Осевкина прислугой, и работа не такая чтобы очень трудная: с утра надо сделать то-то и то-то, подать, принести, отнести. И деньги ей заплатили такие, какие и обещали при найме, а хозяйка, жена Осевкина тетя Наташа, еще и подарила ей два своих платья, переставшие на нее налезать. И даже золотые

сережки с маленькими изумрудиками, которые так идут к ее белокурым волосам, к белым ушкам и сине-зеленым глазам. А когда она отдала матери половину своего заработка, да еще младшей сестре часть подарков, то в доме перестали смотреть на нее как на шлюху, а подруги так просто сохли от зависти.

— И что Осевок? — спрашивали они. — Не пристаёт?

— Да я его почти что и не вижу, — отмахивалась с пренебрежением девчонка. — Ну, иногда разве что подам кофе или чай. Он на меня даже и не смотрит: ему и других хватает.

— А как его жена? Не кричит на тебя?

— А что жена? Куда ей кричать? Она собственной тени боится. Там тетя Лена, двоюродная сестра Осевка, — вот она может накричать. Но пока не кричала. Я стараюсь.

И все решили, что девчонке повезло.

Да, уже больше месяца она здесь, а хозяин лишь пялится на ее голые ноги. Ну, был бы каким-то там уродом, а то очень даже симпатичный, стройный и мускулистый, то есть весьма сексуальный. Не такая жена ему нужна, как тетя Наташа: вроде все при ней, а глянуть не на что. Овца, ни с чем пирожок. И, главное, ему никто не мешает, особенно в этой башне, куда никто не смеет заходить без зова хозяина. Чего ж ему еще надо? Вот она — я! Бери и делай, что хочешь. А он или не хочет, потому что истратился на стороне, или раздумывает.

Осевкин допил кофе, поставил чашку на поднос, махнул рукой: проваливай, мол.

И она, взяв поднос, пошла к двери. Остановилась, оглянулась — он продолжал смотреть ей вслед своим неподвижным взглядом, точно гипнотизировал ее, но было совершенно непонятно, что выражал его взгляд, какие желания.

Дверь закрылась. Осевкин откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, усмехнулся. Он хорошо понимал эту девчонку, получив предварительную информацию о ней от Елены. Он понял ее еще тогда, когда Наталья привела ее к нему на смотрины. Он лишь мельком глянул на кандидатку в прислуги, вроде бы смущенную, но сине-зеленые глаза ее смотрели без всякого смущения, дерзко, вызывающе. Он повидал таких немало. И не только девчонок, но и парней. В своем тесном кругу они заводилы, а едва вышли из круга, куда что девалось. Надолго их, как правило, не хватало: чуть трудности, так в панику и плач. Только пройдя жестокую школу борьбы за выживание, немногие из них становились тверже, пригодными для серьезного дела.

— Тебе она нравится? — спросил он у жены.

— Да, — тихо ответила Наталья.

— Ну и бери. Ты за нее и отвечать будешь. Мне-то что...
И отвернулся.

И эта неопределенность все тянется и тянется, приводя девчонку в отчаяние: а вдруг ничего из того, о чем она мечтала, не сбудется? Всю жизнь оставаться в прислужницах? Куда ей тогда податься? Идти продавщицей в магазин или ларек, уборщицей или еще кем неизвестно куда? Выйти замуж за какого-нибудь местного вахлака, нарожать ему детей, встречать его пьяным, стирать его подштанники, получать подзатыльники? Что может быть ужаснее при ее-то уме и красоте? И лишь тот факт, что месяц работы в этом доме еще ничего не решает, заставлял ее прилежно исполнять свои ненавистные обязанности в надежде на то, что все разрешится самым благоприятным образом через какое-то не слишком долгое время.

Запиликал мобильник: звонил мэр Чебаков. Голос был бодр и весел.

— Ты извини, Сеня, что вчера не застал тебя в Заведении, — говорил он под едва слышную музыку. — Вечером встречался с московским журналюгой из газеты «Дело». Газетенка, как я понял, так себе, но игнорировать даже такую малость, считаю непозволительным. Сам понимаешь. Да, так вот, зовут его Валерий Игнатьевич Жилинский. Двадцать четыре года. Начинаящий. Не сказать, чтобы дурак, но и умным тоже не назовешь. Ну, я ему рассказал обо всем, о чем надо и как надо. Пусть пишет. Но он хочет обязательно встретиться с тобой лично. Говорит, что русский предприниматель, который кормит весь город, явление в нынешней России редкое и достойно всяческого внимания. Я подумал, что эта встреча нам же на пользу. Про наши недавние передрыги если он что-то и знает, то самую малость. Главное, что ты вовремя выдал им деньги. Хвалю. Так что ему не за что зацепиться. Как ты на все это смотришь?

— Как я смотрю? Отрицательно, — ответил Осевкин. — Чем меньше мы привлекаем к себе внимания, тем для нас лучше.

— Сеня, мне кажется, ты недооцениваешь роль прессы. Если ты его не примешь, он может подумать черт знает что. То есть в том смысле, что ты что-то скрываешь. И начнет рыть землю носом. А нам это нужно? Тебе это нужно? Вот и делай выводы.

— Ничего нарыть он не может, — отрезал Осевкин. — Зато его статья, какой бы она ни была, привлечет внимание других. И тогда ползут сюда другие. Всем интересно посмотреть на такого зверя.

— Сеня! — заныл Чебаков. — Лучше прослыть предпринимателем-патриотом, чем кем-то еще. Тем более что это теперь в моду. Что касается других — пусть едут!

— Ладно, черт с вами, пусть едет, — сдался Осевкин, представив, как будет происходить эта встреча на ФУКе. Действительно, чего он боится? Журналиста увидит лишь то, что ему покажут. И он спросил мэра: — Надеюсь, у тебя найдется для него какая-нибудь колымага?

— Найдется, Сеня! — обрадовался Чебаков. — Конечно, найдется! Так значит, где-то к полудню он будет у тебя... если не возражаешь.

— Возражаю. Не у меня на даче, а на ФУКе. Там будет о чем поговорить и что показать, а на даче можно лишь пить водку.

— Согласен, Сеня! Полностью с тобой согласен! — захлебываясь словами Чебаков. — Ты уж постарайся. Он дурачок дурачком, но накатать может такое, что потом не отскребешься. Так к каким часам?

— Своди его пообедать в ресторан... за мой счет. К пятнадцати ноль-ноль быть на ФУКе.

— Я-то тебе зачем?

— А чтобы мне не искать к нему подхода. Надеюсь, ты уже нашел. Оркестра не обещаю. Все. До встречи, — отрезал Осевкин и ткнул пальцем в красную метку, прекращая разговор.

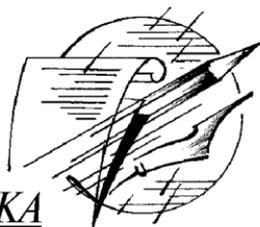
Продолжение следует

СВЕТЛЫЙ МИФ О ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Одним из главных «материалов», с которым орудуют идеологи при манипуляции общественным сознанием, являются социальные стереотипы.

В словаре сказано: «Социальный стереотип — устойчивая совокупность представлений, складывающихся в сознании как на основе личного жизненного опыта, так и с помощью многообразных источников информации. Сквозь призму стереотипов воспринимаются реальные предметы, отношения, события, действующие лица».

Ни один человек не может прожить без «автоматизмов» в восприятии и мышлении — обдумывать заново каждую ситуацию у него не хватит ни психических сил, ни времени. Таким образом, стереотипы как необходимый человеку инструмент восприятия и мышления обладают устойчивостью, могут быть выявлены, изучены и использованы как мишени для манипуляции. Поскольку их полезность для человека в том и заключается, чтобы воспринимать и оценивать быстро, не думая, манипулятор может применять их как «фильтры», через которые

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

его жертвы видят действительность — «ставить» перед глазами человека то один, то другой «фильтр».

Известный американский журналист Уолтер Липпман в книге «Общественное мнение» (1922) выдвинул целую концепцию стереотипизации как основы пропаганды. Он писал: «Из всех средств влияния на человека самым тонким и обладающим исключительной силой внушения являются те, которые создают и поддерживают галерею стереотипов. Нам рассказывают о мире прежде, чем мы его увидим. Мы представляем себе большинство вещей прежде, чем познакомимся с ними на опыте. И эти предварительные представления, если нас не насторожит в этом наше образование, из глубины управляют всем процессом восприятия».

Если удастся подтолкнуть крупные массы людей видеть какое-то общественное явление через нужный манипулятору стереотип, то несогласным становится очень трудно воззвать людей к здравому смыслу, убедить их остановиться, подумать, не принимать ли скоропалительных опасных решений. Ницше заметил: «Так как недостает времени для мышления и спокойствия в мышлении, то теперь уже не обсуждают несогласных мнений, а удовлетворяются тем, что ненавидят их. При чудовищном ускорении жизни дух и взор приучаются к неполному или ложному созерцанию и суждению, и каждый человек подобен путешественнику, изучающему страну и народ из окна железнодорожного вагона».

Подготовка к манипуляции состоит не только в том, чтобы разрушить какие-то представления, но и в том, чтобы создать, построить новые идеи, желания, цели. Это часто бывают временные, «служебные» постройки, главная их задача — вызвать сумбур в мыслях, сделать их нелогичными и бессвязными, заставить человека усомниться в устойчивых жизненных истинах.

«Основа свободы»

Одной из таких конструкций был запущенный в конце 80-х годов миф о благотворности частной собственности, который внедрялся в массовое сознание параллельно с вытеснением прежних, коллективистских установок.

Сначала была проведена интенсивная идеологическая кампания, внушающая мысль, будто частная собственность и основанный на ней капитализм «создают» права и свободы человека. Вот, например, что пишет в 1990 г. видный философ-правовед В.С. Нерсесянц в статье «Декларация прав человека и гражданина» в истории идей о правах человека» (СО-

ЦИС, 1990, №1): «Одним из существенных прав и свобод человека является индивидуальная собственность, без чего все остальные права человека и право в целом лишаются не только своей полноты, но и вообще реального фундамента и необходимой гарантии».

Утверждение, будто без частной собственности все (!) права человека лишаются своей полноты и вообще фундамента, противоречит здравому смыслу. Появление частной собственности вовсе не создает прав и свобод, а лишь изменяет их структуру. Какие-то права появляются, какие-то пропадают, как и при любом крупном общественном изменении. Например, появление частной собственности, то есть присвоение средств производства частью общества, утверждает свободу контракта, но тем самым лишает человека права на пищу, которое до этого относилось к категории естественных, неотчуждаемых прав.

При общинно-родовом строе (и много позже — при советском строе), когда средства производства находились в коллективной собственности, каждый член общины, если он от нее не отлучен, имел гарантированное право на пищу. Свобода контракта означает, что работник выносит свою рабочую силу на рынок и она может быть не востребована, как и любой товар. Это ясно сказал заведующий первой в истории кафедрой политэкономии Мальтус: «Человек, пришедший в занятый уже мир, если общество не в состоянии воспользоваться его трудом, не имеет ни малейшего права требовать какого бы то ни было пропитания, и в действительности он лишится на земле. Природа повелевает ему удалиться и не замедлит сама привести в исполнение свой приговор».

Эта кампания по пропаганде частной собственности как гаранта свободы была основана на сокрытии важного вывода социологии и философии — тезис о связи капитализма с демократией был отвергнут не только марксизмом, но и либеральными мыслителями. Вот что пишет в 1906 г. М. Вебер, крупнейший социолог, изучавший связь капитализма с культурой: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке... избирательное сродство с «демократией» или вовсе со «свободой» (в каком бы то ни было смысле слова)».

Вебер подчеркивает, что капитализм начала XX века уже не был связан со «свободой» «в каком бы то ни было смысле слова» — даже с экономической свободой, свободой контракта. В этом отношении зрелый монополистический капитализм настолько сросся с государственной бюрократией, что

в нем уже не было и следа того «духа свободы», который имелся у юной буржуазии, идущей к власти, в период «свободной конкуренции».

Этот вывод Вебера повторяется в самых разных вариантах постоянно. Американский социолог Б. Гинзберг, автор исследования способов мобилизации общественного мнения властями США, писал совсем недавно: «Западные правительства использовали механизмы рынка, чтобы управлять устремлениями и чувствами народных масс... Хотя граждане западного мира имеют обыкновение связывать рынок со свободой мнений, невидимая рука рынка может быть инструментом контроля почти столь же мощным, как и железный кулак государства».

Тезис о том, что частная собственность и рынок якобы порождают демократию, не имеет ни исторических, ни логических оснований. Утверждать о наличии причинно-следственной связи между капитализмом, демократией и правами человека стало просто неприлично после того, как мир пережил опыт фашизма. Ведь фашизм — порождение именно капитализма и присущего ему общества, в ином обществе он и возникнуть не мог. Фашистское государство в Германии сформировалось, по словам первого вице-канцлера Германии Папена, «пройдя до конца по пути демократизации» Веймарской республики. То есть в условиях крайнего кризиса гражданское общество с помощью присущих ему демократических механизмов породило фашистское государство.

Вот что пишет об этом Г. Маркузе: *«Превращение либерального государства в авторитарное произошло в лоне одного и того же социального порядка. В отношении этого экономического базиса можно сказать, что именно сам либерализм «вынул» из себя это авторитарное государство как свое собственное воплощение на высшей ступени развития».* Поразительно, как тезис о частной собственности как источнике свобод мог быть внедрен в массовое сознание, когда перед глазами был пример Пиночета, который провел в Чили примерно ту же реформу, что и Чубайс.

Законность

Создание мифа об «освободительной» роли частной собственности сопровождалось фабрикацией черного мифа об общественной собственности как якобы возникающей с помощью авторитарной власти и насилия. В.С. Нерсесянц пишет: «Создаваться и утверждаться социалистическая соб-

ственность может лишь внеэкономическими и внеправовыми средствами — экспроприацией, национализацией, конфискацией, общеобязательным планом, принудительным режимом труда и т.д.».

Почему же национализация — неправовым актом? А приватизация — правовой? Какие можно придумать правовые основания, чтобы отдать одному комсомольскому работнику машиностроительный суперкомбинат «Уралмаш» за смехотворную цену — одну тысячную не стоимости завода, а стоимости его годовой продукции?

Но пусть даже национализация в 1918 г. и была «неправовой» (точнее, следовала революционному праву). Разве это — особенность именно русской революции? Крупнейший экономист Запада XX века Дж.М. Кейнс писал в 1922 г.: «В природе революций, войн и голода уничтожать закрепленные законом имущественные права и частную собственность отдельных индивидов». Но главное даже не правовая сторона дела, а тот факт, что национализация промышленности в России — всего лишь краткий исторический миг в истории советского хозяйства, да и национализированы в 1918 г. были парализованные и заброшенные предприятия. Ее главной причиной была остановка производства владельцами предприятий, что грозило рабочим голодной смертью.

Но 9/10 социалистической собственности в СССР было создано хозяйственной деятельностью в последующий за национализацией период. Согласно промышленной переписи, на 31 августа 1918 г. было национализировано 3 тыс. крупных предприятий — практически все, какие были в России. Большинство их было разорено во время Гражданской войны и потом восстановлено уже советским государством. Но за годы первой и второй пятилеток и часть третьей пятилетки до начала Великой Отечественной войны было построено 9 тыс. крупных предприятий.

Разрушенные во время Отечественной войны предприятия опять восстанавливались государством. После войны за 45 лет была построена огромная по масштабам и стоимости промышленная система, и крупницы когда-то национализированной собственности в ней полностью растворились. Таким образом, создана почти вся наша общенародная собственность была не посредством «национализации и конфискации», а путем строительства. А теперь философы говорят, что все это строительство, восстановление, модернизация противоречат праву! Это и есть злонамеренное разрушение логики. На каком основании считает философ внеправовы-

ми и внеэкономическими явлениями, например, строительство Братской ГЭС, ВАЗа или московского метро? Без всякого основания — все это чистая манипуляция.

Идиотам надо примитивно

Своей хулой на социалистическую (и вообще коллективную) собственность философ по контрасту доказывает мысль о том, что уж частная-то собственность создавалась исключительно в рамках права и без внеэкономического принуждения. Но ведь эта мысль, откровенно говоря, просто нелепа. Это — примитивный стереотип, рассчитанный на то, что у людей подорвана память.

Не будем уж поминать такую частную собственность, как 9 млн. африканцев-рабов, доставленных в Америку живыми (по оценкам историков, живыми до Америки доплывала лишь небольшая часть погруженных в трюмы африканцев). По данным авторитетного историка Ф. Броделя, треть всех инвестиций Англии в период промышленной революции покрывалась средствами, изъятыми в одной только Индии.

Исторически именно учреждение частной собственности сопровождалось самой крупной экспроприацией — сгоном крестьян и захватом общинных земель. Вспомним хотя бы насильственные «огораживания» в Англии во время буржуазной революции. Историк крестьянства В.П. Данилов напомнил опыт создания крупной частной собственности при приватизации земли в Англии: «Не нужно забывать, как решались социальные проблемы при огораживаниях, о рабочих домах для выбрасываемых из деревни, о том, что в каждом поселке стояла либо виселица, либо чурбак с топором, где рубили головы тем, кто не согласен с огораживанием» (Отечественная история, 1995, №4).

А когда европейский капитализм экспортировался в колонии, приватизация земли в США привела просто к уничтожению местного населения, а в Северной Африке у арабов была отнята и передана в собственность колонистам ровно половина исключительно плодородных земель. Тут мы видим именно «внеэкономические и внеправовые средства — экспроприацию, конфискацию, принудительный режим труда».

Право и государство

Понятно, что философ этого «не помнит» и делает упор на национализации промышленности в России в 1918 г. Уже в самом перечислении «внеэкономических и внеправовых

средств», которое дает В.С. Нерсесянц, видна манипуляция. Почему, например, «общеобязательный план», утверждаемый законом, — внеправовое средство, а общеобязательные правила дорожного движения — правовое? Почему наказание за прогул («принудительный режим труда» в СССР) был внеправовым действием, а в частной американской фирме — правовым? Непонятно, почему надо считать «внеправовым» явлением хотя бы и принудительный труд осужденных, если он регулируется правом. После «создания частной собственности» в России по Чубайсу лучше бы философам правовые проблемы вообще не поднимать.

Во время перестройки внушалась еще и мысль, будто общенародной собственности в СССР не существует, ее захватило государство, так что общенародной собственностью называют лишь для отвода глаз. Был даже изобретен мифический «собственник» — бюрократия, номенклатура. Идея схоластична (хотя нередко именно самые схоластичные доктринальные идеи имеют большой успех в манипуляции сознанием).

Бюрократия в СССР представляла собой социальную группу работников управления и никакими признаками класса-собственника не обладала. Так же, как и менеджер в частной корпорации выполняет функции управления, но вовсе не является собственником капитала. Что собственность на средства производства была в СССР именно общенародной, а государство ею лишь распоряжалось, говорит как раз «уравниловка». В виде бесплатных благ и через низкие цены гражданам на уравнилельной основе получали свои дивиденды с принадлежащей им частицы общенародной собственности. Кроме того, как частичные собственники средств производства, они имели реальное право на труд. Это достаточные признаки обладания собственностью, вполне очевидные и понятные.

Ясно, что в статье, написанной в 1989 г., В.С. Нерсесянц своими манипуляциями с понятием собственности выполняет чисто политическую задачу — готовит читателя к грядущей приватизации. Уж она-то, мол, даст гарантии прав и свобод каждому человеку: «Необходимо освободить социалистическую собственность от абстрактно-всеобщей, «ничейной», государственной формы... и трансформировать ее в индивидуализированную собственность всех членов общества». Как была трансформирована собственность «всех членов общества» в ходе приватизации 1992—1994 гг. в Российской Федерации, все хорошо помнят.

В противоположность общественной собственности, которая якобы создается путем экспроприации, частную

собственность стали представлять как порождение естественного права. Придание чисто социальному феномену собственности статуса «естественного», то есть природного, внесоциального, является очевидной манипуляцией. Частная собственность в ее современном виде возникла лишь в Новое время, с превращением человека в свободного индивида. Так что самой этой категории, на которой строится все здание современного капитализма, всего-то от роду четыре века.

Собственность как инстинкт

А только в цивилизованном состоянии человечество живет, как считают многие исследователи, не менее 20 тысяч лет — двухсот веков! Более того, даже не частная, а и более ранние формы собственности возникли лишь с появлением земледелия, то есть сравнительно недавно. А до этого вполне сформировавшийся *homo sapiens*, живший племенами, лишь координировал разумное использование угодий для охоты или собирательства. Никакого «естественного», биологически присущего человеку «чувства» частной собственности не существует, это — исторически обусловленная часть культуры, продукт общественных отношений. Возник этот продукт в определенных условиях, побыл в культуре и исчезнет.

Соответственно, не существует и никакого природного «чувства Хозяина», которое было якобы утрачено советскими людьми из-за обобществления собственности на средства производства. Создание мифа об этом «чувстве» или инстинкте — типичное биологизаторство культуры, отрывка социал-дарвинизма. Что же касается этого чувства как порождения культуры, то вовсе не советская власть его ограничила в России, а Православие. Виднейший русский православный философ о. С. Булгаков пишет в книге «Христианский социализм» об этическом и религиозном отношении к собственности: «Именно это-то чувство собственности, духовный яд ее, сладострастие Мамоны и осуждается бесповоротно христианством как коренным образом противоречащее основной заповеди любви»

Манипулятивный характер мифа о собственности был доведен до гротеска введением в него священной компоненты. Популярный и влиятельный во время перестройки публицист В. Селюнин в газете «Известия» (23.03.1992) в статье с многообещающим названием «А будет все равно по-нашему» так излагал символ новой веры:

«Рынок есть священная и неприкосновенная частная собственность. Она, если угодно, самоцель, абсолютная общечеловеческая ценность... Это только по вшивым партийным учебникам там, за бугром, всем владеют в основном Форды да Дюпоны. А в действительности акции, к примеру, корпорации «Дженерал моторс» имеет около миллиона человек».

Это высказывание может служить для нас хорошим учебным материалом. Прежде всего, В. Селюнин делает важную оговорку ради захвата и присоединения аудитории, в сознании которой, как известно, были сильны уравнилельные представления. Он не призывает людей в общество, разделенное на собственников и пролетариев, а рисует образ чуть ли не уравнилельного распределения собственности. Нет, теперь при капитализме не Форды да Дюпоны всем владеют — «акции «Дженерал моторс» имеет около миллиона человек»!

В этом образе применена манипуляция мерой. Да, при частной собственности Форды да Дюпоны не всем владеют, никто этого никогда и не утверждал, это было бы глупо. Вопрос в том, какова степень неравенства в распределении собственности. Здесь — умолчание. Вот сводка из газеты «Нью-Йорк таймс» от 17 апреля 1995 г.: 40% всех богатств в США принадлежат 1% населения. Доля в доходе как богатой, так и бедной части населения США сохраняется с точностью до десятой доли процента с 1950 г.

Говоря о том, что в США миллионы рабочих владеют акциями, В. Селюнин, не прибегая к прямой лжи, внушает мысль, будто в условиях господства частной собственности большинство граждан получает существенный доход от собственности. Здесь — умолчание о реальной доле этого дохода в общих доходах населения США. Данные эти вполне доступны и противоречат всему контексту сообщения В. Селюнина.

Вот энциклопедический справочник «Современные Соединенные Штаты Америки» (М., 1988). Читаем на с. 223: «В 1985 г. доля дивидендов в общей сумме доходов от капитала составила около 15%». Главный источник доходов от капитала теперь не дивиденды от акций, а проценты от вкладов. Акции же важны для управления предприятиями, но для этого важны не распыленные среди «рабочих» акции, а пакеты акций.

А много ли рабочие и служащие США получают доходов от капитала? Читаем: «Доля личных доходов от капитала в общей сумме семейных доходов основных категорий рабочих и служащих оставалась стабильной, колеблясь в диапазоне 2—4%».

Итак, весь доход на капитал у трудящихся составляет 2—4% всех семейных доходов, а в нем 15% от акций, то есть для среднего трудящегося человека в США акции дают 0,003—0,006 его семейного дохода. Три тысячных! И этим соблазняли людей на приватизацию, на потрясение всей экономической системы страны!

Но главное — ложность самих понятий В. Селюнина, данных как непререкаемый постулат. Частная собственность — самоцель, абсолютная общечеловеческая ценность! Но ведь это нелепо. Не существует абсолютных общечеловеческих ценностей, ибо ценности — часть культуры и являются исторически обусловленными. Они всегда относительны и всегда признаются именно в данной культуре. Там частная собственность — ценность, а где-то к ней равнодушны.

Относительны ценности и во времени. Частная собственность возникла недавно, существует она лишь в течение 0,05% времени, которое прожила человеческая цивилизация — как же она может быть общечеловеческой ценностью? Люди, не знавшие частной собственности, — не люди? Расчет манипулятора при использовании таких лобовых приемов на то, что человек не успевает встроить энергичное утверждение в реальный культурный и исторический контекст.

Подонки главного калибра

Ну, В. Селюнин — газетчик, хотя и из экономистов. А вот А. Н. Яковлев — академик АН СССР, а потом РАН, бывший начальник всей идеологической машины КПСС. Перед выборами 1996 г. он подкрепляет в «Российской газете» этот новый миф-стереотип: «Нужно было бы давно узаконить неприкосновенность и священность частной собственности».

В этом мифе главное — идея священности частной собственности. Очевидно, что само понятие «священный» является иррациональным, тут говорить не о чем, это именно символ веры. Для одних священно одно, для других другое, и логикой тут не возьмешь. Поэтому само предложение академика узаконить священность является полной нелепостью в светском государстве, где право является понятием рациональным, а не религиозным. На этом основании из Конституции РФ исключили положение о том, что «защита Отечества — священный долг гражданина», а о собственности рекомендуют вставить. Вот тебе и демократия да свобода совести!

Известно, что частная собственность — это не зубная щетка, не дача и не «Мерседес». Это — средства производства. Тот, кто их не имеет, вынужден идти в работники к владельцу

средств производства и своим трудом производить для него доход. «Из людей добывают деньги, как из скота сало», — гласит пословица американских пуритан, носителей самого чистого духа капитализма. Единственный смысл частной собственности — извлечение дохода из людей.

Где же и когда средство извлечения дохода приобретало статус святыни? Если бы этот проект сакрализации частной собственности предлагался всерьез, а не был манипуляцией сознанием сбитых с толку людей, то его идеологи, пропагандисты и тем более ученые были бы обязаны указать источник святости и ту инстанцию, которая компетентна подтвердить священный характер собственности как общественных отношений. Ясно, что источником святости не может быть ни закон, принятый голосованием в Государственной думе, ни декрет Ельцина или Путина. А инстанцией, подтверждающей святость, не может быть ни администрация президента, ни ренегат марксизма-ленинизма вроде А.Н. Яковлева. С появлением религии как формы общественного сознания формально присваивать титул священного может лишь Церковь.

Святость

Вопрос о статусе средств извлечения дохода поднимался во всех мировых религиях, и все они наложили запрет на поклонение им как идолу (Золотому тельцу, Мамоне). В период возникновения рыночной экономики лишь среди кальвинистов были радикальные секты, которые ставили вопрос о том, что частная собственность священна. Но их преследовали даже в Англии. Когда же этот вопрос снова встал в США, куда отплыли эти радикалы, то даже отцы-основатели США не пошли на такое создание идола, а утвердили: частная собственность — предмет общественного договора. Она не священна, а рациональна. О ней надо договариваться и ограничивать ее человеческим законом.

И вот в России, среди культур, выросших из православия, ислама, иудаизма и марксизма, вдруг, как из пещеры, появляется академик по Отделению экономики и закликает: священна! священна! Этот манипулятивный призыв к идолопоклонству чреват риском значительного регресса в духовной сфере — и в рациональном мышлении, и в религиозном сознании.

То, что попытка в конце XX века в России придать частной собственности статус священного явления стала радикально антиправославной, совершенно очевидно. В православии отношение к поклонению частной собственности чет-

ко определено как идолопоклонство. Выше приведено высказывание о. С. Булгакова, но оно вовсе не является результатом поисков обновления православной доктрины. Напротив, оно лишь подтверждает канонические установки Отцов Церкви, от которых Православие не уклонилось, несмотря на расхождения с Западной церковью, оно осталось ортодоксальным христианством.

Хотя Православие избегало явного изложения социальных доктрин, в духовно-религиозном плане частная собственность всегда трактовалась как небогоугодное устройство. Красноречивый пример — поучения преподобного Симеона Нового Богослова (949—1022), переведенные архиепископом Василием (Кривошеиным).

Вот что говорит пр. Симеон в Девятом «Огласительном слове»: *«Существующие в мире деньги и имена являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом все является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. Она окружила все оградой и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. При этом эта бесстыдница утверждает, что она является владелицей всего этого, и спорит, что она не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было...»*

Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования, чтобы посредством этой страсти к стяжанию навязать нам два преступления и сделать виновными вечного наказания и осуждения. Одно из этих преступлений — немилосердие, другое — надежда на отложенные деньги, а не на Бога. Ибо имеющий отложенные деньги... виновен в потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их напитать, но не напитал, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от голода и холода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать».

Если бы попытка сакрализации частной собственности не была смелой акцией по манипуляции сознанием, то А.Н. Яковлев и его пропагандисты обязаны были бы указать на явный и авторитетный поворот православия к отказу от этих установок. Например, на решение церковного Собора. Это-

го они сделать не могут, потому что такого поворота не произошло. Напротив, последние высказывания Церкви по этой проблеме не дают никаких оснований для сакрализации частной собственности. В 2001 г. Московский Патриархат и Священный Синод Русской Православной Церкви опубликовал «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». В ней есть Раздел VII «Собственность».

В условиях идеологического накала, сопровождающего рыночную реформу в России, Церковь применяет очень взвешенные формулировки, но и они не оставляют места для самой постановки вопроса о сакрализации. Вот главные утверждения: «Под собственностью принято понимать общественно признанную форму отношения людей к плодам труда и естественным ресурсам». Общественно принятая форма — совершенно иной признак легитимности отношений, нежели Откровение свыше, придающее данным отношениям священный характер. Церковь такой функции на себя не берет, в Концепции сказано и выделено: «Церковь не определяет права людей на собственность... По учению Церкви, люди получают все земные блага от Бога, Которому и принадлежит абсолютное право владения ими». А уж как в тот или иной исторический период люди определяют общественно принятые формы собственности — это их чисто земные дела. Перечисляя известные формы собственности, Концепция так устанавливает позицию русского православия: «Государственная, общественная, корпоративная, частная и смешанные формы собственности в разных странах получили различное укоренение в ходе исторического развития. Церковь не отдает предпочтения ни одной из этих форм».

Надо заметить, насколько рассуждение Церкви более разумно, исторично и даже логично, чем рассуждения иных докторов наук и даже действительных членов Российской Академии наук.

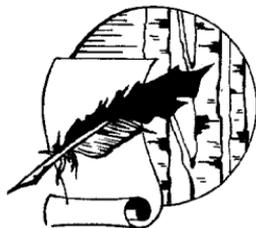
Можно, конечно, предположить, что рыночники-западники ориентируются не на Православие, а на другую большую ветвь христианства — католичество. Но их отношение к собственности идет вразрез и с католической доктриной. В конце XIX века Ватикан стал активно выступать в области социальной политики, и папа Лев XIII выпустил энциклику *Regum novarum*. К ее столетию Иоанн Павел II издал энциклику *Centesimus Annus*. В ней он, в частности, говорит о собственности на землю: «Бог дал землю всему человеческому роду, чтобы она кормила всех своих обитателей, не исключая никого из них и не давая никому из них привилегий. Здесь первый корень всеобщего предназначения земных вещей».

Совершенно очевидно, что частная собственность на землю дает привилегии собственникам и исключает из числа питающихся очень многих — это всем прекрасно известно. Далее в своей энциклике папа римский налагает на право всякой частной собственности сугубо социальные ограничения: «Собственность на средства производства, как в области промышленности, так и в сельском хозяйстве, является справедливой и законной, когда используется для полезной работы; но является незаконной, когда используется для... получения прибыли... для своего накопления, для незаконной эксплуатации, для спекуляции и подрыва солидарности в трудовой среде».

Тут не только ни о каком священном характере и речи нет — сама законность частной собственности в ее реальном воплощении («накопление, эксплуатация, спекуляция и подрыв солидарности в трудовой среде») ставится под вопрос.

Остается лишь добавить, что еще менее, нежели религия, для освящения частной собственности может быть в России привлечена народная традиция, предание. Это, впрочем, ни в какой культуре было бы невозможно именно вследствие молодости буржуазного общества, но в России особенно. Сам же А.Н. Яковлев с горечью признавал: «На Руси никогда не было нормальной, вольной частной собственности...». Ну, не было, так и говорить не о чем, какое уж тут предание.

Если уж говорить о традициях и здравом смысле, то лучше вспомнить трезвое суждение М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Горе, думается мне, тому граду, в котором и улица, и кабаки безнужно скулят о том, что собственность священна! Наверное, в граде сем имеет произойти неслыханнейшее воровство!»

Валентин УСТИНОВ

Валентину Алексеевичу Устинову, члену редколлегии нашего журнала, президенту Академии поэзии — 75 лет.

Мы искренне желаем лауреату многих литературных премий, ярчайшему поэту отменного здоровья и новых поэтических озарений.

СОЛНЦЕ, ПАХНУЩЕЕ ВЕСНОЙ

ЗАВЯЗЬ

Я говорю:

прислушайтесь — весна.

Мой друг, весна!

Мои друзья, смотрите:

земля растет, рубашка ей тесна,

и снег, как холст, до черных пятен вытерт.

И кочет,

от блаженства покраснев,

клокочет,

рассыпая приглашенья.

И радугою выгнутая шея

дрожит от гимнов солнцу и весне.

Зимой я — глух.

Но рано по весне —

примерно в марте,

может быть, в апреле —

я слышу сотни солнечных вестей,

отстуканных морзянкою капли.

И дух земной —

ячменный и хмельной —

бурлит в крови.

Бурлят в деревьях соки.

И небосвод —

отчаянно высокий! —
возводит синий купол надо мной.

И мир,

сгущаясь в новом поколенье
листвы и трав,
взрывается, звеня!

И это возрожденье, обновленье
кружит и низвергается в меня.

С меня спадает мелочность и зависть,
как с почек опадает шелуха.

И мир растет.

Он весь — сплошная завязь
огромного и щедрого стиха.

БОЛЬШАК

Всю ночь мы уходили большаком.

Горел июль.

Навстречу шла пехота.

Дымились паром Мстинские болота.

Дымил большак растоптанным песком.

Всю ночь мы уходили в тишину —
мальчишки и девчонки из детдома.

И слушали огромную войну.

И путали ее с протяжным громом.

Мы только начинали жить тогда.

И первые мои воспоминанья:

в помятый чайник бьющая вода

на маленьком разъезде без названья.

Там, над холмом, на семь ветров страны
расправив сучьев крепкие суставы,

вздымался дуб,

от грозной вышины
укрыв собой обозы и составы.

Внезапный свист.

И миг (как смерть нага!)

Поначалу по кругу, мирно,
предвкушая удар и боль,
провели — как борцы — разминку
и метнули жребий на бой.

И едва озаряться стала
медь сосновой литой коры,
как клинками черненой стали
разошлись полукружья крыл.

Разудало притопнул — первый! —
развернулся, рванулся в бой.
Разлетелись по снегу перья
разноцветною бахромой.

Ток звенел,
 клекотал
 и ухал.

И, ярясь от избытка сил,
опьяненный весенним духом,
бил — как будто траву косил.

Будто дыбился лед из русел
с гулом после январских снов!
...И тогда занялось над Русью
солнце,
 пахнущее весной.

* * *

Остыли горячие ночи.
Сгорели холодные дни.
И только прощальные очи
плывут над пустыней одни.

Руины. Ограда из надолб.
Осина свечою горит.
Не надо, не надо, не надо
всю жизнь о любви говорить.

А надо, шагнув за могилу,
забыть — и забыто копить
в себе молчаливую силу,
чтоб эту пустыню любить.

БЕССМЕРТНИК

Ветер ли снежные вихри навертит,
дождь ли окатит в полуночной тьме —
жесткий,
 колючий,
 свистящий бессмертник
вечно маячит на черном холме.

Рядом с бессмертником —
 щурия оконце,
вся от лишайников ржавых ряба —
смотрит на рыжее низкое солнце
ветром пробитая настезь изба.

Возле избёнки — вставая с рассветом
и засыпая под галочий крик —
хлипкой зимой и засушливым летом
бродит сухой и колючий старик.

То топором постучит по забору,
то угребется на лодке в залив...
Хмурый,
 хромой
 и облупленный ворон,
как собачонка, мелькает за ним.

Годы со свистом проносятся мимо.
Мир,
 словно лайнер,
 цветает и велик.

Но за холмами живут нерушимо:
ворон,
 бессмертник,
 избёнка,
 старик.

Вот потому-то, усевшись над кручей, —
ветер ли,
 морось ли,
 снег ли,
 жара —
слушаю кашель, сухой и колючий,
хрипкое карканье, стук топора.

Вот потому-то, наверно, часами
я полюбил на избёнку смотреть:
как она тянется
 к солнцу
 глазами,
в холм погрузившись на добрую треть.

Вот потому-то —
 зима ли завертит,
дождь ли окатит в полуночной мгле —
я наблюдаю,
 как жесткий бессмертник
стойко маячит на черном холме.

Иван РЫЖИКОВ

ИДУ К ИСТОКАМ

* * *

Синею слезкой на веточке инея
Первая радость весеннего дня.
Родина-мать! По весеннему синие
Не от тебя ли глаза у меня?

Речь твоя льется, как реченька чистая.
Только слова ты умеешь беречь.
Не от тебя ли, моя неречистая,
И у меня эта тихая речь?

Ночь на дворе, а дорога не пройдена,
Горькая чаша, как прежде, полна.
Не от тебя ль, моя милая Родина,
И у меня на висках седина?

Месяц повис перезрелую сливою,
А впереди не дорога, а плеть.
Дай мне терпенья, моя терпеливая,
Всю твою боль до конца одолеть!..

* * *

Я вновь иду к своим истокам:
Суди меня, родимый дом,
Своим крутым,
Своим высоким
И самым праведным судом!

Судите, горькие осины,
И ты, седая лебеда,
Как судит мать
Родного сына,
И то, наверно, не всегда.

Я припаду к земле милой,
К порогу отчому прильну:
— Судите!
Больше я не в силах
В себе носить свою вину!

Мне острый нож —
Очаг без дыма,
Пустое поле без межи.
Ты узнаешь меня, родимый?
Скажи.
Хоть что-нибудь скажи!

Ведь я же ел твой хлеб когда-то,
Играл у твоего плетня.
Ты вспомни.
Смотрит виновато,
Видать, не узнает меня!

* * *

О. Галло

Когда в стране меняют флаги
И все кругом передрались,
Не призывайте нас к присяге:
Однажды мы уже клялись.

Та клятва матери-Отчизне,
Когда вручали нам ружье, —
Иному не хватило жизни,
Чтоб честно выполнить ее!

Пускай не все, что было свято,
Поныне связывает нас,
Но настоящие солдаты
Идут к присяге только раз!

* * *

Нет, этот счет пока еще не начат.
Еще друзья не за победу пьют.
Где надо бы порадоваться, — плачут,
Где надо бы расплакаться, — поют.

Еще душа, как тяжелого недуга,
Страшится не грозы, а тишины;
Еще мы, как стеною, друг от друга
Неверием своим отделены,

Витийствуем о доблести, о чести,
Но пальцы сами вяжутся в кулак:
Ведь ясно же, спасемся только вместе,
Так нет, куда там: все у нас не так.

Никто ни до кого не достучится.
Живут со зла. Рожают не любя.
О Господи! Не дай ожесточиться,
Я сам не отвечаю за себя!..

* * *

К Нему тянулись люди отовсюду.
Шли толпами, дивясь Его уму.
Но вот Христос привел к себе Иуду —
И это жизни стоило Ему.

Вся подоплека встречи их не скоро
Откроется.
Недаром, неспроста
И до сих пор не утихают споры
Вокруг такого выбора Христа.

Простой расчет. Нехитрая наука.
Ее постичь любой бы смертный мог.
А Он ведь знал!
Но в том-то вся и штука,
Что, зная все, не выбирает Бог!

* * *

О, этот лозунг, брошенный в упор,
Он был так нов, несбыточен и точен,
Что, как набат, гудит и до сих пор:
«Земля — крестьянам, фабрики — рабочим!»

Пускай он в те далекие года
Не главным был, когда гроза нависла,
Но без него ни после, ни тогда
Все остальное не имело смысла!

* * *

На исходе короткого лета
Выйдешь в ночь на задворки и вдруг
Задохнешься от лунного света,
Синевой затопившего луг.

И покажется время обманом,
Будто в сказочный мир угодил.
Обожжешься холодным туманом —
И забудешь, зачем приходил.

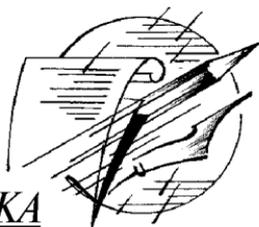
Небо словно горит, не сгорая,
И такая кругом тишина,
Будто в мире — от края до края —
Только ты, синева и луна.

РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава 10. США — ИЛЛЮЗОРНОЕ ГОСУДАРСТВО

Картина развития США от окончания Второй мировой войны до наших дней описана в тысячах книг и бесчисленном количестве статей. И всё же российская (да и мировая, в том числе и американская) общественность чаще всего представляет себе эту картину совершенно неадекватно, руководствуясь устарелыми установками. А процессы, происходившие в США в последние 10—15 лет, были вызваны тектоническими сдвигами, полностью изменившими характер и облик этой страны. Если бы стопроцентный американец улетел, скажем, на Юпитер и пребывал там, не имея связей с Америкой, то, вернувшись через 15 лет, он бы её не узнал. И не просто не узнал, а сказал бы: «Нет, это не моя родина!»

Чтобы понять, что такое современные США, не требуется проводить трудоёмких исследований. Достаточно обобщить суждения специалистов, пытающихся докопаться до народа Америки и до остального мира и сказать правду о состоянии страны и нации, но их голоса заглушаются скупленными на корню СМИ. Но, как говорил Пушкин, мы, русские, ленивы и нелюбопытны. Будь мы хоть немного иными,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

перед нами при наблюдении за развитием США открылась бы драма всемирно-исторического значения и интереснее самого крутого детектива. Я попытаюсь хотя бы наметить контуры этой картины. Но прежде кратко напомним ход событий после Второй мировой войны. Как правило, его описывают как периоды правления последовательно сменявших друг друга президентов страны — ставленников партий демократов и республиканцев, якобы яростно боровшихся друг с другом. На самом деле сразу же после смерти (точнее, убийства) Франклина Рузвельта между этими двумя партиями разных сфер крупного капитала складывается консенсус по важнейшим вопросам политики. Обе партии приняли на вооружение постулаты «глобальной ответственности» США.

На мой взгляд, **послевоенную историю США правильнее рассматривать по стадиям развития самой страны и изменения её положения в мировом сообществе. А таких стадий можно выделить три: стадия противостояния двух сверхдержав — США и СССР; стадия глобального превосходства единственной сверхдержавы — после распада СССР и до наступления мирового кризиса 2008 года; стадия кризиса и упадка США.**

До начала XXI века США прошли путь **от национального корпоративного государства до глобальной наднациональной сверхдержавы.** Вот краткая характеристика важнейших моментов этого процесса.

Стадия противостояния двух сверхдержав

Борьба против СССР замышлялась реакционными кругами США ещё в ходе Второй мировой войны. Но развернулась она сразу же после вступления на пост президента страны Гарри Трумэна, ярого противника СССР. **США уже явно ставили своей целью завоевание мирового господства.** Европа лежала в руинах, Япония была разгромлена, Китай был охвачен гражданской войной, и единственной силой, которая могла бы противостоять экспансии США, был СССР.

В книге «От лжекапитализма — к тоталитаризму» я показал, как Рузвельт, став в 1932 году президентом, совершил тихий государственный переворот (чего элита ему не простила), и **США из страны классического капитализма превратились в корпоративное государство с американской спецификой.** После Рузвельта сразу изменить его курс было невозможно. Были приняты законы о полной занятости, об увеличении минимума зарплаты, о расширении системы соцобеспечения, об ограничении расовой дискриминации и др. Была разработана программа строительства дешёвого жилья, выделе-

ны средства на помощь районам хронической депрессии и на подготовку и переквалификацию рабочей силы. Продолжалось широкое дорожное и жилищное строительство, расширялся охват разных слоёв населения системой социального страхования. Но главное отступление от политики Рузвельта произошло во внешнеполитической сфере. Рузвельт добивался сокращения Британской империи и зоны фунта стерлингов, чтобы превратить её колонии в рынок сбыта товаров американских монополий и источники дешёвого сырья. В его представлении, и монархический строй Британии, и её нелепые традиции были явным анахронизмом и не отвечали идеалам демократии. А его преемники стали приверженцами «трансатлантической англосаксонской солидарности» и «особых отношений» между США и Англией. На деле это вылилось в подчинение Америки Англии (хотя внешне картина часто выглядит обратной). Это было предательством национальных интересов Америки, которая в XVIII веке добилась независимости, отразив попытки Англии вновь подчинить себе взбунтовавшуюся колонию.

Нельзя было допустить и остановки гигантской производственной машины, работавшей четыре года на выпуск вооружения, которое вдруг стало никому не нужным. Это могло привести к экономическим и социальным потрясениям. Одни предсказывали, что США находятся накануне социалистической революции. Другие доказывали, что только отказ от государственного регулирования экономики спасёт страну. Но США не пошли ни по пути социализма, ни по пути возврата к полной свободе предпринимательства.

Государство дало крупный заказ военно-промышленному комплексу (ВПК), монополии которого, казалось, стали истинной властью в США. Но США предложили и странам Западной Европы «план Маршалла», который призван был помочь этим странам встать на ноги, но одновременно и обеспечить рынок сбыта для американской промышленности, переходившей от военного производства к выпуску товаров, необходимых в мирное время. Без такой «помощи» Европе деньгами и товарами экономика США захлебнулась бы. Важно было помочь быстрому восстановлению Германии в качестве противовеса Англии на Европейском континенте. А главное — США по-прежнему использовали (выборочно) опыт СССР в части государственного контроля над экономикой. **И с начала 50-х годов экономика США управлялась уже «по Кейнсу», при прямом регулировании со стороны государства.**

Распада мировой колониальной системы не произошло. Америка вышвыривала Англию, Францию и другие европей-

ские державы из их колоний и занимала там место прежних хозяев, причём прежние колонии объявлялись независимыми государствами.

С усложнением и удорожанием технической базы сельскохозяйственного производства в США началось массовое разорение ферм и сгон крестьян с земли. Число ферм сократилось в 2 раза. «Раскрестьянивание» Америки — это необходимое условие создания «общества потребления». Основными производителями сельскохозяйственной продукции в США стали крупные корпорации, которые или превратили фермеров в поставщиков определённой продукции (как бы в рабочих-надомников), или на землях бывших фермеров организовали собственное производство с наёмными работниками. Ныне американского фермера трудно назвать крестьянином. По сути, это рабочий (и притом по большей части низкооплачиваемый), только не в заводском цеху, а на земле.

Когда же и в странах Западной Европы было восстановлено собственное сельское хозяйство, и они перестали нуждаться в американском продовольствии, США столкнулись с не решённой до сих пор проблемой перепроизводства сельскохозяйственной продукции. Правительство вынуждено было финансово поддерживать экспорт продовольствия с тем, чтобы продавать его в другие страны по пониженным ценам и тем самым подрывать сельское хозяйство стран-импортёров. **Америка оказалась в положении всемирного кулака, благополучие которого зиждется на разорении других производителей продовольствия и не только продовольствия.** Гегемом ведь можно стать не только, самому став сильнее, но и ослабив конкурентов. В стратегии «разори соседа» американцы — непревзойденные мастера.

В погоне за максимальной прибылью американские промышленные компании перевели производство в страны бывшего «третьего мира», где заработная плата и налоги во много раз ниже и влияние профсоюзов минимальное. **По сути, происходила деиндустриализация Америки.** А от тех, кто остался без работы, государство откупается скудными (по американским меркам) пособиями.

В 1950—1970-е годы в США сформировался обеспеченный средний класс, так как большой бизнес был ограничен в своих манёврах антимонопольными законами. И материальное процветание стало достоянием большинства населения. А итог?

В коллективной книге «Заблудились в эпохе» (Новосибирск, 2003) показано, что именно в этот период в США появился крупный капитал, заинтересованный в развитии

массового производства, а значит, и в создании массового платёжеспособного спроса. Это — «капитал, производящий легковые автомобили — самый технически сложный товар массового потребления населением. Товар, который покупают только после того, как появляется излишек денег после удовлетворения самых необходимых потребностей (в пище, жилье, одежде, зрелищах). Капитал, который вовлекает в сферу своей деятельности множество других агентов не только при изготовлении изделия, но и в процессе эксплуатации его» (с. 81). Автомобиль, а также ставшие благодаря ему доступными частные семейные дома в пригородах, спасли капитализм, они предотвратили социальный взрыв.

В середине 50-х годов в США произошёл переход от индустриального общества к постиндустриальному. Внешне это выразилось в том, что численность работников в сфере услуг обогнала численность работников в сфере материального производства и сегодня достигла 80 процентов от общего числа занятых. Американские идеологи рисовали постиндустриальное общество едва ли не как рай на земле, тогда как при последовательном проведении его принципов США превратились бы в страну банкиров и их услуги, включая не только парикмахеров и поваров, но и адвокатов, и учёных, ибо всё индустриальное производство выводилось в страны «третьего мира». Такое общество может существовать только при условии, что на него будет работать, создавая материальные ценности, всё остальное человечество. О том, в какую жуткую диктатуру может превратиться постиндустриальное общество по-американски, будет рассказано в последующих главах.

К 1955 г. американцы в основном удовлетворили свои потребности в жилье и долговременных товарах массового спроса (холодильниках, стиральных машинах и пр.), даже в легковых автомобилях. Но промышленность, набравшая высокие темпы производства этих товаров, не могла остановить свой бег и ждать, пока всё это купленное американцами сгниёт. И она перешла от удовлетворения потребностей населения к их созданию. Началось стимулирование бешеной гонки потребителей за новейшими модными товарами, подогреваемой рекламой. Автор книги «Богатый папа, бедный папа» Роберт Кियोаки считает, что в погоне за благосостоянием американцы среднего класса зачастую попадают в замкнутый круг — чем больше они получают, тем больше они влезают в долги, покупая дома побольше и машины поновее. Так американцы стали жертвой системы сверхпотребления, которую ещё в середине XIX века критиковал И.В. Киреевский. Он считал совер-

шенно неприемлемым для русских тот утверждавшийся на Западе строй, который преднамеренно раздувал потребности человека, чтобы тот работал до изнеможения ради удовлетворения этих искусственно созданных потребностей в ущерб высшим сторонам человеческого бытия. Гонка за материальными благами и комфортом исковеркала жизнь, мировоззрение и духовный облик американцев.

Период расцвета «государства всеобщего благосостояния», названный «золотым веком капитализма», продолжался до 1975 г. Это был итог исторического компромисса между трудом и капиталом, **корпоративного договора между государством, бизнесом и профсоюзами**. Всё это время, по словам профессора Владислава Иноземцева, шло снижение социального неравенства. Доходы у работников с низкой квалификацией росли быстрее, чем у лиц с высшим образованием. Тогда казалось, что всеобщему процветанию не будет конца. Но трубадуры крупного капитала внушили американцам, что рост корпораций, не контролируемый государством, приведет к ещё большему всеобщему благополучию. И государство, ослабив своё вмешательство в экономику, открыло ворота для сильных и перестало защищать слабых. И в начале 70-х годов завершилась эпоха «американского социализма». Однако полного возврата к прошлому не произошло. Превращение американского капитализма в корпоративный строй с американской спецификой оказалось необратимым.

Американский эксперт Уильям Энгдаль раскрыл секреты политики США того времени:

«К началу 1970-х годов ... свободно обменивать бумажные доллары на золото стало невозможно. Тогда, чтобы избежать доллар от неизбежного краха, было решено поднять на заоблачную высоту цены на энергоносители. Эта задача была решена за счёт нефтяного кризиса 1973 г. Резкое повышение цены на нефть — дело рук западных держав, о чём они договорились на заседании Бильдербергского клуба в Швеции. Это мне подтвердил в частной беседе шейх Заки Ямани — в те времена министр нефтедобывающей промышленности Саудовской Аравии.

Поскольку расчёты за нефть шли в долларах, это позволило продлить жизнь долларовой системе. А в 1979 г. США в ущерб реальной экономике сделали ставку на печатание денег, раздувание финансовых пузырей и вынос производства в «третий мир». И к концу 1980-х годов западный мир вновь оказался на грани краха...»

Экономист Михаил Хазин добавляет: «Любая пирамида долго не простоят, поэтому принципиальным решением про-

блемы им виделся дальнейший виток финансовой экспансии на просторы ещё не колонизованных долларом соцстран. Именно здесь и следует искать корни «сдерживания коммунизма» и почти религиозной ненависти к СССР президента Рейгана».

Но пример правящим кругам США показало английское правительство ультраконсерваторов (во главе с М.Тэтчер). Его курс заключался в приватизации, в демонтаже государства всеобщего благосостояния, полной свободе рынка. Лозунгом М.Тэтчер стало: «Равенство — это несправедливость». На путь Англии в 1980 г. встали и США, когда президентом был избран Рональд Рейган, чьё правление было наиболее полным выражением интересов крупного капитала. Его экономической теорией и практикой стала «рейганомика», осуществлявшаяся в духе неоконсерватизма и монетаризма. Начался безудержный рост дефицита бюджета и государственного долга.

Каковы были социальные последствия обновления американского капитализма?

Среди работников наемного труда под воздействием НТР стали преобладать не «синие», а «белые воротнички», у которых и качество жизни, и социальная психология, и политическая культура, и поведение уже стали иными, такими же, как и у среднего класса. (О том, каково реальное положение многих мелких собственников сейчас, будет сказано ниже.) Раз человек получает достаточный доход и имеет уважаемую профессию, он уже не считает себя пролетарием и не видит в буржуа непримиримого классового врага. Америке больше не угрожал призрак социальной революции.

Рейган, в основном, добился разрушения «рузвельтовской коалиции» и поддержки своего курса «средним классом» (о чём этот класс вскоре пожалеет).

Продолжу цитировать Энгдаля:

«Затем, уже в 1980-е годы, Рейган объявил о начале «эры звёздных войн», вынудив СССР выкинуть астрономические суммы на гонку вооружений. В 1986 г. США убедили короля Саудовской Аравии временно опустить цены на нефть, нанеся тем самым решающий удар по советской экономике. В этих условиях нужно было добивать врага уже на политическом уровне, и Вашингтон вовлёк Москву в переговоры по объединению Германии. Тогдашний американский госсекретарь Джеймс Бейкер пообещал Михаилу Горбачёву, что после воссоздания единого немецкого государства, НАТО ни на дюйм не продвинется на Восток. Однако своё слово он не сдержал».

Усиливалась агрессивность внешней политики США. Там, где США не могли добиться своих целей мирными средства-

ми, они пускали в ход свою военную машину (напомню о войне во Вьетнаме). Выходит, США — не только всемирный кулак, но и мировой бандит, который ради спасения своей валюты, позволяющей ему паразитировать на остальном человечестве, готов развязать бойню в любом конце земного шара. И в условиях глобального рынка весь мир стал работать на США, обеспечивая их процветание.

Но «процветали» в США далеко не все. При Рейгане и после него разрыв в материальном положении между классами стал возрастать. И разрыв между доходами деловой и профессиональной элиты и основной массы работников сделался настолько ощутимым, что это стало угрожать социальной стабильности американского общества. Надежды среднего класса на то, что они также войдут в число победителей, не оправдались. **В США 94% роста совокупных доходов в 1990—2000 годы пришлось на 5% населения. Один процент американцев владеет третьим национальным достоянием.** У Казначейства США меньше ликвидности, чем у компании Apple, а Билл Гейтс богаче, чем правительство. Этот процесс необратим. И напряжение между двумя «полюсами» будет увеличиваться.

Основа среднего класса — это наёмные работники корпораций. В условиях технологической революции их увольняют, уменьшают заработную плату. В итоге так называемый «средний класс», который, как уверяют наши учёные-обществоведы, составляет основу современного западного, в частности, американского, общества, размывается со всех концов. Да, по численности предприятий на долю малого бизнеса приходится 82 процента, но их доля в продажах — всего... 0,1 процента. Мелкие предприниматели уже мало чем отличаются от наёмных рабочих. Эти «самозанятые» нередко работают по 50 или даже 60 часов в неделю и не могут взять отпуск. Раздутый малый бизнес в США — это скрытая форма безработицы. А живёт такой «средний класс» «ниже среднего».

«Американские семьи с ежегодным доходом от 40 до 95 тысяч долларов, которые относят себя к среднему классу, живут... от зарплаты до зарплаты, от кредита до кредита, экономия на зубной пасте, на мороженом для детей, на походах в кино, на междугородных звонках... В классическом понимании среднего класса в США не существует, это миф... «Среднестатистическая» Америка медленно, но неумолимо беднеет».

То же самое можно сказать и о сфере услуг. *«Бензозаправочная станция, заправляющая 10 автомобилей в сутки, или магазинчик с ежедневной выручкой в 200—300 долларов, — это скрытая форма безработицы» («Заблудились в эпохе». С. 212—214).*

Стадия глобального превосходства единственной сверхдержавы

Говорят, не завершишь время СССР с его гигантскими природными и прочими ресурсами, неизбежно рухнула бы под бременем своего паразитизма Великая Америка. Тогда их пронесло. За счет русских. А что же сейчас? Можно взять бесплатно арабскую нефть. Это ещё на некоторое время оттянет крах финансовой системы. Но это не меняет сущности основанной на грабеже системы.

После того, как распался СССР, Америка стала единовластной владычицей мира. США достались огромные деньги и львиная доля разграбленного советского богатства. Казалось бы, в США можно обеспечить высокий уровень жизни и вообще комфортные условия существования для всех. Однако этого не произошло. Американская элита богатела, а у большинства народа США уровень благосостояния начал падать, а значительная часть впадала в нищету. Стали очевидными и отрицательные последствия перехода к постиндустриальному обществу и глобализации. Головной болью властей США стала безработица. Хотя население США выросло, количество американцев, занятых в производстве, сегодня меньше, чем в 1950 году. И сфера услуг тоже не резиновая.

Образование ЕС и введение евро создавало угрозу конкуренции американской экономике и доллару. Так возник кошмар, по сей день пугающий элиту США. Ведь если появится более устойчивая валюта, весь мир начнёт отказываться от доллара. Переизбыток долларовой массы, которая со всех сторон повалит в Америку, приведёт к его падению в разы. Для американской экономики это крах. Поэтому США должны бороться с евро до конца. **И основой геополитики США стало создание очагов напряжённости там, где расположены их «зоны стратегических интересов».** Именно для удара по Европе и по евро США и развязали войну против Югославии, втянув в эту авантюру и европейских членов НАТО. США получили возможность создания в Косове своей крупнейшей военной базы в Европе, а позиции евро были подорваны. Всему миру было продемонстрировано, кто на планете хозяин. Затем США дважды развязали войну против Ирака по надуманным поводам. Далее США повторили ошибку СССР, начав вторжение в Афганистан, и теперь они и их союзники не знают, как уйти из этой страны, не потеряв лица, не признав своего поражения.

Но амбиции США не ограничиваются господством в том или ином регионе мира. Академик РАН Сергей Глазьев пи-

шет: *«Американские руководители сооружают новую Римскую империю, в которой мнят себя патрициями, а всех остальных плебеем (союзников по коалиции) или варварами (тех, кто против)...Американское руководство даёт понять, что все, кто противодействует или мешает их интересам, подлежат физическому уничтожению. Мир должен смириться с тем, что американцы могут всё, и конкурентам американского капитала лучше поджать хвост и уступить интересующие янки рынки».*

Но нарастание социальных противоречий в США продолжается.

Авторы книги «Заблудились в эпохе» (С. 41—49), анализируя официальную американскую статистику, разделили население США (домохозяйства) на пять групп. Это — «рабы», «грязные воротнички», «синие воротнички», «белые воротнички» и «смокинги». «Рабы» выполняют самые грязные работы. «Грязные воротнички» — малоквалифицированные, а «синие воротнички» — высококвалифицированные рабочие. «Белые воротнички» — клерки, менеджеры и пр. «Смокинги» — это элита, обладающая реальной политической властью и назначающая правительство, финансируя выборы.

Если взять по 20 процентов населения с самыми низкими, низкими, средними, высокими и самыми высокими доходами, то их доли в совокупном доходе составляют соответственно 4,2; 10; 15,8; 23,1 и 46,8 процента.

Средний уровень доходов в США один из самых высоких в мире. Три богатейших американца имеют капитал, превосходящий ВВП нескольких десятков стран «третьего мира». А есть живущие в нищете.

Бедные слои населения — это семьи, получающие доходы в 2 раза ниже среднего дохода. По этим официальным критериям, в нищете находится 14, а в бедности — 27 процентов населения США, всего более 100 миллионов человек (В основном это афроамериканцы, испаноязычные и др.). Без рабства, бедности и нищеты части населения частный капитализм обходиться не может даже в начале XXI века. Прав политолог Борис Кагарлицкий: *«...буржуазное общество конца XX века куда больше похоже на «дикий капитализм», который застали и описали молодые Маркс и Энгельс, нежели на свой «цивилизованный вариант», описывавшийся ревизионистами. «Дикий» капитализм — значит естественный, такой, каким ему и должно быть. Вообще-то современный капитализм даже более «дикий», нежели во времена Маркса и Энгельса».*

Чтобы избежать краха, правящие круги США взяли курс на глобализацию, чтобы вынести эти язвы своего строя за

пределы собственной страны, как они давно уже экспортируют кризисы, инфляцию, безработицу и пр. США были, остаются и будут заинтересованы в поддержании в мире состояния перманентного «управляемого хаоса».

С чем подошли США к третьей стадии (стадии кризиса и упадка)?

Кризис в США разразился в 2007 г. Он был явно рукотворным. Так же, как в 1929 г., перед «Великой депрессией», банки щедро раздавали кредиты (в основном на покупку жилья). В том числе и явно неплатёжеспособным заёмщикам. А осенью 2008 года недвижимость рухнула в цене, что сделало бездомными миллионы американцев. Ведь банки при неспособности заёмщика уплатить очередной взнос по ипотеке отбирали у него купленный дом. Связывать эмитируемые доллары стало нечем.

В разгар кризиса США вступили с новым президентом, демократом Бараком Обамой, избранным в 2008 году. Намеченные им и частично начатые реформы столь масштабны, что могут существенно изменить облик США. При Обаме доля расходов в федеральном бюджете на социальную сферу в 2010 году составила 69%. Но об итогах его деятельности я расскажу позже.

В период с 2007 по 2010 г. благополучие американцев, даже по официальным данным, существенно снизилось. В 2010 г. разрыв между богатыми и бедными в США достиг рекордного значения. Наиболее преуспевающие 20% американцев заработали почти половину всех доходов в стране, что в 14,5 раза больше объёма средств, полученных неимущими 20%. При этом богатые быстрее богатеют, а бедные быстрее беднеют. И настолько, что подчас находятся на грани голода. Хронически в стране недоедали 38,2 миллиона человек. Малоимущие семьи регулярно вынуждены экономить на еде ради того, чтобы вовремя заплатить за жильё и покрыть другие срочные расходы. 48% всех американцев (и 57% всех детей) считаются либо «малообеспеченными», либо живут в бедности. Да, бедность — социальная проблема, присущая всем странам мира. Но ведь бедность в разных странах понимается по-разному.

Всемирный банк определяет общемировой уровень бедности при доходах менее 1,25 доллара в день. Но в США, Германии, Франции, Великобритании он во много раз выше. В США стандарт бедности ныне составляет чуть больше 1 тысячи долларов в месяц. Граждане, чей доход ниже уровня беднос-

ти, получают различные виды помощи от государства, в частности, продуктовые талоны (таких уже более 40 миллионов человек). Но решить проблему голода в США может не социальная помощь, а обеспечение граждан стабильной работой с высокой зарплатой, что властям не по силам.

Конечно, даже бедные американцы по своим жизненным стандартам превосходят не только нижний класс, но и представителей среднего класса других (например, слаборазвитых и развивающихся) стран. Но процент бедных в США в 2—3 раза выше, чем в других развитых странах. И положение их в США хуже, чем в Европе.

Менее страдают от бедности выходцы из беднейших стран Африки, Азии, Латинской Америки. Они, попав в благополучную страну, довольствуются минимумом, который в десятки (а то и сотни) раз превышает уровень доходов на их исторической родине. Большинство таких эмигрантов не имеют современных специальностей, а их опыт земледелия, скотоводства или ремесленничества не нужен современным эконоимикам. Поэтому многие из них живут на пособия всю жизнь и не работают.

Ныне труд в США часто не спасает от бедности, что в особенности касается молодых. Социальные классы в прежнем их понимании ныне не существуют, а социальное неравенство, бедность и безработица носят бесклассовый характер, они поражают не класс, а индивида, он переживает их как «личную судьбу». Вот и распадается такая социальная форма, как семья. Одинокий мужчина и одинокая женщина — главные фигуры современного общества, а рынок труда абстрагируется от потребностей семьи, брака, материнства, отцовства и т.д. Воцаряются стандартизация и унификация форм существования: все живут в стандартизированных квартирах и пользуются одинаковыми вещами, все придерживаются общепринятых мнений, все смотрят по телевидению одни и те же программы. Так образуется некий гибридный вид индивидуализированной и в то же время массовой публики, «стандартизированное коллективное бытие разобщённых массовых отшельников».

Такое положение вытекает из органически присущего американцам индивидуализма. Журналист Андрей Шитов назвал американцев «Нацией одиночек». Индивидуализм у них в крови. Он наложил отпечаток и на их национальный характер. Россиянам старшего поколения с детства внушали, что общественное выше личного. Американцы предпочитают думать, что каждый человек — кузнец своего, а не чужого счастья. Стремление к нему считается в США неотъемлемым

правом личности. (Более подробно об американском индивидуализме, его плюсах и минусах, можно прочитать в книгах и статьях Д.Шляпентоха).

Ещё одно проявление поляризации социальных слоев — это «анклавизация», когда представители высших слоев строят закрытые анклавы-кварталы и пригороды, чтобы исключить контакты с другими слоями. Более 30 миллионов американцев, или 12%, живут в 150 тысячах закрытых жилищных сообществ, в которых имеется всё необходимое: магазины, школы, бассейны и т.д. Также в анклавы превращаются кварталы социального жилья, где концентрируются бедность, насилие, безработица, плохое школьное образование и т.д.. Разве не свидетельство голода — очередь в 10 000 человек из обездоленных в Лос-Анджелесе на благотворительный обед?

Но в реальной жизни американцы предпочитают все же не оставаться с заботами и невзгодами один на один, а самоорганизуются в низовые сообщества. Куда ни глянь — от борьбы с какой-нибудь редкой болезнью до лоббирования частного вопроса — здесь найдётся объединение, в котором личный интерес каждого работает на общий результат.

Покойному С.Хантингтону принадлежит афоризм: «The West and the Rest» («Запад и все остальные»). Сегодня правильнее говорить: «USA and the Rest». Ради своего благополучия США готовы угробить весь остальной мир. Но вряд ли нынешний Rest согласится с их безраздельным хозяйничаньем.

А что касается американской экономики рубежа XX—XXI веков, то это — экономика большого бизнеса, хотя большинство населения занято в малом и среднем бизнесе.

Кто на самом деле правит Америкой?

Считается, что правят страной президент, правительство и конгресс, и во всех своих бедах американцы винят именно их. Правильнее говорить, что Америкой правят 400 богатейших семей, в первую очередь, владельцы транснациональных корпораций (ТНК). Нередко можно услышать: «Корпорации обескровили Америку. Крупные американские компании чувствуют себя гораздо лучше, чем экономика их родного государства. Стратегия корпораций угрожает будущему США». И в самом деле: какую крупную американскую корпорацию ни возьми, почти все сделали ставку на глобальную экспансию. Не бедствуют и народные избранники: процент миллионеров среди конгрессменов в 50 раз выше среднего по стране.

Видные экономисты, сожалеют, что нынешнее поколение корпоративных боссов вдолбило себе в голову, будто Америке достаточно развивать мозги, то есть сосредоточиться на разработке технологий и дизайне, и можно не заботиться о мускулах, то есть о производстве. А ведь деиндустриализация — это потеря инженерных школ и династий, которые и плодят новаторов. Ну а занятые в сфере примитивных услуг (вроде разноса пиццы) вообще не участвует в глобальном технологическом соревновании.

Американский социолог, доктор философии Йельского университета Майкл Паренти (его работы есть в Интернете) пришел к выводу: Америкой правит плутократия (богатые). Конечно, не все богатые. Плутократия состоит из активных членов класса собственников. С самого начала становления США и по сей день все ведущие руководящие должности в стране, включая должности президента, вице-президента, членов правительства и главы Верховного суда, занимали преимущественно выходцы из богатых семей. Большинство остальных должностей занимали выходцы из верхнего слоя среднего класса (сравнительно успешные бизнесмены, владельцы крупных коммерческих фирм и т.п.). Иными словами, связка власти и денег всегда была определяющей (позже к ним добавились культурно-информационные ресурсы).

Большинство представителей законодательных и исполнительных органов власти в США приходят из советов директоров крупных корпораций, известных юридических фирм, банков Уолл-стрит, в меньшей степени — из военных, университетских элит, аналитических центров, различных фондов и научных кругов. Более трети из них впоследствии уходит в элитные университеты.

Между правящими и деловыми элитами существуют тесные финансовые и социальные связи. Многие из этих людей учились в одних и тех же учебных заведениях, работали в одних и тех же компаниях, связаны между собой перекрестными браками и проводят вместе отпуска.

Однако решающим фактором является не принадлежность к классу собственников, а классовые интересы, которым они служат. Богатого человека, взгляды которого не вписываются в идеологию его класса, скорее всего, не пригласят на властную должность или в закрытый клуб, в котором принимаются стратегические решения. Напротив, люди, особенно не выделяющиеся своими данными, такие, как президенты Джонсон, Рейган, Никсон, Клинтон, да и Обама, поднимаются наверх, демонстрируя преданность интересам сверхбогатых.

В подборе кандидатур на ключевые руководящие посты в президентских администрациях США важную, а порой определяющую, но неофициальную роль играют закрытые политические группы, образующие сетевую структуру. Эти группы — структуры мирового управления (СМУ), их деятельность выходит далеко за пределы США и непосредственно влияет на положение дел в мире. «Глобальный паук» перерос границы США и при этом продолжает паразитировать на теле американского народа...

Многие решения СМУ (о бомбардировке Югославии и Ливии, о войнах в Афганистане и Ираке, о том, быть ли экономическим кризисам и т.д.) зачастую воспринимаются как политика США, в то время как это следствия деятельности наднациональных группировок. Некоторые из них сегодня широко известны и не скрывают своей роли в мировой политике — их члены выступают с лекциями, а доклады печатаются большими тиражами. Однако о существовании многих структур большинство населения, видимо, даже не подозревает.

С. Хантингтон писал: «...в то время как представители государств заняты бесконечными спорами на конференциях и советах ООН... агенты транснациональных организаций на всех континентах заняты плетением паутины, крепко связывающей мир». Плетётся она не в интересах государств, а в интересах того самого «глобального паука». Важными организациями плутократии США являются комитеты, состоящие из представителей крупнейших компаний. Лояльность ведущих американских политиков хорошо оплачивается не только во время их нахождения в должности, но и после ухода в отставку.

Власть мировых СМИ, значительная часть которых квартирует в США, огромна. Основные СМИ являются компонентами корпоративной Америки. Средний американец, зомбируемый телевидением, с трудом отличает выдуманные ситуации от реальных, если отличает вообще.

Структурой, управляющей Соединёнными Штатами Америки, является треугольник «деньги — информация — власть». И каждое из этих звеньев связано с крупнейшими транснациональными корпорациями (ТНК) и структурами мирового управления.

Для обеспечения своего благосостояния империя превратила мир в набор специализированных провинций. Европа — культурно-туристическая провинция, поставщик специалистов и политической поддержки, Россия и Ближний восток — сырьевые провинции, Китай и Индия — по-

ставщики дешёвых товаров, Латинская Америка — зона отдыха и приключений. И глобальные игроки — это, за исключением (возможно, пока за исключением) Китая — не государства, а устойчивые кластеры, сетевые структуры, организации орденского (а также нео- и квазиорденского) типа. Поэтому, когда заходит речь о «США», имеется в виду не столько государство США, сколько США как кластер ТНК и финансово-информационных структур, прежде всего, ФРС. Похоже, национальное государство США не дожило двух лет до 200-летнего юбилея: в результате ползучего переворота 1963—1974 гг., начавшегося убийством Кеннеди (который замахнулся на ФРС) и окончившегося импичментом Никсона. США превратились прежде всего в кластер ТНК, финансовых олигархий и их наднациональных структур (например, Трёхсторонней комиссии). США — империя времён глобального упадка, ярче всего выраженного в качественном и количественном вырождении белой расы. В такие времена самым сильным оказывается не тот, кто лучше развивается, а тот, кто медленнее деградирует.

Расширять своё влияние США не нужно — поскольку всё, даже «зоны тьмы», находятся под их влиянием. Да расширять его и некуда — планета закончилась. США всё устраивает в мире, поэтому задачей становится не расширение, а контроль, заключающийся в том, чтобы провинции исправно работали, поставляя сырьё и товары, а «зоны тьмы» создавали видимость мировой борьбы и угрозы США как «зоне света».

Собственно США интересов не имеют; интересы имеют владельцы государства-империи. США — это акционерное общество, получающее дивиденды от собственного имперского положения в мире. В числе мелких пайщиков — большинство американского народа. Крупными пайщиками являются владельцы корпораций. Они обеспечивают избрание своих представителей в руководящие органы США, а те, в свою очередь, проводят политику в интересах корпораций. А в интересах военно-промышленных корпораций поддерживается миф о сильных в военном отношении государствах, угрожающих Штатам.

Сегодня президент США — это «высший торговый агент американского строя», утверждает М.Паренти. Вне зависимости от того, демократ он или республиканец, либерал или консерватор, президент всегда склонен отождествлять олигархические интересы с интересами всей нации. Главным обязательством президентов США за рубежом является не верность демократии — это для простаков, а защита интере-

сов капитала и идей свободного рынка. «Интересы США» — это защита зарубежных инвестиций американских корпораций любой ценой.

Однако не только экономическая мощь крупных и влиятельных семей обеспечивает им возможность править Америкой. В их руках — мощный инструмент формирования общественного сознания и стереотипов поведения: средства массовой информации, кино и индустрия развлечений. Иной раз прямо говорится: мы до конца не знаем и, может быть, никогда не узнаем имена настоящих правителей.

Ещё более высокий уровень обобщения — это констатация того факта, что важнейшую роль в США играет закрытая структура — Совет по международным отношениям (СМО). Некоторые члены СМО одновременно входят в Билдербергский и Римский клубы, Трёхстороннюю комиссию (ТК) — структуры теневого мирового правительства..

Видную роль подчас играют и отдельные «органы» этого «глобального паука». Например, миллиардер Джордж Сорос, который считает, что главным препятствием на пути «стабильного и справедливого» (диктаторского) «нового мирового порядка» являются США. Сорос направляет деятельность экстремистского крыла Демократической партии, которую он финансирует. Он уже контролирует кадровые выдвижения этой партии, включая кандидатов на должность президента. О нём пишут так: *«Сорос использует свое спонсорство, чтобы изменять, или точнее, разрушать нравственные ценности Западного мира и, прежде всего, американского народа... Он финансировал кампании за права на аборт, распространение атеизма, легализацию наркотиков, сексуальное «просвещение» школьников, эвтаназию, феминизм, контроль над огнестрельным оружием, глобализацию, массовую иммиграцию, однополые браки и другие меры радикальной социальной инженерии... Одна из программ такого рода пропагандирует стерилизацию женщин. Такие «благодетели» действительно верят, что спасают планету, сокращая численность её населения. Вот почему «планирование семьи» всегда было сердцевинной так называемой «зелёной программы».*

Через свою сеть институтов и фондов (Институт «Открытое общество») Сорос уже 25 лет проводит вербовку и обучение сотрудников в 50 странах мира, выдвигая этих сотрудников на позиции влияния и власти в СМИ, в правительства, в финансовые и научные сферы. (Фонд Сороса финансирует и издание в России русофобских учебников по истории и пр.) Считается, что Обама — это ставленник Сороса.

Профессор Михаил Делягин считает правящие элиты различных государств мира частями глобального управляюще-

го класса. Они должны служить не своим странам и народам, а этому классу. Он объясняет неизбежность лидирующего положения США в мире их неоспоримым технологическим преимуществом перед всеми остальными странами. Он также признаёт, что со временем *«для США главной стратегической задачей станет защита национальной экономики от возвращающихся «домой» долларов»*. Но в новых условиях, *«когда роль в мировой экономике будет определяться в первую очередь владением метатехнологиями, а финансовый фактор постепенно утратит свою значимость, США смогут с лёгкостью пожертвовать статусом страны, выпускающей мировую резервную валюту, так как они к тому времени станут обладать значительно более серьёзным весом страны, выпускающей мировые «резервные технологии»*.

Некоторые экономисты считают подлинным правительством США ФРС, этот аналог Центрального банка. Именно ФРС определяет кредитно-финансовую политику государства. Это — главный инструмент корпоративной диктатуры. Но ведь ФРС с самого своего основания была и остаётся структурой, зависящей от клана всемирных банкиров Ротшильдов. А сами Ротшильды — это бухгалтеры английской королевской династии Виндзоров. Виндзоры же — это сердцевина сети мировой правящей элиты монархов, не только ныне существующих, но и свергнутых, однако не утративших своего влияния в этой сети. Через масонские структуры по всему миру идёт насаждение потомков аристократических родов в правления ТНК. По исследованиям профессора Игоря Панарина, власть этих родов сложилась много веков назад: сначала в Карфагене, затем перешла в Хазарию, в Средние века укоренилась в Венеции, оттуда, в период упадка средиземноморских городов-республик, перетекла в Голландию. Хотя в ходе англо-голландских войн Голландия потерпела поражение, однако голландский капитал сумел подчинить себе капитал английский, и правитель Голландии занял британский престол. Но так далеко эту цепочку редко кто пытается распутать. Поэтому ныне намного реже можно встретить понимание того, что **фактически у власти в США находятся ставленники правящей мировой элиты, которая на данном этапе начинает войну на уничтожение против самой Америки**. Цель кризиса, начавшегося в США, — развязать руки мировой корпоративной элите для реализации стратегических планов мирового господства.

Некоторые интересные подробности закулисных сторон функционирования мировой финансовой системы рассмотрены в только что вышедшей в издательстве «Алгоритм» книге

профессора МГИМО, доктора экономических наук Валентина Катасонова «Мировая кабала». Ведь если говорить о закулисной стороне мировой истории, о тех скрытых силах, которые управляют ею, нельзя обойти вопрос о связях оккультных лож и оккультизма с финансовой олигархией и политикой.

И кто же устроил кризис?

На проходивших в Вашингтоне сенатских слушаниях представители американской банковской верхушки огласили важную информацию, касающуюся последнего экономического кризиса. Выяснилось, что международная финансовая элита проводила целенаправленную политику с целью привести мир к глобальному финансовому коллапсу, который, по ее мнению, должен был в итоге нанести удар по индустриальному сектору и сохранить за финансовыми кругами главенствующую роль в экономической иерархии. Среди документов, которые были представлены в ходе слушаний, были бумаги крупнейшего коммерческого банка «Голден Сакс». Уже в 2007 г. высшие руководители банка намеревались заработать на будущем финансовом кризисе. Они были заинтересованы в выдаче новых, дорогостоящих кредитов и в увеличении долга со стороны промышленных компаний. Нынешний кризис является этапом в процессе установления тотального контроля международной финансовой элиты над глобальной экономикой. Этот процесс наносит смертельный удар по целому ряду секторов промышленности в разных регионах мира. А для преодоления кризиса предложены следующие финансовые инструменты: сейчас корпоративные долги будут переводиться в государственные. Затем пойдёт обратный процесс, когда государственный долг будет переводиться в корпоративные долги. Не последнюю роль здесь будут играть инфляция и оживление производства в Америке.

Далее — опять эти долги будут скуплены у частных компаний, и так их будут гонять туда-сюда, пока они в итоге не испарятся до необходимого уровня. Будущее мировой экономики — в чередовании приватизаций и национализаций, от капитализма к социализму и наоборот. А денег для решения этой проблемы у частных компаний и государства достаточно. Годовой оборот валютного рынка к началу активной фазы кризиса осенью 2008 г. превысил 800 триллионов долларов, рынок производных финансовых инструментов (деривативов) — 860 триллионов, в то время как объём совокупного мирового ВВП составлял всего лишь 65 трил-

лионов. Общий внешний долг вырос до 54 триллионов долларов, а общий внешний государственный долг составил 33,5 триллиона. Можно представить, сколько их скопилось после последних вливаний. И это главное, так как почти все проблемы решаются с помощью ликвидности, и только её отсутствие в нашем мире является проблемой. Вот почему так важен финансовый сектор экономики. Ничего съедобного он не создаёт, но он дает возможности для таких игр, которые спасут банки от краха за счёт снижения уровня жизни большинства населения планеты. К этой теме мне ещё придётся вернуться в последующих главах.

А вот интересная информация к размышлению. В газете был задан вопрос: что произошло с 2,6 триллионами долларов фонда социального обеспечения (в том числе с пенсионными накоплениями)? Серьёзного обсуждения тема не получила, но всё же был сделан вывод: истинная причина финансового кризиса в США — коррупция.

Начало третьей стадии — стадии упадка США

То, что начался упадок США, не решаются отрицать даже их руководители, хотя они и пытаются представить его как временное явление. Так, журнал «Форин афферс» писал в статье под названием «Будущее американской власти»: «Стало модно предсказывать спад влияния Соединенных Штатов Америки. Но США переживают не абсолютный, а относительный упадок, и, вероятнее всего, они ещё несколько десятилетий останутся государством, которое по своей мощи превосходит любое другое». Журналист Джозеф Най подходит к той же теме с другой стороны: США — это магнит, притягивающий к себе и людей и капиталы со всего света. Но не все разделяют такие взгляды.

Очень показательна статья «Находится ли Америка в упадке» (с подзаголовком: «Готовы ли вы к наступающему экономическому коллапсу и к следующей Великой Депрессии?») В ней рассматривается состояние экономики США на основе динамики 24 статистических показателей (средний доход на душу населения, доля молодёжи с высшим и средним образованием, уровень занятости и т.п.). Вот несколько тезисов из этого интересного документа: *«На протяжении десятилетий большинство американцев было уверено в том, что США — «страна номер один». Но... США сдают позиции в сфере внешней торговли. Каждый месяц десятки миллиардов долларов (вместе с предприятиями и рабочими местами) покидают страну в поисках лучшей области применения. Наша инф-*

раструктура разваливается, наши дети становятся менее образованными, и наши доходы падают. До недавнего времени американская экономика настолько доминировала в мире, что не было даже смысла говорить о том, кто находится на втором месте.

Но к 2010 году всё изменилось. Наши предки оставили нам самую большую в истории экономику, и мы позволили ей упасть на наших глазах. Кризис национальной экономики становится всё глубже с каждым месяцем, а большинство наших лидеров неудовлетворительно исполняли свои обязанности и оказались застигнутыми врасплох». Далее приводится динамика падения означенных 24 показателей, и эти данные неопровержимо доказывают, что эра лидерства США и процветания американцев закончилась.

Можно поставить рядом с ней статью Ричарда Кука «Официально признано, что крах экономики США начался». Она основана на анализе материалов, помещённых в газете «Вашингтон пост», которая считается рупором финансовой элиты США. Статья Кука интересна в двух отношениях. Во-первых, даже обозреватели главной газеты финансовой элиты не стесняются возложить вину за многие кризисные явления в экономике США на тех, у кого большие деньги. А их интересуется только прибыль, независимо от того, будут ли пути её достижения полезны для Америки или во вред ей («будь то члены Бильдербергского клуба или кто-либо ещё»). Во-вторых, тем, что в ней не только перечисляются признаки экономической катастрофы в США, но и описываются четыре возможных сценария выхода из депрессии. (О них я скажу позже.)

Большинство исследователей полагает, что корень всех бед США — в быстро нарастающем, государственном долге страны. Сейчас весь долг США (государственный, корпоративный и частный) составляет 52 триллиона, а ВВП — 14 триллионов долларов. Если в 2000 г. отношение госдолга к ВВП США было равно 55%, то в 2010 г. оно выросло до 100%. А в Греции, «упавшей» в долговой кризис в 2010 г., данный индикатор составлял всего 77%. Ныне для финансирования торгового дефицита США необходим приток капитала извне в размере более чем 1,5 миллиарда долларов в день.

Вряд ли США не смогут решить проблему государственного долга. Ведь большинство стран-кредиторов США сами являются должниками. Но... мир должен всё больше и больше покупать американские облигации. А раз другие страны уже физически не могут выкупить весь необходимый объём американских облигаций, то это делает ФРС. Когда ФРС

станет владельцем 95% долга США, доллару может прийти конец как мировой валюте. Другой эксперт, напротив, доказывает, что так называемый послевоенный долг Америки — это миф. Реальные долги Америки — три триллиона долларов, остальные средства просто перекинуты в другие сектора экономики под более высокий процент.

Но рост долга США остаётся проблемой. И всё чаще звучат предсказания о грядущем падении доллара. Правда, они звучат с начала 1970-х годов, когда был прекращён обмен долларов на золото. Не раз казалось, что вот уж теперь-то доллар рухнет. Но прошло 40 лет, а доллар остаётся мировой резервной валютой. Каковы его перспективы сегодня?

Есть разные их оценки — оптимистические и пессимистические. Ученые из Института США и Канады, а также ИМЭМО РАН заверяют, что не будет в США коллапса. А другие аналитики считают, что этот оптимизм носит несколько шизофренический характер. Ведь спрос падает, торговля сжимается: словом, кризис продолжается. И нынешний кризис не является краткосрочным феноменом, как уверяют нас Барак Обама и др. И это действительно так. Говорят: «США как государство окончательно превратились в финансовую пирамиду. Сегодня это — государство-Энрон или, если хотите, государство-МММ».

В последние годы госдолг США и расходы по его содержанию стали расти огромными темпами. Иначе и быть не может. Ведь только военные расходы США составляют около 700 миллиардов долларов в год.

Ошеломляют исследования доктора Котликоффа. Он рассчитал налоговую недостачу в размере 202 триллионов долларов, что в 15 раз больше официального долга. Справиться с таким долгом даже при удвоении налогов невозможно. Оно приведёт к катастрофическому понижению уровня жизни американцев. Пенсионерам придется есть собачьи консервы, когда окажется, что их пенсии украдены, а социальные программы — финансовые пирамиды — рухнут.

Большинство экспертов сходится на том, что экономического решения проблемы роста государственного долга США не существует. А о том, какими могут быть неэкономические её решения, пойдёт речь дальше. Но есть и более зримые признаки упадка США. Вот некоторые из них.

Американские города превращаются в призраки.

Как-то прислали мне фото видов Детройта — города, ставшего вследствие деиндустриализации призраком. Там более чем 33 000 заброшенных зданий, 44 школы были закрыты навсегда, мэр хочет снести бульдозером четверть города, а в

самых худших районах города можно купить дом буквально за один доллар. В течение многих лет люди смеялись над ужасающим экономическим упадком Детройта. Но то же самое теперь происходит с десятками других городов США, превратившихся в зоны запустения. В них «реальный» уровень безработицы составляет более 30%.

Разорение штатов и муниципалитетов.

Если правительство США может выйти из трудностей, напечатав ещё несколько триллионов долларов, то отдельные штаты, города и муниципалитеты, попав в критическое финансовое положение, не могут позволить себе такого лёгкого решения. На грани банкротства штаты Висконсин, Огайо, Индиана, Миннесота и даже Калифорния. Там распродают здания (электростанции, тюрьмы, полицейские и пожарные конторы), чтобы оплатить счета. Сокращают штаты полицейских управлений, отделов пожарной охраны и других социальных служб. Госпитали для бедных настолько переполнены, что вынуждены закрываться.

Возникновение легального бизнеса на криминале.

Демократия доказала: рабский труд эффективен. Сегодня в США более 2,3 миллиона заключённых (754 заключённых на 100 тысяч человек) — это первое место в мире. А с учётом тех, кто осуждён условно или досрочно освобождён, получается, что охвачены системой наказаний 3,2% населения страны. С 1970 по 2005 г. количество заключённых в США выросло на 700%. Это — из-за применения длительных сроков заключения даже за нетяжкие преступления.

Власти США пытаются решать проблему растущих расходов на содержание заключённых за счет приватизации тюрем. А собственники стремятся получить прибыль за счет использования дешевого труда осужденных. Оплата труда заключённого составляет 17—25 центов в час.

Появилась и торговля заключёнными на длительные сроки. Есть случаи осуждения судей за взятки, получаемые от владельцев частных тюрем для малолетних преступников. Эти судьи выносили осуждённым максимально строгие приговоры, чтобы гарантировать наполнение тюрем.

Обострение межрелигиозных и межэтнических противоречий.

В США верующими себя называют почти 88 процентов американцев, что значительно превышает количество религиозных людей в других развитых странах. При этом здесь функционирует больше, чем где бы то ни было, различных религиозных организаций и сект. И часто это создаёт проблемы.

Значительной оппозиционной силой уже давно стали афроамериканцы. Но ещё большие проблемы создала волна новых мусульман-иммигрантов (не негров, а арабов) из стран Ближнего Востока. Сейчас США решили сделать ислам своим союзником в борьбе за «демократизацию» Большого Ближнего Востока, хотя чем это обернётся впоследствии для Америки, предугадать нетрудно. В статье кандидата политических наук Руслана Курбанова «Только ислам спасет Америку!» показано: пока США «наводят порядок» в мусульманском мире, мусульмане осваивают Соединенные Штаты. Они считают, что американское общество поражено развратом, бездуховностью, наркоманией, преступностью и беспорядочными половыми связями в среде малолетних...

В США ощущается предчувствие социального взрыва и чуть ли не гражданской войны. И главная причина тому — политкорректность. Из-за неё нельзя открыто обсуждать проявления чёрного расизма, когда существует расовая дискриминация белого человека.

Но в самом тяжёлом положении в современных США, основанных когда-то христианами, находится именно христианская религия (это в основном разные протестантские секты). А немногочисленные общины православных христиан в современной Америке живут, подобно христианам языческого Рима, в условиях гонений и преследований. Они не могут протестовать против всеобщего разврата и сатанизма, которые захлестнули США. Порой христиан сажают в тюрьму за то, что они на улицах тихо раздают христианскую литературу. Об этом можно прочитать в трудах российского специалиста по сектам Александра Дворкина, который долго жил в Америке. В этой стране вседозволенности греха и разврата, гомосексуализма и оголтелого феминизма у несогласных с этим есть... свобода молчать.

Раскол нации на «новых» и «древних» американцев.

Ныне к традиционному делению американцев на богатых и бедных, на белых и «цветных» добавилось ещё одно, гораздо более трудно преодолимое: деление на людей, вступивших в XXI век, и бедолаг, оставшихся в XX веке (или в ещё более древних временах). «Продвинутая» часть населения (специалисты по информатике и иным новейшим технологиям) погружена в особую, «виртуальную» культуру. «Непродвинутая» часть ни в какую «виртуальную» реальность» не уходит, а живёт своими интересами. К ней относятся маргинализованные в результате рывка в постиндустриальный мир слои общества, которым «удалось» получать социальные пособия и которые обеспечивают прожиточный минимум, а дополни-

тельный приработок в виде криминала и торговли наркотиками позволяет и несколько «роскошествовать». Ныне эта часть общества постепенно заполняет американские города, тогда как основная масса «продвинутых» выехала в пригороды.

Это не просто очередной раскол. По прогнозам, в информационном обществе будет действовать «закон Парето»: 80 процентов работы будут выполнять 20 процентов населения. А из остальных 80 процентов большинство окажется вообще «лишними людьми». Так что речь идёт о делении общества на две расы — уже не по цвету кожи, а по уровню образования и квалификации. Такой «культурный раскол» заставляет вспомнить мрачные предсказания фантастов, например, Герберта Уэллса в книге «Машина времени», о делении общества на элоев и морлоков.

Возможны ли в США бунты против обнищания?

Спад в экономике США вызвал рост социальной напряжённости в стране. В ряде американских городов состоялись акции протеста против усиления социального расслоения. В газетах появляются заголовки типа: «В США разгорается классовая война».

Ещё в 2008 г. Джеральд Селенте предсказал, что к 2012 году США может ожидать революция, вызванная продовольственными бунтами. А Линдон Ларуш уверен: «Мы входим в период бунтов».

Все помнят, как в Нью-Йорке толпа решила оккупировать Уолл-стрит до тех пор, пока что-то не будет предпринято против жадности корпораций и их недемократического влияния на американское правительство. Протестующие заявили: «Мы — 99%, которые больше не могут терпеть жадность и коррупцию 1%».

Журнал «Экономический коллапс» предупреждает: *«Пока экономика продолжает обваливаться, подобные вещи будут происходить... Мы вырастили целое поколение молодых с «менталитетом получателей пособий»... Многие из них уже прибегают к насилию. Однако экономические неурядицы и гражданские беспорядки, которые мы уже видели — ничто по сравнению с тем, что нам предстоит. Американцы в гневе, и по мере обрушения экономики этот гнев должен достичь небывалого накала...»*

Большинство американцев до последнего времени были сыты, а экономика ещё была не так плоха. А ныне миллионы глубоко разочарованных молодых людей считают, что Аме-

рика стремительно подходит к своему пределу прочности. Когда экономике придёт полный конец, многие американцы будут искать выход в грабежах и беспорядках. Такое уже было во время локальных чрезвычайных ситуаций, таких, как ураган «Катрина».

Тонкий внешний налёт цивилизации, который принимают за должное, начинает улечиваться. Гнев и ненависть растут день ото дня. США становятся весьма пугающим местом. А политическим деятелям уж точно нечего сказать. Коррупция в Вашингтоне цветёт буйным цветом. Большинство политиков не зрят ничего, кроме следующих выборов. Поэтому не стоит ждать «чуда» от тех, кто вроде бы должен был вести нацию. Каждому нужно самому позаботиться о себе, семье и близких. Близится масштабный экономический коллапс, и подавляющая масса американцев будет застигнута им врасплох.

Но, думается, переоценивать значение этих выступлений против политики правящих кругов США не следует. Выше уже отмечалось, что американцы — нация одиночек. И многие полагают, что Америка защищена как от массовых протестов, так и от массовой мобилизации на почве какой-либо идеологии. Но это — пока.

Впрочем, есть аналитики, которые считают вероятной гражданскую войну в США. И власть считается с такой возможностью. Так, Пентагон в 2011 г. объявил, что для подавления гражданских беспорядков в случае экономических трудностей может быть использовано до 200 тысяч солдат. Как будет показано ниже, это не единственная мера подготовки к такому обороту событий.

Возможен ли распад США? Такую возможность в перспективе не исключают и многие аналитики (например, французский учёный Эмманюэль Тодд), и даже известные американские футурологи. Но больше всех удивил мир профессор Игорь Панарин, который не просто предсказал распад США, но и представил карту, на какие государства распадётся эта империя. Он также указал, какие из этих частей отойдут к Китаю, какие к России и т.д. Правда, дату распада США ему уже приходилось отодвигать на более позднее время, но от своей идеи профессор не отказывается.

США перед опасностью терроризма.

Глава Пентагона Леон Панетта предупреждает: террористическая угроза сохраняется со стороны «Аль-Каиды». США также должны быть готовы к отражению направленных про-

тив страны кибернетических атак, которые по своей потенциальной угрозе могут быть сравнимы с нападением на Пёрл-Харбор. Используя высокие технологии, можно отключить энергосистемы США, обвалить финансовую и правительственную системы, фактически парализовать страну. Но социально-экономические причины терроризма и проблемы социальной справедливости в США почти не анализируются.

В одном из докладов Национальной комиссии США по терроризму ещё в 1999 г. говорилось, что террористические организации «основаны на идеологической близости и общей ненависти к Соединенным Штатам». Но причина этой ненависти не только не устраняется, но и замалчивается. Её поиск считается непатриотичным. Поэтому главной причиной называют американские свободы, американское богатство, американский образ жизни, которые вызывают зависть и ненависть. Само же американское общество, благодаря СМИ, остаётся закрытым от информации и мнений о себе других стран и народов. В связи с этим рядовые американцы мало знают о растущей ненависти к Америке во всём мире.

Ведь глобализация — это результат насильственного навязывания народам мира могущественными правительствами, особенно правительством США, торговых сделок, призванных облегчить корпорациям и богачам господство над национальными экономиками при отсутствии обязательств перед представителями этих наций. А США стали внедрять неолиберализм только после того, когда собственные компании с помощью государственной поддержки достигли высокой конкурентоспособности и были готовы задавить любого, тогда как другим странам они этого не позволяют.

Трезвые голоса

В американских СМИ господствуют точки зрения двух правящих партий — республиканцев и демократов. А ведь на президентских выборах обычно выступают и независимые кандидаты. Но услышать их не просто. Однако дотошные журналисты докапываются и до них. Так, журналист Андрей Яшлавский взял интервью у Розанны Барр, кандидата от Партии мира и свободы. Она больше известна как комедийная актриса. А выставила свою кандидатуру, потому что много существенных проблем не берутся во внимание двумя главными кандидатами, и фальшивые проблемы служат отвлекающим манёвром, например, предполагаемая «угроза» со стороны Ирана. Барр хочет напомнить людям, что их правительство в руках монополии двух конкурирующих

коррупцированных партий. Это недемократический и нечестный способ руководства великой страной.

Больше всего Барр не нравится в политике нынешней американской администрации то, что Соединенными Штатами владеет микроскопическая часть ее жителей. Примерно 400 богатейших персон имеет столько же богатства, сколько 150 миллионов беднейших людей — половина страны. А Америка должна иметь больше экономической демократии. Слово «социализм», говорит она, было настолько опорочено и ассоциировалось с тоталитарными правительствами, что большинство американцев воротит от его упоминания. Много американцев слышат термин «христианская нация» на протяжении всей жизни, и при этом их учат чуть ли не молиться на деньги и потребительство, которые плохо сочетаются с религиозными принципами сопереживания, помощи бедным и убогим и отношения ко всему человечеству как к семье. Трудно сказать, где кончается Америка и где начинается империя мультинациональных корпораций, которая использует в качестве своих мускулов американскую военную машину. Барр выступает за более широкую социализацию США и за больший учет требований экологии, а также за сотрудничество с Россией («Московский Комсомолец», 29.10. 2012).

Другое интервью А.Яшлавский взял у Мерлина Миллера, режиссера и продюсера, известного своими весьма радикальными взглядами по национальному вопросу, критикой Голливуда и нашумевшей встречей с иранским президентом Ахмадинежадом. Он — кандидат от партии «Третья позиция» (в противовес позициям Демократической и Республиканской партий). Миллеру не нравятся ни демократ Обама, ни республиканец Ромни. Почему?

«Обама проводит разрушительную, затратную социалистическую программу в Америке (не положив при этом конца войнам), а Ромни собирался вовлечь нас в новые войны за Израиль (не останавливаясь перед огромными внутренними расходами). Обе эти политики обанкротят Америку, и ни одна из этих партий не отменяет действия предыдущей администрации. Они обе поддерживают деструктивную программу, которая служит интересам глобалистов и Нового мирового порядка (банкам и мультинациональным корпорациям), а не американскому суверенитету и нашей конституции.

Миллеру не нравится иммиграция в Штаты. Он полагает, что Америка была основана и построена людьми европейского происхождения. До середины 60-х годов прошлого века таких было 90%. Сейчас нас 65%, а, по прогнозам, через 30 лет они окажутся в меньшинстве. Это не ответственная им-

миграционная политика — это вторжение. И если его не остановить, оно разрушит национальную идентичность и характер Америки. Я не выступаю против иммиграции, просто политика должна быть рациональной и отвечать истинным интересам рождённых в Америке граждан. Ни одна из правящих партий сегодня не защищает интересы белого большинства Америки. Наоборот, правительственная политика дискриминирует белых американцев, продвигая интересы меньшинств и пренебрегая интересами большинства. К тому же контролируемые сионистами основные СМИ регулярно подвергают нападкам традиционные ценности и интересы белого большинства в пользу альтернативных поведенческих образов жизни и меньшинств (как образцов доблести и мудрости), что не отвечает реальности. Идеальная Америка — это та Америка, которая соблюдает наши традиции и остаётся верной нашей Конституции и Биллю о правах. Страна, которая ограничивает власть правительства и уважает суверенитет личностей и штатов — результатом чего являются максимальная свобода и производительность.

Во внешней политике Миллер стоит за антиинтервенционизм. Американцы должны быть «заняты своим собственным бизнесом» и не пытаться вмешиваться в дела других стран. Америка — республика, а не империя, чтобы надзирать за всем миром и навязывать ему свою волю. Вместо этого американцы должны заботиться об Америке и убеждать других своим примером, а не своей силой...

Довольно мрачную картину современного состояния США нарисовал доктор Пол Крэйг Робертс, бывший помощник министра финансов, редактор газеты «Уолл стрит джорнэл», профессор политэкономии в Центре стратегических и международных исследований Джорджтауновского университета. Он убеждён в том, что секрет американского успеха — в пропаганде. *«США — это несостоявшееся государство. США обязаны своим образом успеха огромным пространствам и природным ископаемым, которые США «освободили» насильственным образом от их коренных обитателей, европейскому, и, в особенности, британскому саморазрушению в ходе Первой и Второй мировых войн и экономическому уничтожению России и большинства стран Азии от коммунизма или социализма.*

Сегодня милитаристские неоконсерваторы говорят о США, как о «незаменимом государстве». Американцы превыше всех, кроме, конечно же, израильтян.

Война с террором, изобретённый режимом Джорджа Буша и Дика Чейни, уничтожила Конституцию США и гражданские свободы, воплощенные в ней... Режим Обамы официально

оформил нападение Буша—Чейни на американскую свободу. Сегодня у американца нет прав, если его или её обвинили в «террористической» деятельности. Режим Обамы расширил туманное определение «террористической деятельности», чтобы включить в неё «внутренний экстремизм» «террорист» или «внутренний экстремист» — это любой, кто расходится во мнениях с политикой или действиями, которые правительство США считает необходимыми для своих планов мировой гегемонии.

В отличие от некоторых стран, США — это не этническая группа. Это сборище различных людей, объединенных Конституцией. Когда Конституция была уничтожена, США перестали существовать. Сегодня существуют центры власти, не несущие ни перед кем ответственности.

Лестницы для восхождения в социальной иерархии были разобраны. Миллионы молодых американцев с высшим образованием работают официантами и барменами.

Когда выведенное за рубеж американское производство возвращается в США в виде импорта, торговый баланс ухудшается. Иностранцы используют свои избытки долларов для покупки существующих американских активов. Следовательно, дивиденды, проценты, прибыль на капитал, сборы за пользование платными дорогами, арендная плата и прибыли уходят сегодня за рубеж к иностранным владельцам, тем самым усиливая давление на доллар США.

Потребительский спрос составляет 70 процентов экономики. Значит, когда потребительский спрос не может расти, экономика не может восстановиться.

Американский народ потерялся в стране грез... Они практически не знают о растущей ненависти, которую мир испытывает к американцам за их уничтожение других народов. Американцы думают только о себе. Они понятия не имеют о катастрофах, к которым привело их невежество и бесчеловечность».

Есть ли у США путь к выходу из кризиса?

Предсказаний гибели США всегда было предостаточно, нет в них недостатка и сейчас. Смысл многих из них — в одной фразе: «Америка рухнет первой». Но серьёзные эксперты рассматривают разные варианты дальнейшего развития событий.

Учёные, в том числе и российские, уверяют, что США скоро выйдут из нынешнего мирового кризиса. В дальнейшем будет показано, что это иллюзия. **Кризис будет продолжаться десятилетия, ибо такова воля «хозяев мира».**

Вернусь к упоминавшейся выше статье Кука, который, констатировав катастрофическое состояние США, наметил и четыре сценария возможного выхода их из кризиса. Первый — смириться с падением жизненного уровня населения и роли США в мире и ждать, что будет. Второй — развязать войну. Третий — революция (только не со стороны левых — те на неё неспособны), диктатура (в том числе и военная). Наконец, четвёртый — возврат к «Новому курсу» Рузвельта. Но, видно, время для этого прошло. Экономика стала финансовой, и вернуть её к состоянию, близкому к «физической экономике» по Ларушу, уже невозможно.

Другие эксперты полагают, что путей выхода из долговой петли только два. Либо объявить дефолт (возможно, с отказом от доллара), хотя это вызовет коллапс мировой экономики, поскольку 63 процента всех валютных резервов мира номинированы в долларах. Либо развязать войну — это и спишет часть долгов, и позволит подняться экономике на военных заказах.

Нобелевский лауреат по экономике Пол Кругман прямо утверждает: США преодолели Великую депрессию 30-х годов вследствие того, что грянула Вторая мировая война, и добавляет: «Что нам сейчас нужно — так это финансовый эквивалент войны». В качестве эквивалента Кругман предлагает крупномасштабное строительство за счет государства различных инфраструктурных объектов: дорог, аэропортов и других сооружений, подобных тем, которые создавались при Рузвельте в 1930-е годы в попытке вывести экономику из депрессии.

Развяжут ли США войну?

Сегодня США развязать войну против сильного противника, обладающего ядерным оружием, ещё не готовы. Например, напасть на Россию США не решатся до тех пор, пока не будет полностью создана их система ПРО вокруг нашей страны, гарантирующая саму Америку от «неприемлемого ущерба».

Конечно, к войне США готовятся, иначе к чему бы им при нынешнем сложном финансовом положении такой громадный военный бюджет? Однако оптимисты, полагают, что Америка слишком сильна, коварна и хитра, чтобы воевать. Воюют нищие, а сильные стравливают их. Она может использовать подкуп, шантаж, стравливание и пр. Для этого большинство мировых СМИ пропагандируют проамериканские ценности. И все ради того, чтобы жить в достатке и ком-

форте. Создавая вдвое меньше того, что поедает, Америка борется за то, чтобы этот разрыв увеличить еще больше. А иначе власти предрежающие могут её лишиться. Будущее мира смотрится как делёж мирового пирога в пользу Америки, и будущее стран зависит от того, насколько они увеличат порцию для США и уменьшат для себя. Каждый должен вносить вклад в дело процветания Америки, иначе их постигнет судьба Ливии, Сирии, Ирака и прочих стран, которые были отданы в жерло американской прожорливости за то, что работали на себя. Возможность добровольного обслуживания Америки со стороны других стран и её покровительство им — вот будущее мировое устройство. Похоже на то, что самым опасным террористом для нас является не исламский Джихад, а Уолл-стрит.

Для смягчения проблемы торгового дефицита в США предлагаются меры технологического характера, например, развитие производства наукоемкой продукции и её продвижение на внутренний и внешние рынки. В последнее время в США царит ажиотаж в связи с разработкой технологий добычи сланцевого газа (оборот этого рынка за 2011 год достиг цифры около 10 миллиардов долларов, хотя цена газа невысока). Считается, что такая ситуация сделает возможным перенос энергоёмких производств из Европы в США.

Но ведь кризис, поразивший США, — системный, и никакими новыми технологиями его не устранить. К тому же финансовая система США стала огромным притоном для азартных игр. В результате этого появился ужасающий деривативный пузырь, который грозит уничтожить всю экономику мира. Никто в точности не знает, насколько он огромен, но, по разным оценкам, его размер — от 600 триллионов до 1,5 квадриллионов долларов. Если этот пузырь лопнет, то просто не хватит всех денег мира, чтобы его перекрыть. Только теперь можно по достоинству оценить афоризм мультимиллиардера Баффета: «Деривативы — это финансовое оружие массового поражения». А вся современная система американского бухгалтерского учёта создана с одной целью — закамуфлировать государственную политику тотальной фальсификацией корпоративной отчетности. Это связано с тем, что американская экономика является планово-убыточной с 1968—1970 гг. Если бы это было явно продемонстрировано всем, то нынешний кризис случился бы на 30 лет раньше. И вообще, по словам академика РАН Сергея Глазьева, сегодня на Западе никакого рынка и частной собственности, по сути, нет. Мы видим гигантские акционерные общества, которые управляются советами ди-

ректоров. За ширмой «частной собственности» стоят топ-менеджеры наподобие наших олигархов, только намного крупнее, которые в период кризиса легко договариваются с правительством и ФРС, чтобы им «качнули» огромные деньги, несколько триллионов долларов... И уж, конечно, не спасёт США такая мера, как предполагаемое постепенное увеличение пенсионного возраста с 65 до 67 лет к 2020 г., а также увеличение трудового стажа, необходимого для исчисления полной пенсии, с 35 до 37 лет.

По мнению Адама Херша, экономиста Центра американского прогресса, Штатам нужна полноценная реиндустриализация. Известный американский общественно-политический деятель Ральф Нейдер считает, что лидерам США необходимо спуститься с небес на землю, приземлить экономику, сделать её более общинной. Надо тратить меньше государственных денег и ресурсов на Уолл-стрит и больше на работников и на малые бизнесы, чтобы повысить их покупательную способность. Деятели Уолл-стрит — капиталисты казино, играющие в азартные игры. Надо забрать пенсионные фонды и другие ресурсы из рук биржевиков, потому что они играют с ними как в казино.

Власти США успокаивают общественность: тревожиться не стоит, ведь на балансах американских корпораций по всему миру лежат 2 триллиона долларов. Это так, но бизнес не жаждет потратить эти деньги, чтобы нанимать новых работников в самих США. А высокая безработица приводит к снижению темпов роста, поскольку сокращает потребительский спрос, а это, в свою очередь, затрудняет создание новых рабочих мест.

В США всегда делали ставку на частный сектор. Но сегодня у американских корпораций дела идут совсем неплохо, а большинство работников получает меньшую зарплату, чем до рецессии. Компании имеют хорошую прибыль, но тратить её на своих работников в США они не хотят.

Всегда считалось, что американцы готовы отправиться в путь, чтобы найти работу. Достаточно создать рабочие места, и люди, готовые их занять, приедут издалека. Но сегодня многие просто не могут переехать потому, что их недвижимость стоит меньше, чем они за нее заплатили. И вообще мобильность американцев снизилась.

Также всегда считалось, что предприниматели — основа экономики. Но темпы создания новых частных предприятий начали сокращаться еще в 1980-х годах. В немалой степени потому, что тогда же началось неимоверное разрастание финансового сектора.

Ныне появилось целое поколение молодых работников, которым грозит положение «вечных аутсайдеров» на рынке труда и отчуждение от общества.

Так в чём же видят выход либералы? Большинство их считает, что резко увеличившиеся в результате финансового кризиса государственные расходы не станут панацеей от экономических бед, а, напротив, затруднят выход из рецессии. Один либеральный американский журнал опубликовал серию статей о том, как выгодно отменить государственное регулирование экономики и какие госрасходы можно было бы безболезненно сократить в США. Вот некоторые из этих идей: упразднение министерства образования, отмена запрета наркотиков, сокращение расходов на неэффективную государственную медицину, упразднение государственной пенсионной системы, прекращение контроля над СМИ (включая радио), отмена сельскохозяйственных субсидий. Всё это в США уже проходили, и губительные последствия такой политики у всех ещё в памяти.

В связи с вышесказанным, может представить интерес мнение Владимира Путина по поводу ситуации, сложившейся в США. Вот несколько коротких его высказываний на этот счёт:

«Мое личное мнение, что США не удастся в ближайшее время вылезти из той петли, в которую они сами себя загнали, превратив свою экономику и финансы в большое мировое «казино».

«Во многих странах, прежде всего в государствах ЕС, США, такие административные барьеры и такая бюрократия, что нам с вами при всей критике нашей российской бюрократии и не снилось».

«Слава богу или к несчастью, [мы] не печатаем резервную валюту. А они-то [США] что творят? Хулиганят, включают [печатный станок] и разбрасывают [деньги] на весь мир, решая свои первоочередные задачи».

Что сделал Обама для выхода США из кризиса?

В сентябре 2011 г. Обама выступил с новой инициативой по сокращению государственного дефицита и стимулированию экономической активности, чтобы переломить тревожные тенденции. Поддержав ранее выдвинутую мультимиллиардером Уорреном Баффетом идею об увеличении налогового обложения наиболее зажиточных слоёв населения, Обама внёс на обсуждение Конгресса предложение, в случае утверждения которого казна только за счет новых налогов полу-

чит дополнительно 1,5 триллиона долларов. Это лишь часть комплекса мер по сокращению дефицита федерального бюджета на 3 триллиона долларов в ближайшие 10 лет. Одновременно Обама выступил против сокращения социальной помощи неимущим. Обама предостерег республиканцев от попыток вывести страну из экономического кризиса с помощью введения жёстких мер экономии. Чрезмерная экономия может снова привести страну к рецессии. Вместо попыток максимально сократить бюджетные расходы необходимо, по его мнению, создание новых рабочих мест.

Обама «пробил» новый закон, который позволит обеспечить медицинской страховкой еще 32 миллиона человек. Но, как отмечал, кажется, Михаил Хазин, скорее всего в ближайшие годы сделать это не удастся — просто потому, что нет денег. Средняя стоимость страховки постоянно растёт, и при среднем годовом доходе домохозяйства она останется недоступной. А надо ещё учесть рекордное количество индивидуальных банкротств или отобранных домов за невыплату ипотечных кредитов. Так что социальная система США неуклонно движется к краху.

Американцы в мягких тисках диктатуры

Ближайшей целью структуры мирового правительства (которая, как уже говорилось, олицетворяет реальную власть в США) — сделать любого человека полностью подконтрольным, зависимым и управляемым, но, видимо, ещё есть немало лазеек, позволяющих скрыться от её «всевидящего» ока. И многие американцы идут по пути выхода из социума.

В США получило распространение движение так называемых изоляционистов. Люди семьями и небольшими общинами уходят из общества и селятся в труднодоступных лесных и горных местах, обеспечивая себя сельским хозяйством, рыбалкой и охотой. Но, похоже, власти с этим пытаются покончить. В США собираются запретить выращивание, использование, распределение, покупку или продажу пищи, выращенной в домашних условиях. Этот законопроект, в случае его принятия, устанавливает тотальную власть Министерства безопасности над всеми пищевыми продуктами и всеми фермами США, что, помимо всего прочего, создаст благоприятную базу для коррупции и лоббирования.

В реальности закон покончит с суверенитетом США, отдавая государственные пищевые запасы под власть ВТО. Законопроект разрушает всё, что осталось от американской экономики. Он забирает сельское хозяйство и питание, ко-

торые являются краугольными камнями всех экономик, из рук граждан и отдаёт их под контроль многонациональных корпораций и наднациональных организаций, включая ООН, ВОЗ, ВТО. Устраняется возможность перестройки экономики, основанной на фермерстве, садоводстве, производстве продуктов питания и натуральных продуктов. Наряду с этим исчезают все сельскохозяйственные работы, орудия труда и смежные занятия.

Также документ позволит правительству одобрять применение в сельском хозяйстве антибиотиков, гормонов, пестицидов и генетически модифицированных продуктов, что делает пищу ещё более вредной. Новый закон вводит понятие «пищевые преступления», что может стать поводом к созданию полицейского государства и введению тотального контроля.

Два полюса в суждениях россиян об Америке

Вот взгляд обычного туриста Виктора Стародубцева:

«В Америке я увидел симпатичные города, где действительно много небоскрёбов, но также полно парков, фонтанов и цветов. Однако больше всего в США меня поразили не архитектура и природные ландшафты, а социальное устройство этой страны. Там лечат, любят и заботятся. Особенно о стариках и инвалидах. Пожилые люди с низкими доходами за счёт штата имеют возможность вызвать специальную медицинскую машину для доставки к врачу (это не «скорая помощь»). Семьи малообеспеченных пенсионеров могут заказать еженедельную уборку квартиры... Старикам, не желающим или не способным готовить дома, развозят бесплатные обеды.

Американцы очень любят музыку. В парке в Чикаго почти каждый день проходят бесплатные концерты». Думается, многие небогатые американцы, прочитав это, захотят из реальной Америки поехать в Америку, какую увидел российский турист, но вряд ли им это удастся.

Другой россиянин очень сердит на российскую прессу, которая, смакуя, пишет об отрицательных сторонах жизни в США. Он признаёт, что *«многим американцам живётся гораздо хуже, чем они привыкли. Но экономика США — по-прежнему очень внушительная сила... ВПК работает на полную мощность. Американские банки и корпорации владеют огромными ресурсами и богатствами. Американская медицина не лишена недостатков, когда бедным лучше в Америке не болеть. Но продолжительность жизни в США — 78,4 года. В России — 69 лет, самая низкая в Европе.*

Говорят, американцы — тупой народ (они «думают туловищем»). Да, интеллектуальный уровень среднего Джона или Гарри просто поражает своей ограниченностью. Какой-нибудь бакалейщик из Малайзии умнее американского школьного учителя. Но американская элита (это не Буш, и не Обама, а люди, находящиеся за кулисами на мировой сцене) — цвет общества, состоит из настоящих мыслителей. Иначе бы США не превратились в ведущую державу мира. США остались в выигрыше и после Первой мировой войны, и после Второй. А тупые мировых войн не выигрывают.

Ещё говорят: американцы — индивидуалисты и превратились в «желудки» Да, американцы — это нация ожиревших индивидуумов, с которыми о высоких материях не поговоришь. Но это не мешает им всем поголовно исповедовать патриотизм, который граничит с примитивным шовинизмом («Америка всегда права!») и находится на небывалой высоте, и так было всегда». И т.д.

Иных россиян радует то, что в «бездуховном» американском обществе так широко распространена частная благотворительность. 80 процентов благотворительного бремени берут на себя частные лица, остальное приходится на долю частных корпораций и организаций. Многим нравится то, что треть американцев — трезвенники.

Александр Гасюк восхищён тем, что США — страна трудоголиков, американцам не до отпусков. В Америке нет закона, требующего от работодателя предоставлять оплачиваемый отпуск работнику, а среднестатистические американцы отдыхают намного меньше, чем европейцы. Вопрос с отпуском сотрудников частных компаний отдан на откуп работодателям, которые прописывают в контрактах количество оплачиваемых «отгулов». Это — от 5—6 дней у тех, кто только устроился на работу, до 26 дней у правительственных чиновников. Такими льготами правительство, которое не в состоянии платить столь же высокие зарплаты, как частный сектор, привлекает к себе сотрудников. Ради высокой эффективной экономики работодатели выжимают из сотрудников «все соки».

Привлекает иных россиян и то, что после Второй мировой войны центр мирового искусства переместился из Парижа в Нью-Йорк. Однако, как говорит кинорежиссёр Андрон Кончаловский, это в большинстве своём искусство, имеющее высокую денежную стоимость, но не имеющее художественной ценности. Художники, покинувшие послевоенную разруху в Европе, приехав в Америку, создали вместе с американскими художниками новый стиль живописи — абстракт-

тный экспрессионизм. Усилиями СМИ родилось популярное искусство. Поверхностные банальные картины сейчас являются для американцев шедеврами.

Американская музыкальная индустрия стала наиболее сильной в мире, а афроамериканские музыкальные веяния давно уже распространились по всему свету.

Америка славится своей литературой. Исключительное содержание американской культуры сильнее всего проявляется в кино- и телеиндустрии. В основном люди из других стран составляют мнение об Америке после просмотра её телевизионных передач художественных фильмов.

Однако академик Игорь Шафаревич очень сомневается, что американцы живут достойной жизнью. «Они абсолютно манипулируемы рекламой и телевидением и даже об этом не подозревают, а гордятся тем, что они свободные люди. В массе они дикие, фантастически некультурные, мировая литература распространяется у них в виде сжатых изложений наиболее известных произведений. Культурный слой у них существует за счёт эмигрантов... я встречался с американскими профессорами, которые, например, не читали Диккенса». Есть ли у этой массы «непродвинутых» хотя бы минимальные шансы войти в ряды «продвинутых»?

А журналист Валентин Пруссаков, живущий в Америке, пишет: «США — это самая тоталитарная страна. На поверхности там — беспорядок, а внутри — порядок железный... Американское общество — сословное общество, где всё разложено по полочкам... Единственное, что объединяет людей под словом «американцы», — это стремление делать деньги».

Будущее США: социализм или фашизм?

Ясно, что нынешняя общественно-политическая система Америки, по старинке именуемая капитализмом, обречена. Вопрос в том, что придёт ей на смену. Чаще всего высказываются два предположения: это будет либо социализм, либо фашизм. О том, что готовят американцам настоящие «хозяева мира», речь пойдёт позже. Однако немало американцев хотели бы вернуть страну в прошлое. Это — правые, которые убеждены в том, что нынешнее либеральное руководство США ведёт страну к социализму, то есть, по их мнению, прямо в ад. Вот статья одного из таких противников как либерализма, так и социализма (человека явно не бедного). Он возмущён тем, что либерализм, начавшийся при Рузвельте, вот уже 80 лет правит Америкой, и она *«всё дальше движется к социализму и превращается во всемогущее государство, кото-*

рое указывает нам, как мы должны действовать, мыслить, верить, чувствовать и жить... Что это за попытки разложить умы населения, все эти атеистические, гуманистические, либеральные доктрины, которые преподаются в наших государственных школах и университетах, эта государственная поддержка гомосексуалистов и пр. ?

Либеральные силы свернули нашу страну с того пути, каким она шла 100 лет назад, переменили наш народ, наш менталитет, нашу мораль. 100 лет назад не было у нас такого социального обеспечения и государственных школ. Люди много работали, были независимыми и полагались только на себя, а не обращались за помощью к правительству».

Автор статьи рассказывает о незамужней чернокожей женщине, у которой шестеро детей. «У неё нет работы и нет денег, нет еды и ей нечем платить за жильё...» И вот государство, эта безличная организация, берёт на себя заботу о ней, обеспечивая её едой. И вскоре они зажили в хорошем новом доме. Вся семья каждую зиму отправляется в круиз по странам Карибского бассейна... На деньги налогоплательщиков. Но обязан ли я поддерживать её стиль жизни, более подходящий королеве? И таких картин он описывает несколько. Как может чиновник знать, действительно ли это лицо заслуживает помощи или нет? Мир полон «артистов» и мошенников. А налогоплательщик, которого принуждают быть причастным к этой благотворительности, как он может контролировать, не тратятся ли его деньги зря? И позволяет ли наша Конституция правительству тратить наши деньги на эти цели?

«Как раз сейчас значительная часть населения страны не имеет работы и живёт на средства, выделяемые по правительственной программе помощи безработным. И в это же время большинство непрестижных работ выполняется нелегалами, приехавшими из-за границы. А предприниматели требуют нелегалов, они не могут найти легальных работников, которые согласились бы выполнять эти работы.

Политики и правительственные бюрократы просто не знают, как надо распоряжаться деньгами. Они умеют только тратить деньги и повышать налоги. Люди, умеющие сберегать деньги и умеющие их тратить — это два разных типа людей. Здесь нужны люди бережливые, которые могут делать большие дела, не тратя много долларов. США должны извлечь урок из краха европейских социальных государств».

И этот консерватор размышляет над тем, как обеспечить медицинское обслуживание людям, не имеющим медицинской страховки, заботу о бедных стариках и пр., не давая остальному населению стимула для безделья. Кажется, един-

ственное его предложение сводится к тому, чтобы предоставлять помощь (в размере, который не позволял бы им роскошествовать) только тем, кто согласен выполнять тяжёлые работы по 8 часов в день.

А вот отрывок из статьи «Транснациональные корпорации почти построили социализм в США» одного сторонника социализма как государственного капитализма:

«Транснациональные корпорации — это мощные ледоколы государственного социализма. В чем главная заслуга ТНК перед социализмом? В уничтожении путём поглощения ТНК среднего и малого собственника средств производства. ТНК незаметно экономическим путем уничтожили в обществе самых оголтелых эксплуататоров и непримиримых противников социализма (государственного капитализма).

Это не означает, что социализм что-то светлое и хорошее, скорее — неизбежное. ТНК при меньших затратах и гигантских объёмах получают большую прибыль, чем любой другой вид собственника — тот неэффективен по сравнению с ТНК. Любое ТНК — это уменьшенная копия СССР, со своей чокнутой идеологией, со своим генсеком, политбюро и рабским скотободлом. Неудивительно, что разрушители СССР быстро нашли общий язык с новой западной корпоратократией.

Сеть Старбакс убивает все частные кофейни мелких собственников в округе. Когда в городок приходит сеть магазинов Уолмарт, то закрываются все магазины частных владельцев, так как они не способны конкурировать по ценам с гигантом торговли, покупающим и производящим товары в Китае. Десятки тысяч фермеров США разоряются каждый год, их фермы передаются гигантским агропромышленным корпорациям. Дома фермеров сносятся, они больше не нужны, вся территория разбивается на квадратные мили. Очень удобно.

Дело коллективизации в США живет и побеждает: на смену несознательному кулаку-фермеру приходит передовая эффективная американская агропромышленная корпорация. Коллективизация американского села практически завершена и американское крестьянство (фермерство) перестало существовать как класс в американском обществе. Как класс наиболее реакционных частных собственников, бывших верной опорой капиталистического товарного способа производства. Ну, некому постоять за старые добрые капиталистические ценности, дорога на социализм в США полностью открыта. Орут уже: «нас 99%! Дайте халявы!»

Таким образом, ТНК реформатировали всех и всё в американском обществе в удобную для себя форму: в 99% образованных бесправных корпоративных рабов и 1% привилегиро-

ванных управленцев. Расслоение общества по материальному признаку в США и в мире достигло невиданных доселе масштабов...

Современное государство — это инструмент национализации финансовых потерь населением и приватизации прибыли корпорациями в обществе. Планирование, прогнозирование и организация производства материальных ценностей достигли в ТНК глубины и мобильности, требуемой для перехода в новый технологический уклад (государственный капитализм — это социализм). Наблюдается активное сращивание верхушки государственных управленцев США и верхушки ТНК, это одни и те же личности. США осуществляют внешнюю и внутреннюю политику в интересах корпораций, корпорации поддерживают США, а население США — это лишние озлобленные статисты.

В ближайшее время 70 миллионов американцев выходит на пенсию, денег на эту пенсию в бюджете США нет и не было никогда. Частные пенсионные фонды все прогорели. Что делать и где взять?»

Другой путь — фашизм. И идеологическая база для фашизма уже подготовлена, об этом, в частности, говорит уже упоминавшийся Пол Робертс:

«После крушения СССР в США была создана и спущена с цепи очень опасная идеология — неоконсерватизм. Но по сути это — марксизм в самой опасной его форме. Суть этой идеологии состоит в том, что мы, американцы, — исключительная нация. И поэтому можем и должны диктовать свою волю миру... Если появляется такая идеология, то для нее нет международного права, нет местных законов, нет Конституции США, нет морали... Правительство сейчас говорит, что может взять американских граждан и держать их в заключении без суда и следствия. Это означает, что они могут убивать граждан Америки без всякого суда. Это экстраординарные меры полицейского государства. Если бы Рональд Рейган заявил об этом, ему немедленно объявили бы импичмент. Но сейчас все запуганы и приняли новый тоталитаризм. А тоталитаризм всегда агрессивен. Неоконсерваторы атаковали Ирак на основании лживых утверждений... Они атаковали Афганистан, хотя мы знаем, что талибы не имели никакого отношения к трагедии 11 сентября. Речь идёт об очень агрессивной идеологии исключительности Соединенных Штатов. Это звучит как слова Адольфа Гитлера об арийском превосходстве. Теперь уже Вашингтон заявляет о таком превосходстве. И если вы идете по этому пути, то вы совершаете преступление. Это очень опасная идеология. (В России её всё чаще называют «рыночным фашизмом». — М.А.) В

такой ситуации (с опасной идеологией и слабой информированностью) мы очень похожи на пассажиров «Титаника» и можем столкнуться с катастрофой».

Увы, возможные картины будущего США не исчерпываются этими двумя мрачными вариантами. «Хозяева мира», видимо, готовят гораздо более кошмарный «Новый мировой порядок». Он замышляется именно как мировой, то есть для всей планеты, а не только для США. О том, что это за порядок и есть ли хотя бы минимальный шанс его избежать, нам придётся говорить особо.

Но уже сегодня создаётся впечатление, что США ожидают экстраординарные и крайне мрачные события, о характере которых пока можно только догадываться. То, что уровень жизни большинства американцев существенно (а в случае краха доллара — катастрофически) снизится, почти у всех экспертов сомнения не вызывает. А поскольку несколько поколений граждан США жили, имея идеалом «американскую мечту» («каждое новое поколение будет жить лучше, чем предыдущее»), то на фоне краха этого устоя их мировоззрения и реального ухудшения условий жизни не исключены серьёзные волнения и гражданские беспорядки. И власти готовятся к чему-то опасному для существующего строя, причём и сама эта подготовка носит необычный характер. Весь мир обошли сенсационные сообщения о заготовленных в США сотнях тысяч пластиковых гробов (для кого?), о назначении сотен учреждений, похожих на концлагеря, пока пустых, но полностью готовых принять поселенцев (кого?). Не объясняется, почему вводятся войска, готовые к отстрелу «врагов». (По Конституции, на территории штатов может действовать только Национальная гвардия, то есть что-то среднее между внутренними войсками и ополчением.) Зачем Обаме, который, как президент, обладает почти императорскими полномочиями, понадобилось их ещё более расширить (для этого принят соответствующий закон) именно на случай чрезвычайных ситуаций?

Почему современные США — иллюзорное государство?

Остаётся кратко сформулировать ответ на этот вопрос, хотя всё уже сказано ранее.

США — это государство-МММ, гигантская финансовая пирамида, которая обязательно рухнет.

США — не национальное государство, а совокупность иммигрантов, объединённая Конституцией. Когда Конституция уничтожена властью, это государство перестает существовать.

США — лишь орудие в руках наднациональной структуры сил, которые чувствуют себя «хозяевами мира», и они лишь используют Америку как инструмент для достижения своих целей. И сейчас настал момент, когда они могут запросто «кинуть» и Америку, и её валюту — доллар.

В заключение данной главы — крик отчаяния, который напоминает вопль последнего пророка Бентамии из фантастической повести Владимира Одоевского «Город без имени». Только в роли увещевателя выступил американский журналист Крис Хеджес:

«Экономический коллапс высветил тупость нашей коллективной веры в свободный рынок и абсурдность экономики, основанной на целях бесконечного роста, потребления, заимствований и экспансии... Идеология неограниченного роста провалилась, поскольку не учитывала массивное истощение мировых ресурсов, от полезных ископаемых до чистой воды, а также перенаселённость, глобальное изменение климата... Огромные неуправляемые потоки капиталов сломали финансовую систему. Переоценённый доллар (который скоро обрушится), финансовые пузыри на рынках акций, жилья, технологий, безграничная жадность и усиление олигархического класса на фоне распада производственного сектора, коррупция политической элиты, обнищание и бесправие рабочих, распухший оборонный бюджет и неограниченные кредиты — все вместе, они и привели нас к краху... Мы позволили рынку править. Теперь приходит время платить за это...»

Корпоративные воры, которые твердят, что мы должны заплатить им миллионы долларов, потому что они самые лучшие, показали себя негодными артистами. Наши выборные чиновники, вместе с прессой, показали себя коррумпированными, никчемными и бесхребетными лакеями корпораций. Наши бизнес-школы и интеллектуальная элита оказались мошенниками...

Наш олигархический класс оказался некомпетентным в управлении страной и экономикой... зато он продолжает упорно цепляться за власть. И он остаётся у власти, и будет оставаться у власти, пока мы не окажемся способными отделять иллюзии от реальности...

Демократия — это не разрастание свободных рынков. Демократия и капитализм — это зачастую противоположные понятия. Демократия основывается не на личной выгоде, а на самоотдаче. Нормально работающая демократия должна отбрасывать экономические интересы элит, ущемляющие интересы граждан. А это не происходит. Руководители корпораций

и правительственные чиновники... знают, как управлять и поддерживать существующую систему, а не менять её».

Хеджес видит и угрозу правого радикализма, и надо быть готовым к этому.

«Карл Полани, — продолжает Хеджес, — в своей книге «Великая трансформация» пришёл к выводу, что опустошительные последствия депрессии, войн и тоталитаризма выросли из так называемого саморегулирующегося свободного рынка. Фашизм, как и социализм, имеет корни в рыночном обществе, которое отказалось функционировать». Он предупреждал, что финансовая система без жёсткого правительственного контроля всегда будет приводить к мафиозному капитализму и мафиозной политической системе — что есть хорошее описание нашего корпоративного государства.

Саморегулирующийся рынок, в необходимости чего были убеждены все президенты, начиная с Рейгана, превращает каждого человека и каждое живое существо в товар — ситуация, которая разрушает как общество, так и природное окружение. Свободный рынок полагает природу и людей объектами, чья ценность определяется рынком. Общество, которое больше не признает природу и человеческую жизнь священной, рано или поздно совершит коллективное самоубийство. Такие общества пожирают самих себя. Спекулятивные эксцессы и растущее неравенство, писал он, всегда приводят к уничтожению основ процветания».

Думается, надежды Хеджеса на силу гнева рядовых американцев, на их способность изменить ситуацию в стране, не оправдаются. При внимательном рассмотрении ситуации в США выясняется, что:

1) Современный американский корпоративизм — явление совсем иного порядка, чем это представлялось Хеджесу.

2) В чрезвычайной обстановке власть оказывается в руках спецслужб, которые были созданы администрацией США для поддержания стабильности в стране, но они давно вышли из-под контроля правительства и направляют развитие страны по пути к фашизму американского толка.

3) Реальная власть в стране принадлежит не президенту и не конгрессу, а ФРС, и её существование тоже оказалось ныне под вопросом.

4) Мощные силы, претендующие на управление миром, ставят своей промежуточной целью уничтожение США.

Вот эти обстоятельства и станут предметом рассмотрения в последующих главах.

Продолжение следует

РАСКАЗЫ

БЫТЬ ДОБРУ

Василий Филимонов все свои пятьдесят лет, казалось, ходил в единственной застиранной рубашке, в рабочих ботинках с ржавыми заклепками, засаленных джинсах. Зимой — в мятой куртке и кособокой кепке. Ботинки те же. Сам — прогонистый, худой. Ну и, конечно, космат до невозможности. В общем, поселковая достопримечательность. Последние лет восемь нигде официально не работал после того, как закрылся механический завод, где трудился в сборочном цехе. После смерти жены Василий жил один. Сразу не смог ни с кем сойтись, а теперь кто пойдет за такого?! Да и не нужен ему теперь никто, потому что похожей на жену не найти, а на других он и не заглядывался: жил себе потихоньку и жил. Каждую весну пытался что-то сажать в огороде, но, кроме лука и картошки, ничего у него не выросло, а урожая хватало ненадолго. Но хотя бы осень, особенно если родились яблоки, жил относительно сытно, а в остальное время ходил по соседям. Нет, он не побирался, а всегда придумывал работу, когда почти не ел день-другой, и очень хотелось чего-то перехва-

ПРОЗА

тить. Он знал, у кого какие непорядки в хозяйстве, и всегда в нужный момент предлагал свои услуги. Скажет, например, соседке: «Баб Оль, забор-то у тебя вот-вот от ветра завалится! Стопроцентно говорю. Надо бы укрепить!» — «Укрепи, милый, укрепи! А прежде зайди, супчика похлебай! С пустым нутром какая работа!» — отзовется неповоротливая соседка, жившая, как считал Василий, богато, потому что получала пенсию. На пенсию, конечно, можно жить, а вот попробуй проживи, когда ниоткуда и единой копейки не ожидается?! Поэтому похлебает Василий супчику, похрустит хозяйской глазуньей, а как поест, то начинает трудиться столько, сколько потребуется. Хоть два дня. Но всё сделает и доложит хозяйке. На следующий день далее идет. Но сколько бы ни бродил по поселку, всегда возвращался на свою Подгорную улицу, поближе к бабе Оле. Она когда-то дружила с его матерью, а он рос с ее детьми, потом разъехавшимися. И стал он соседке как бы за сына, пусть и непутевого.

Василий мог перебиваться бесконечно, не зная, как изменить выпавшую ему долю. Но по-настоящему задумывался над этим лишь в те дни, когда начинала досаждать налоговик Аня. Ростом мелкая, пронырливая, она, казалось, могла из-под земли достать любого должника. Доставала и Василия, никогда при встрече не называя по имени.

— Филимонов, — скажет, улыбаясь чему-то своему, — ну что, попался?! И когда мы налоги платить будем?

— Анют, погоди до августа. А пока квитки оставь.

— Что это значит — «оставь»? По почте официально пришлем распечатки, чтобы не отвертелся потом. А то дождешься — дело заведем, с судебными приставами явимся! Ты этого хочешь?!

— Да ладно тебе, не позорь, заплачу, куда я денусь! — клятвенно обещал он и твердо добавлял, словно печать прикладывая: — Стопроцентно говорю!

Анна доводилась Василию дальней родственницей, и, видимо, это обстоятельство способствовало тому, что он обходился без штрафов, успевая за лето скопить нужную сумму, заработанную по случаю. Разживется очередными ста рублями — сразу отнесет соседке и предупредит:

— Вот, баб Оль, сохрани! В августе буду с Анюткой расчитываться, а если начну назад просить, к примеру, на выпивку — тотчас гони меня, не допускай близко к деньгам! Стопроцентно говорю!

Говорить-то он говорил, но такая жизнь обрыдла окончательно. Представился бы случай, вообще куда-нибудь уехал из поселка: завербовался или еще чего-нибудь придумал, что-

бы не видеть эту Анютку. Любому надоест такая колючка! Особенно в последние годы надоела, когда стало невмоготу, и не столько от нее, сколько от копившегося в душе беспокорства, когда всё чаще начинал думать о том времени, когда в один день оборвется привычная жизнь. И неважно — хорошая она или плохая! И никому тогда не нужны будут его налоги, никто не спросит, уплатил он их или нет.

Но сколько ни думай и ни рассуждай, приходилось пока терпеть то, что есть, добывая на пропитание и налоги случайными заработками. В иной год Василий не успевал скопить нужную сумму, и тогда надеялся на сына, приезжавшего за яблоками. Но на него, конечно, надежда плохая, тем более что не каждый год выдавался урожайным. Это когда были живы родители Василия, жена, то сын всегда навевался, а когда не стало их, мало-помалу охладел к родным местам, даже начал чураться отца, укорял частенько, мол, за собой не следишь, нигде постоянно не работаешь! Примчится на день—два, нагрузит машину — и назад. Был — и нет его. Жди до следующего года.

Правда, у Василия еще был один вид заработка. До пятидесяти человек прибирал Господь в поселке за год, и для половины из них он с товарищами копал могилы. Считаю, в среднем, по одной в неделю. Платили за эту работу хорошо, но денег оставалось мало. Потому что собиралось копателей трое—четверо, и за несколько дней они прогуливали заработок. Но тут уж никуда не денешься: что заработано артелью, то артелью же и тратилось! Таков порядок!

Этим Василий перебивался бы до скончания своего века, но нынешней весной, когда после Пасхи попал на дальнейшее кладбище, то оказался неподалеку от могил родителей. Сперва не придавал этому значения, обошел их стороной, как всегда обходил, а когда артельщики пошли в ближайшую лесопосадку отмечать окончание работы, задержался и впервые заметил, как могилки запущены, и устыдился, укорил самого себя, словно уколол: «Что же это я? Чужих обихаживаю, а до своих руки не доходят?!» Подумал так и озадачился совсем неожиданно для себя: ведь никогда ничего похожего не происходило, ничто за душу не цепляло, а теперь, получалось, зацепило. Показалось, что родители всё видят и знают, какой он теперь неухоженный, к себе окончательно равнодушный. Лопаты у могильщиков острые, за полчаса Василий навел порядок: посшибал до земли и сгреб прошлогодний бурьян, поднял холмики, поправил покосившиеся кресты, очистил рукавом пиджака потускневшие фотографии и таблички с облезшими надписями. Очистил и поклялся, что покрасит ограду, кресты, обновит надписи.

Управившись, он примкнул к артельщикам, выпил, перекусил. Потом все вместе двинулись в поселок, где накупили водки, продуктов и набились к Василию в дом, чтобы продолжить пиршество. Обычно артельщики, кто хотел, оставались ночевать, а тут все почему-то разбрелись, видимо от непривычного поведения хозяина, его непонятной молчаливости, неизвестно откуда пришедшей. Он никого не удерживал, а утром отправился к соседке за деньгами, потому что всё заработанное осталось у старшего. Попросил у бабы Ольги деньги, а та заупрямилась и укорила:

— Забыл, что сам говорил?!

— Не так поняла... На краску деньги нужны. У отца с матерью оградку покрасить.

Соседка подозрительно посмотрела и припугнула:

— Смотри у меня, если обманываешь?!

— Нет, баб Оль! Святое дело! Стопроцентно!

В тот же день он покрасил оградку, кресты — до полудня трудился. Даже надписи вывел черной краской, пусть и не особенно ровно. Работа простая, но даже и она показалась несказанно радостной. И радость шла более от ощущения необычности — оттого, что догадался обиходить могилки. И почему-то захотелось поделиться радостью, и он поделился бы, появившись рядом душевный и внимательный человек. И пусть такого не оказалось, но всё равно на душе стало приветнее, будто она на место встала, а до этого блуждала в потемках.

Возвращаясь, Филимонов решил пройтись нижней улицей, заодно заглянуть в бывший монастырь, в котором, говорят, налаживается церковная жизнь, а по выходным приезжает из области священник и проводит службы. При советской власти монастырь закрыли, долгое время в нем располагался детдом, потом школа-интернат, а теперь вернули церкви. Похожее событие произошло в поселке три года назад, когда архиепископ освятил восстановленный храм, что стало тогда радостным событием для всей округи. И Василий радовался. Но службы он не знал, поэтому в храм из робости не ходил, а вот в монастыре захотелось побывать, поговорить с кем-нибудь. Хотя о чем будет говорить с тамошними людьми — не знал, да и захотят ли привечать его, когда увидят перед собой такого... Василий никогда не задумывался о своем виде, а теперь будто поглядел на себя со стороны и застыдился, решил зайти в следующий раз.

Он спустился с холма, обойдя кирпичные корпуса монастыря, красневшие в нераспустившихся липах, прошел к колодцу, увидев стоящее на срубе оцинкованное ведро. Он пил

долго, с перерывами, заглушая в себе вчерашнюю выпивку. Когда же выплеснул из ведра остатки, то увидел рядом высокого человека в черной одежде, в черной же выгоревшей шапочке. Он осенил Василия крестным знаменем и спросил:

— Добра ли водица?

— Очень добра, батюшка! — ответил Филимонов в тон и смутился, не зная, как далее вести себя.

— Откуда же путь держишь?

— Да вот... — указал Василий на лопату и пакет с банкой из-под краски. — К родителям ходил. Порядок кое-какой навел. Надо бы на Радоницу, да не смог.

— Ты что же — местный житель?

— С рождения живу...

— Семейный?

— Был когда-то, а теперь вдовый... Сын после армии под Москвой обосновался, редко пишет, а позвонить ему не могу — телефона не имею...

— Куришь ли?

— Этим зельем не балуюсь, а выпивать — выпиваю, есть такой грех...

Чем подробнее Василий рассказывал о себе, тем всё более проникался душой к русобородому священнику, от строгого взгляда темно-синих глаз которого впал в смущение. Священник лишь сперва задавал вопросы, а потом Василий и сам разговорился. Ведь никто в последние годы не хотел выслушать его, поговорить. Хотя бы немного. Всегда все отмахивались, чурались, и вот нашелся такой человек — хотя и молодой, но понимающий, внимательный. Василий давно ждал, когда кто-то обратит на него внимание, поможет, хотя чем — не знал. Поэтому страшился взглянуть священнику в глаза, понимая, что рассказывая о себе, допустил ненужную слабость, начал жаловаться на жизнь, зачем-то сына приплел, в общем, повел себя не по-мужски... И в какой-то момент Василий не выдержал нахлынувшего смятения, закрыл загорелой ладонью лицо, пытаясь затворить пролившиеся слезы, от которых и вовсе был готов провалиться сквозь землю... Не попрощавшись, он заторопился под уклон, но священник остановил:

— Погоди!

Василий замер, утерся рукавом и стоял, понурившись, не зная, что делать.

— Пойдем обедать! — предложил священник. — Самое время. И — успокойся! — Он перекрестил его, обнял: — Пойдем!

И Филимонов не посмел осушаться, догадавшись, что священник понял, что творилось у него на душе, и не только

сейчас, а все последние годы. Покорно пошел за ним. Их встретил человек в обычной одежде: в сапогах, в сером хлопчатобумажном костюме, и священник сказал ему:

— Покормить бы нас надо!

Василий пообедал вместе со священником, назвавшимся Лавром, с удовольствием съев винегрета, миску лапши.

После обеда Лавр сказал:

— Приходи, Василий, сюда на жительство! Будешь служить Богу! Трудник Андрей всегда встретит, поможет устроиться, а ты будешь ему помогать.

— Монахом стать предлагаете?! — спросил Василий, замерев душой, вдруг поняв, что именно этого он и хотел все последние годы, чтобы раз и навсегда забыть неустроенную жизнь.

— Со временем, возможно, и станешь, а пока потрудись во славу Божию!

— Надо подумать...

— Подумай и приходи! Руки твои нужны — сам видишь, сколько работы!

Хотя Василий ничего не обещал конкретного, но когда, благословленный батюшкой и будто окрыленный, отправился на Подгорную улицу, то уже знал, что не посмеет уклониться от просьбы священника. Поэтому, вернувшись, сразу начал готовиться: помылся, переоделся в чистое, собрал в сумку мелкие принадлежности, смену белья, документы и в тот же вечер, сказав соседке, где его искать, если вдруг приедет сын, оставив ключи от дома, спешно отбыл в монастырь, словно кто-то мог его опередить и не позволить расстаться с неприкаянной жизнью.

Василий ходко шел своей улицей, но у поворота к монастырю, остановившись, присел на валяющуюся тракторную крышку, невольно задумался, вспомнив о бабе Оле, сыне и внуках. Получалось, что он спасался от них бегством, словно они сделали ему что-то плохое, словно совсем не любили его. Но Василий твердо знал, что это не так! Но почему же он тогда убежал? В первый момент непредвиденной остановки он так и не понял, не мог объяснить причину своего бегства, но когда все-таки встал с крышки и начал подниматься на взгорок, на котором стоял монастырь, вдруг понял, что убегает не от родных и знакомых, а от себя прежнего, от которого устал до невозможности! И радостная мысль налила ноги силой, и Василий заспешил, заторопился. У самого въезда в монастырь Филимонов увидел дорожный знак, оставшийся с советских времен, «Въезд запрещен», называемый в народе «кирпичом», но знак этот лишь для машин и, видимо, тех

людей, кто стремился на монастырское подворье в спешке, с неправедными мыслями — он словно отпугивал всех тех, кто говорил одно, а делал другое. И как только Василий так подумал, то увидел неподалеку от въезда знакомого человека, встречавшего его.

Оказалось, что Андрей, кормивший его днем, пока единственный обитатель сего места. Он сказал, что батюшка отбыл в область, и предложил пройти за ним, если он прибыл на послушания.

— Так и есть: на послушания, как обещал! — подтвердил Василий.

Андрей проводил его в большую и пустую комнату, наполовину загороженную старой мебелью, в которой стояло несколько раскладушек, и указал на одну из них, заправленную свежим бельем и одеялом.

— Вот здесь можно расположиться, — сказал он, на вид сердитый, но, как заметил Василий, с добрыми и немного грустными серыми глазами. — Как устроишься, приходи на ужин.

Ужинал Василий один, потому что Андрей поужинал ранее, но прежде повторил за ним «Отче наш». Василий шептал слова неуклюже, до конца не понимая их смысла, но когда сел за стол, то уже с другим настроением. Каким именно, сказать сразу не смог бы, но то, что в нем что-то изменилось, — в этом был убежден твердо. После ужина принялись разбирать обвалившуюся стену кирпичного амбара, а когда начало смеркаться и посвежело, отправились на вечернюю молитву.

Наступившей ночью Василий долго не мог заснуть от мыслей, возникавших одна за другой, на которые не находил ответа. Почему-то не верилось, что пришел в это место навсегда. Завтра наступит утро, а его не окажется на родной Подгорной. Дружки начнут цепляться к соседке, но она знает, что им сказать: мол, нечего его искать — в монастыре малый! Теперь забудьте о нем!

В монастыре, действительно, никто из дружков не беспокоил, и мало-помалу Василий начал забывать прежнюю жизнь, привыкая к новому порядку. Конечно, в первые дни все-таки скучал, даже нервничал, когда Андрей говорил, что надо сделать то-то и то-то, а Василию казалось, что надо приняться за что-то иное. Но это только в первые дни, а потом они начали по вечерам обсуждать предстоящие дела, и когда их обговаривали, то потом и вопросов не возникало. Постепенно Филимонов привык к такому распорядку, при котором молитвы перемежались работой, а работа молитвами.

Так прошло полтора месяца. Все это время Василий не до-саждал никого просьбами, лишь на Троицын день, когда уви-дел прибывшего Лавра, отпросился у него навестить оставлен-ный дом, бабу Ольгу. Лавр согласился и даже выделил денег на гостинцы. И решил Василий купить на них соседке конфет и торт. Торт пусть сразу отведают, а конфетами потом побалуется.

Филимонов появился в поселке, ничем особенно не выде-ляясь, лишь непривычно было его видеть с отросшей бород-кой. Да и не мог за недолгое время сменить облик от привыч-ной работы, когда надо дрова рубить, раствор замешивать, землю копать. А вот молитвенный труд — он убедился в этом сам — тяжелей тяжкого. А ведь именно он, как сказал отец Лавр, изменяет человека.

Отлучаясь из монастыря, Василий обещал не соблазнять-ся ничем мирским, хотя батюшка не принуждал к такому обещанию. Филимонов словно знал, что такой соблазн бу-дет, когда увидел около магазина прежних приятелей, двух братьев-близнецов: небритых, в кроссовках на босу ногу и рубашках, узлом завязанных на животах. Они сразу заулы-бались, увидев его, радостно осклабились, обступили.

— Ну, рассказывай, старик! Говорят, в монахи подался?! — попытался один из них по-дружески обнять Василия и не отважился.

— Пока в трудниках хожу..

— Надо встречу обмыть! — предложил второй.

Василий не знал, как вести себя с ними, о чем говорить, потому что не выпивал полтора месяца, и теперь не хотел. Но не хотел и обижать, поэтому заговорил на прежнем языке:

— В завязке я, мужики! Стопроцентно говорю!

Он отсчитал денег на бутылку, закуску и, едва они, забыв го-е, скрылись в дверях, пошел в другой магазин. На остав-шиеся деньги купил конфет и появился у соседки все-таки не с пустыми руками, чем удивил ее и обрадовал. Пока она радостно охала, он, заметив перекосившуюся дверь на ве-ранде, сразу отправился к себе за рубанком.

— Баб Оль, вообще-то дверь ни при чем! Веранда просе-дать начала. Поднимать надо! — вернувшись, сказал он.

— Разве сама сделаю?!

— Ладно, вот сын придет, что-нибудь придумаем! А пока и так сгодится!

Подремонтировав дверь, попив чаю, Василий долго рас-сказывал о новой жизни, хотя и не сразу разговорился, а лишь после того, как соседка забеспокоилась, спросила:

— Не обижают там? А то ведь знаешь, как бывает: наобе-щают, заманят, а потом...

Василий усмехнулся, подумав о том, что бы сказал отец Лавр, услышав эти слова:

— Если бы заманивали — тогда другой разговор! А я по доброй воле пошел.

— А мне непривычно, что ты тихим стал, задумчивым! Прежде-то ох как шевутил!

— Особенно после встречи с друзьями! Сейчас у меня другая жизнь, баб Оль, о какой прежде и не догадывался. А что к подворью пристал, так ведь всегда уйти оттуда могу — никто удерживать не будет. Только мне это не нужно. Я, может, всю жизнь мечтал об этом месте, а не знал как...

— Хорошо, если так... Я вот смотрю на тебя и мать твою вспоминаю. Ох, как бы порадовалась. Помню, любила она в церковь ходить. Как праздник — обязательно в слободу заторопится! Меня всегда звала с собой, да тяжела я была на подъем, далеко идти казалось.

— Сейчас в поселке церковь открыта! Всегда можно сходить, помолиться!

— Теперь-то я совсем отяжелела! Перекрещусь на ночь, этим и довольствуюсь. Не приучены мы с детства были. Церкви то открывали, то закрывали, иные рушили, а вам-то теперь какая красота! Сходил, помолился — и жизнь вокруг кажется иной. Эх... — Она не договорила, горестно махнула пухлой ладонью, словно запоздало отмахивалась от комара, всё понимая и, видимо, не зная, как теперь перебиваться на склоне лет.

Поговорив с хозяйкой о детях, о видах на урожай, он с легкой душой отправился в монастырь, и шел туда как в дом родной. На Подгорной же обещал побывать в конце лета, когда придет сын за яблоками и картошкой, и надо будет платить налог. Тогда отдаст сыну ключи от дома, и пусть он сам потом хозяйничает: рассчитывается с Анюткой, привозит на отдых жену и сыновей, а то уж забыл, когда привозил их, а они, наверное, давно соскучились по знакомому месту.

СМЕРТНЫЙ БОЙ

Впервые они встретились на активе землячества: десантник и морпех. Десантник работал механиком на автобазе, примкнул к сообществу недавно, пообещав бесплатно отремонтировать «земляческий» автомобиль, после чего сразу стал своим человеком. Тридцатипятилетний морпех, сотрудник известной торговой компании, имевший опыт работы в комсомоле, в землячестве считался завсегдатаем, поэтому давно

возглавлял молодежную секцию. Он младше десантника на двадцать лет, но что значит разница в возрасте там, где нет званий и должностей. Поэтому их и называли просто, по-свойски — как по именам: Десантник и Морпех!

Все, кто объединялся в землячества, ставшие модными лет десять-двенадцать назад, в столице оказывались по-разному: кто приезжал на работу, кто после учебы, удачно женившись или выйдя замуж, навсегда оставался в первопрестольной. Жизнь складывалась у каждого по-своему, но всех приезжих москвичей мучила ностальгия по оставленной малой родине. Поэтому любое упоминание о ней тотчас навевало чувственные воспоминания. Новые москвичи всегда были необыкновенно рады встречам с земляками из родной области, не говоря уж о родном городе или селе. И Десантник с Морпехом не исключение.

Если во время первой встречи они лишь приглядывались, то во вторую начали подначивать друг друга, занявшись извечным спором десанта морского с десантом воздушным. Каждый представитель этих родов войск считал себя несомненно авторитетнее и готов был это доказать кому угодно. К концу встречи в офисе землячества, закончившейся традиционным застольем, вполне созрели для выяснений отношений и шутиливо поборолись на руках, для начала согласившись на ничью. Когда же неожиданно выяснилось, что они родом из соседних сёл: Десантник — из Коммунара, а Морпех — из Борьбы, то всё изменилось, потому что между их селами жила старая вражда. До революции 1917 года названия они имели иные, но с приходом к власти большевиков, религиозные названия отменили, церкви в них поломали, и всё это делалось неспроста, так как сёла эти когда-то стояли на Засечной черте, поэтому и получили расплату за казачье прошлое. Хотя к казакам их давно не причисляли, но дух государевых поселений, свободных от крепостного права, прижился твердо и навсегда, и какие бы перевороты и войны ни проносились по стране, какие бы реформы ни затевались — ничто не могло уничтожить в потомках горделивый дух. А где казаки — там и уклад жизни особый, не похожий на прилегающие районы. Там, к примеру, чужой человек пройдет по селу, и никто с ним не здоровается, а в Коммунаре да Борьбе каждый доброжелательно поклонится, даже дети и старики. И еще отличались эти два села от окрестных традицией кулачных боев. Вплоть до середины прошлого века на Крещенье и Троицу сходились бойцы и мерились силой и ловкостью.

Десантник с детства помнил, как сшибались стенка на стенку. Зимой бились свои — один край на другой, а на Тро-

ицу собирались у пограничной речки Бродницы и ждали, когда из-за нее придут ловченные мужики из Борьбы. И едва те переходили мост, как обе стороны вступали в схватку. Начинали ее подростки. Потом бились взрослые: молча, яростно, словно очередной бой был последним в жизни. В конце концов кто-то давал слабину, и тогда гнали проигравших с криками и улюлюканьем до центральной площади чужого села, чтобы там закрепить победу! Десантник по малолетству не успел поучаствовать во взрослых сшибках, но разок напросился задраться на чужих пацанов и представлял, что это такое: ходить стенка на стенку!

Ежегодная та забава продолжалась до середины шестидесятых годов, когда в очередной сшибке погиб отец Десантника, но погиб случайно, из-за фронтовой инвалидности не участвуя в кулачках. В тот день он мирно ковылял центральной улицей Коммунара, когда его обогнали односельчане, оказавшиеся в тот раз в меньшинстве и спасавшиеся от преследователей из Борьбы. Подвыпивший отец не думал ни от кого хорониться, знай себе, хромал, стуча протезом, размахивая спяну руками, и его, видно, приняли за коммунарского заводилу. Поэтому и шибанули попавшего под горячую руку. Отец неловко хлобыстнулся затылком о голяш мостовой и остался лежать недвижимым. В тот же час его отвезли в районную больницу, где он через пять дней, не приходя в сознание, скончался. Следователи пытались найти виновного, но разве сыщешь того, кто в сваре кому-то хорошенько ввалил?! Бесполезное дело. А чтобы более не повторялась такая история, милиция жестко пресекала любые попытки кулачных боев. Даже конспирация бойцам не помогала, когда они несколько лет пытались тайно собираться вдали от сёл, но и там их выслеживали: всех прочих разгоняли, а зачинщиков арестовывали и пятнадцать суток «остужали» в местных застенках. Но это тогда наказанием не считалось. Отсидев полмесяца на казенных харчах, они потом героями ходили по селу, любая деваха почитала за счастье пройти с таким «арестантом» после вечёрки.

Теперь эта молодецкая забава подзабылась, бывшие бойцы состарились и поумирили, молодежь разъехалась по городам. И если уж им приспичит по пьяной лавочке пободаться, то бодаются обязательно «насмерть», хотя прежде-то и слова такого никогда не произносили, берегли его для настоящего врага, закордонного.

Да, со временем окончательно отучили сельчан от кулачных боев, зато Морпех и Десантник сразу вспомнили старинный обычай, когда ехали по «серой» ветке метро домой:

одному добираться до «Пражской», другому — до станции «Аннино». Когда они вошли в вагон, то заполнили его собой чуть ли не наполовину: оба крупные, плотные, с огромными ручищами, непомерно мордастые — в глаза посмотреть таким страшно! И не молчуны. Особенно словоохотливым был Морпех.

— Отец даже какого-то коммунарского мужика однажды до смерти зашиб! — похвалился Морпех, распалившись и вспоминая былые рассказы отца. — Правда, мужик тот колченогий погиб случайно: в схватке не участвовал, а попал нашим под горячую руку!

Десантник сперва не проникся смыслом похвальбы, но когда Морпех еще что-то добавил насмешливое, то сразу, теперь по-настоящему, вспомнил своего отца, и всё в нем перевернулось. Получалось, что он сегодня выпивал, а теперь дружески разговаривает с сыном убийцы отца?! Вот так случай! И когда он подумал об этом, то совершенно по-иному посмотрел на земляка. Тот заметил его свирепый взгляд, но, конечно же, не понял причины, а счел вызовом, желанием потягаться силой. Что ж, он — Морпех, и морпехам не след увиливать от любых вызовов!

Из центра ехать минут двадцать пять, и этого времени им хватило, чтобы договориться о немедленном выяснении отношений.

— Чем, земляк, спорить, надо выйти на любой станции и пободаться! Ты не против? — спросил Морпех.

— Запросто! — охотно согласился Десантник, вспомнив погибшего отца.

— Только бодаться будем насмерть! — предложил Морпех. — Согласен?

— Договорились! Хотя наши отцы бились до первой крови и лежачих не трогали. Знаешь об этом?

— Знаю, но теперь прошли старые времена. Где выйдем?

— Давай на твоей «Пражской»!

Предложение биться насмерть Десантника не испугало, потому что заявлено оно было Морпехом сгоряча, явно для красного словца. И он, конечно же, ничего не знал о давнишней потере Десантника. Да и, понятно, не собирались они убивать друг друга. Схлестнуться — да, это верно, если уж сошлись. Ведь где Коммунар с Борьбой сходятся — быть драке!

Болтливые до этого, они, обдумывая схватку, сразу замолчали, до конца, видимо, не осознавая, в какую втягиваются затею. Но слово было сказано и принято, и отступать поздно. Им оставалось проехать два перегона, и оба эти перего-

на они не смотрели друг на друга. Лишь когда поезд начал тормозить и Десантник, которому надо было выходить через остановку, шагнул к выходу, неожиданно быстро протрезвевший Морпех спросил:

— Десант, ты чего? Seriously, что ли?

— Договорились же... К тому же не я предложил биться! Пойдем!

Морпех промолчал, вышел следом за пригнувшимся в дверях Десантником. На улице напомнил о себе:

— И ну и где тут биться — милиции полно?! — осторожно спросил он, раздумываясь от захлестнувшего волнения.

— На другую сторону Варшавки перейдем! Там темно и луговина широкая!

Морпех ничего более не сказал, лишь засопел сильнее. Они перешли шоссе по подземному переходу, вышли на луговину, примыкавшую к улице, ведущей в Бирюлёво, и с асфальта ступили на мягкий и мокрый луг, раскисший от ноябрьских дождей.

Неподалеку стояли люди на автобусной остановке, и им, видимо, было невдомек, зачем и куда направились два увесистых подвыпивших мужика. Они бросили на луговину куртки и приняли боевые стойки. Если бы кто-то мог услышать их разговор, то вполне мог подумать, что два мужика шуткуют. А те и не думали ни о чем другом, кроме как о схватке.

— Начинай! — предложил Десантник. — Молодым везде у нас дорога!

И Морпех не заставил себя ждать. Махнул правой, левой, и Десантник едва успевал уворачиваться, чувствуя, как кулаки противника обжигают кожу на скулах. «Молоти, молоти, — подумал он, — еще пару—тройку раз махнешь, и прыть-то с тебя сойдет! И останется только подловить тебя на очередном замахе...» Он даже представил, продолжая уклоняться от достаточно редких, но хлестких ударов, как врежет противнику, как тот запрокинется и обмякшим мешком завалится на луговину.

Продолжая пятиться, Десантник в какой-то момент почувствовал, что сам оступился, и сразу попытался выпрямиться, но не сумел. Ему показалось, что падает он неожиданно долго, даже и не падает, а куда-то мягко проваливается, успевая все-таки подумать, что надо бы вывернуться, упасть не плашмя, а, сгруппировавшись, чтобы успеть подняться и встретить противника новой стойкой. Но почувствовал, что не успевает сгруппироваться, не может сконцентрироваться и по-настоящему понять, что происходит, не может раскинуть руки и смягчить приземление на спину.

«Наверное, так и отец думал, когда летел на булыжную мостовую, прежде чем хрястнуться...» Эта секундная мысль об отце пронеслась и забылась Десантником, потому что его тело не хотело слушаться. К тому же он не просто падал на спину, а запрокидывался, и уж новая мысль прожгла, когда вспомнил условие, что биться они будут насмерть. Морпех не виноват, что противник поскользнулся, он даже и спрашивать не будет ни о чем таком, не будет дожидаться слов о пощаде. И Десантник в отчаянии решил: «Теперь ногами забьет!» И то ли от безысходности, то ли отпустив сознание в свободный полет, — перестал думать, мысли его провалились в черную яму, а напоследок мелькнула другая мысль, радостная: «Вот и хорошо, что так, — не больно будет помирать!» А следом резанула еще одна: «Что же я так быстро сдался, кличу смерть раньше времени?! Ведь сразу-то все равно не помру!»

В какой-то момент он даже чувствовал удары, но они казались совершенно безболезненными, на них реагировало лишь расслабленное тело, ставшее почему-то удивительно податливым. И Десантник решил, что действительно умрет, если его тело чувствует удары, но не чувствует боли. Значит, уговор их исполнится! Что ж, всё по закону! За слова надо отвечать! Ему предложили, он согласился! Претензий нет и быть не может! Только показалось обидным делом погибать от сына убийцы отца.

Десантник не мог знать, сколь долго терпел удары, только чувствовал после короткого затмения, что чем дольше терпит их, тем более приходит в себя; он начал чувствовать боль, и она заставила напрячься, заслонить руками голову и бока и в какой-то момент попытаться подняться. Сразу это не удалось, с колен он опрокинулся от нового удара, но, уже падая, вдруг налился силой, окончательно вернувшееся сознание заставило вдогонку зацепить ногу Морпеха и подсесть его самого. Всё происходило автоматически, словно во сне. И тот грохнулся рядом, и, видимо, приложился неудачно — так, что даже мягкая луговина не помогла. Какой-то доли секунды Десантнику хватило приподняться и в прыжке подмять противника, оседлать его. Теперь тот распластался на спине, а Десантник в отместку за свою боль, в отместку за своего отца, с правой и левой лупил по скуластому лицу, как по боксерской груше. От первых двух-трех ударов Морпех увернулся, а от последующих лишь хрипел, сдерживая себя, чтобы не сорваться на стон. Но все-таки сорвался.

— Прости, Десант! — негромко просопел он, и только после очередного удара взмолился, даже не попытавшись скинуть с себя противника: — Хватит, сдаюсь!

Хотел Десантник напомнить о договоре «биться насмерть», но не стал размазываться разговорами, лишь, опять вспомнив отца, хрюстнул напоследок по раскисшей от крови и соплей физиономии и подумал, что если бы бились действительно насмерть, то остался бы валяться Морпех на луговине бездыханным. Ничего не сказав поверженному и униженному противнику, хотя он сам себя унижил просьбой о пощаде, Десантник поднялся, подхватил валявшуюся куртку и молча пошел к метро, где поймал частника и через десять минут был у себя в квартире.

Не раздеваясь, в кухне попил из чайника, зашел в ванную комнату, заглянул в зеркало и порадовался, потому что кроме двух ссадин на скулах, вид у него был вполне приличным; правда, левый глаз, обозначенный понизу кровавым ободком, успел затечь. И по-прежнему всего колотило от не проходящего возбуждения, как от озноба. Жена сразу заметила суету и укорила, взглянув на него, хотя и знала его натуру:

— Опять, что ли, с кем-то сцепился?!

— Ничего страшного... — отмахнулся он, только-только заметив, что свитер на локтях и джинсы на коленках блестят от мокрой жирной глины. И ничего не стал объяснять. А жена — спрашивать, зная, что все равно ничего не услышит путного, лишь напомнила, подав домашнюю одежду:

— Иди под душ да переоденься, свинтус! Уж седой наполовину, а всё силой меряешься!

Она вроде бы поругала, но разве это ругань. На нее Люся просто не способна, потому что с юности знала, каков ее муж. Она и познакомилась с ним в тот вечер, когда он отбил ее от трех подвыпивших хулиганов, от которых испуганная студентка спасалась чуть ли не бегством. А он остановил их, раскидал как щенят, а после проводил ее до дому и даже имени не спросил, а когда она любопытствовала, кто он, где живет, — стеснительно указал на окна светившегося неподалеку общежития автокомбината. Ее это не смутило, она пригласила на чай, познакомила с родителями, назвав его героем, а он в тот вечер страшно смушался, совсем не геройски. Но потом привык к новым людям, а через два месяца женился на Люсе и переселился к ней.

Уединившись, Десантник немного успокоился, мало-помалу пришел в себя, хотя недавняя схватка продолжала будоражить, а более всего — тот момент ее, когда он ни с того, ни с сего запрокинулся навзничь. И было непонятно: то ли сам пошатнулся, то ли Морпех послал в нокаут, и сделал это так ловко и умело, что родил в Десантнике мысли о собственной слабости. Если это так, то тогда и вовсе стыдоба, ибо

никто в жизни не отправлял его в нокаут. Он просто не позволял это делать, действуя на опережение, используя силу и длину рук. А в этот раз, получается, позволил. Лишь одно радовалось: хоть немного, но отомстил за отца!

В ванной он разглядел себя и, помимо саднящей челюсти и заплывшего глаза, почувствовал боль в боках, и, повернувшись к зеркалу, увидел выделявшиеся кровавыми прутьями ребра, подумал: «Хорошо он меня отделал!» Но Десантник все равно радовался, что, пусть и с осечкой, но оказался победителем, хотя и не в смертельном поединке, но по-настоящему мужском, без скидок. Правда, чем дольше вспоминал «смертный бой», тем неприятнее становилось на душе. Получалось, что Морпех лупил ногами лежачего, как и сам он потом чуть не добил его, распластанного на лопатках. «Со всем мы гнилые стали, озверели, можно сказать, если уж своих лупцем почем зря, без всяких правил!» — подумал Десантник. Огорчившись от этой мысли, он не стал более накручивать себя, поспешно вышел к жене раскрасневшимся, ошалелым.

— Глаз-то припудри! — предложила она. — А то скоро дети придут.

— Ловко придумала! Зачем из меня мамзель-то делаешь?! — огрызнулся он и надолго замолчал.

Даже собравшиеся к ночи сын со снохой и внучкой-шестиклассницей не смогли отвлечь, задавая лишние, как казалось, вопросы. Он всегда был словоохотлив с ними, а в этот вечер не мог взглянуть в глаза. Хорошо еще, что жена успела выстирать джинсы и свитер, а то бы совсем стыдоба. Поэтому Десантник устроился спать пораньше, пока домашние сустились в кухне. И даже заснул, а когда пришла Люся — проснулся, но сделал вид, что спит, хотя знал, что теперь долго не уснет от мыслей. А в мыслях всё то же: луговина, неожиданное падение и подмоченный вкус победы, казавшейся теперь неполной и почти случайной.

Он, конечно, заснул, а проснулся с новой мыслью, будто всю ночь вынашивал ее, а к утру она прорезалась, да так крепко запала в сознание, так прилипла, что от нее никуда не деться. Она подсказывала, гласила: надо еще встретиться на луговине, чтобы чувствовать себя окончательным победителем. Или проигравшим. Это уж как повезет, но в любом случае встреча должна состояться. И чем раньше, тем лучше. Но эта мысль в нем жила лишь до того момента, когда он поднялся с постели, еле-еле разломался, а после тяжело добрался до работы, скрыв глаза за темными, не по сезону, очками. К этому часу мысли о Морпехе окончательно переменялись.

Он даже знал, что скажет ему при очередной встрече, как шутливо напомнит бой, а после предложит хряпнуть по рюмашке, и поедут они домой настоящими земляками. И ничего более не будут вспоминать. Особенно — он. Чего теперь травить душу, когда ничего не изменишь? Через две недели намечалась новая встреча в землячестве, и новая их встреча пройдет по совершенно иному сценарию. Теперь без дури. Хватит, намахались!

Всё бы так, наверное, и было, но через неделю Десантнику позвонила секретарь землячества и скорбно сообщила, что будут хоронить... Она назвала фамилию, а он не сразу сообщил, что услышал фамилию Морпеха!

— Что с ним? — спросил Десантник совершенно искренне.

— Его кто-то сильно избил недалеко от дома, когда возвращался с землячества!

Десантник от этих слов чуть не задохнулся, невольно спросил:

— Как же его угораздило?

— Он ничего не помнил... Вечером вернулся домой, ему вызвали скорую, и по дороге в больницу он впал в кому. Через пять дней скончался от обширного кровоизлияния... Так что, — она уважительно назвала Десантника по имени-отчеству, — приходите, пожалуйста, завтра в траурный зал больницы. — Она продиктовала адрес, время начала церемонии.

Десантник не сразу осознал суть звонка, лишь почувствовал, как затряслись руки и ноги, тошнотворно закружилась голова. Получалось, что бой у них оказался действительно смертным. И кто теперь из них виноват, кто должен отвечать?! Получалось, что только он, Десантник, оставшийся в живых. Хотя мог и не остаться. Но теперь это неважно. Теперь вся вина на нем, он — преступник! Теперь надо идти в милицию и заявлять на самого себя! От этой мысли он так изменился в лице, что, вернувшись в кухню попить, пошел холодным потом.

— Чего такой бледный? — спросила жена, словно у безнадежно больного.

— Сердце защемило! Земляк умер...

— Сейчас валерьянки накапаю! — засуетилась перепугавшаяся светловолосая Люся, сразу потемневшая лицом.

Десантник захотел тотчас всё рассказать и действительно отправиться в милицию, но пожалел жену, увидев, как она переполошилась; значит, видок у него был тот еще. Он не стал противиться, выпил мутной жидкости, и жена проводила в спальню, оставила одного: мол, лежи, приди в себя.

Ночь он провел в полудреме, продолжая обкатывать в уме различные варианты действий, но окончательно ни к какому

не прибился. Так и поднялся задолго до рассвета душевно разбитым, не определившись. Находясь словно в угарном тумане, побрился, принял душ, надел черную рубашку, серый пуловер. Положил в карман паспорт. Пока возился, понял, что не сможет сегодня быть на похоронах. Сил не хватит смотреть на всё, что там будет происходить. Так что проведет время в каком-нибудь пивном баре, отсидится, еще раз всё обдумает. А в милицию всегда успеет. Да и с какой это стати он должен себя сажать?! Морпех ведь сам напросился и получил, соответственно. «Конечно, горько, что всё так закончилось. Но разве не горько мне было хоронить родного отца?! Разве не обидно было расти сиротой? И отец мой никого не трогал, а тут герой выискался, смертного боя ему захотелось! А ведь, наверное, у него дети теперь остались сиротами, каково им будет? И всё из-за чего? Из-за пьяной дури своего отца!» Десантник искал оправдание, которое помогло бы убедить себя и скрыть всё то, что произошло неделю назад, как это было ни противно. «Если бы искали — давно бы нашли. Ведь на автобусной остановке люди толпились! Наверняка кто-нибудь видел драку, да и трудно меня не заметить и не запомнить, когда я шел ловить машину! Значит, никто не обратил внимания, что и неудивительно, если в нынешнее время у всех ко всему полное безразличие. А если кто-нибудь и заметил — не будет связываться с органами! — продолжал размышлять Десантник. — Морпеху теперь ничем не поможешь, а каково будет перенести такой удар моей семье?! Жена с ума сойдет! А сыну что скажу, снохе, внучке?! Как буду на суде смотреть им в глаза?! В общем — беда. И страшная беда, страшнее не придумаешь!»

— Поаккуратней будь на похоронах-то, если сердце вчера прихватило! — предупредила жена. — Не особенно увлекайся поминками-то. Тебе не тридцать лет!

— Постараюсь! — только и сказал он и подумал: «Знала бы ты, в какую историю попал твой муж, совсем по-другому говорила бы?! И хорошо, что ничего не знаешь!»

Ему захотелось по-особенному расцеловать жену, милую терпеливую Люсю, с годами не растерявшую девичьей стройности, прижать к себе, почувствовать, какая она маленькая по сравнению с ним, беззащитная, сказать какое-то особое нежное слово, посоветоваться, но он и вида не подал, единым словом не обмолвился о своих переживаниях и сомнениях. Если всегда он делился с ней в трудные минуты, то сейчас не смог, язык бы не повернулся. Конечно, ему надо было еще вчера собрать домашних и рассказать всё как есть, хотя и трудно это было бы сделать, заранее зная, как они отнесутся

к его откровению. Ведь у всех высшее образование, а в его активе лишь курсы автомехаников. Поэтому его всегда учили во всем, а в этот раз и вовсе привязались бы. Сын — тот сразу пригвоздил бы: мол, давно предупреждал, чем закончатся отцовы выкрутасы... Но что он, кандидат наук, понимает в жизни, что знает о своих предках, для которых честь превыше всего, и запятнаешь ее, хотя бы перед самим собой, — это пятно будет всю жизнь чернеть в душе! Так что с ним всё понятно, тем более что он и внешне и характером похож на мать-учительницу. Хотя Люся сразу ничего не сказала бы, а сперва замерла бы испуганно, обозвала бы свинтусом, убежала бы в спальню и, наревевшись, вышла бы оттуда в том состоянии, в котором от нее вообще не добьешься ничего дельного. Сноха, работавшая менеджером, — та посмей и пооткровенней, вполне могла сказать, как к стенке припереть: «Чего уж, дед, иди и сдавайся! Может, снисхождение будет!» Да, всё так и было бы, а он не смог бы по-настоящему ни объяснить ничего, ни оправдаться перед домашними! Поэтому и промолчал вчера, а теперь, представив несостоявшийся разговор, превозмог сам себя, будто перешагнул черту, за которую было страшно даже заглянуть... Когда жена, проводив внучку в школу, ушла на работу, он позвонил на автобазу, предупредил, что идет на похороны, и попросил не ждать его сегодня.

«И вообще пусть не ждут. Долго-долго!» Эта мысль родилась, едва он закрыл квартиру. В этот момент был готов ко всему, потому что всё, от чего мучился ночью, ища различные ходы спасения, — всё это настолько показалось противным, что он более не хотел об этом думать. Не хотел подличать перед собой, перед памятью отца, перед погибшим Морпехом, перед своей семьей. «Всё, иду в отделение! — решил он, будто гвоздем проткнул себя. — Двум смертям не бывать, а одной не миновать!»

У подъезда все-таки поколебался секунду-другую, но повернул не к метро, а в другую сторону — к парку, за которым находилась милиция. Ноги, казалось, не шли, но он погнал себя, даже хмыкнул сквозь невольные слезы: «Вот тебе, милоч, и смертный бой!» Когда оказался рядом с отделением, Десантник опять вспомнил семью, но остановиться не смог. Торопливым рывком, словно боясь, что передумает, рванул тяжелую стальную дверь, на секунду задержался, и поспешно захлопнул ее за собой.

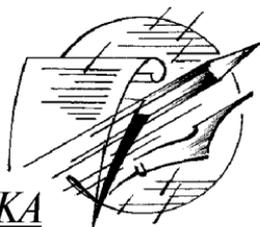
ЗАКОНЫ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕТЕЙ

Стратегии и приёмы ювеналов

В стране не прекращается невидимая, но напряжённая борьба между двумя силами — родителями и ювеналами. Сражение идёт на поле семьи, и итогом его станет либо полная и окончательная победа здравого смысла и истинных ценностей, либо атомизация общества и расчеловечивание каждого из нас.

Битва вокруг законов о социальном патронате и об общественном контроле за детьми-сиротами выходит на новый уровень: как раздражающий общество фактор председатель профильного думского Комитета Елена Мизулина временно отправлена в тень. Вместо неё на сцену вышла «симпатичная, обаятельная и позитивная» Ольга Баталина, депутат Госдумы, а по совместительству — «заместитель секретаря Генерального совета партии «Единая Россия».

Приём не новый — точно так же невидимые режиссёры нашей жизни поступили в 2010 году, когда Указом президента была введена должность Уполномоченного по правам ребёнка при президенте и на неё был назначен не вызвавший симпатии обще-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ства Алексей Головань, что совокупно вызвало целый шквал общественных протестов.

В ответ на это возмущение в конце декабря 2010 года А. Головань был по-тихому освобождён от своей должности, и на смену ему пришёл «человек из ящика» — шоумен, «гламурный красавчик с лучезарной улыбкой», шагающий прямо в дом с голубого экрана к уставшему после трудового дня зрителю, чтобы дать понять, что «кто-то имеет проблемы покруче, чем у меня»; можно сказать, личный друг каждого телезрителя, Павел Астахов.

Всё было точно рассчитано — и канун Нового года, и нужный телеобраз, и угадываемый флер дорогого парфюма. Встречный огонь при лесном пожаре. Народ обрадовался, что его мнение услышали и убрали-таки Голованя, не заметив при этом, что сам «уполномоченный»-то остался. Цель была достигнута, и антиконституционная и незаконная должность воцарилась в правовом пространстве России.

Елена Мизулина, продвигающая основной массив анти-семейных законов, при анализе её деятельности и особенно излюбленных приёмов для её осуществления, удивительным образом объединила всех — и народ, и депутатов, и чиновников, и общественность, сфокусировав на себе весь негатив общественной оценки. Этим она подготовила почву для появления «героя» Баталиной — на том же поле, с теми же целями и задачами, но — «хорошего». «Добрый и злой полицейский» — приём старый, весьма известный, но эффективный, и посему активно используемый.

Новый игрок на старом поле

Итак, «злой полицейский», хотя бы и временно, ушёл, «добрый» — остался. И мы уже заметили, что «стало как-то поллучше», «как-то позитивнее». И мы уже рады, что на этом поле сейчас нет человека, который давно никому не говорит правды. И мы при этом совсем не видим того, что осталось взамен.

А взамен осталось тщательно скрываемое и непрекращающееся продвижение законов о социальном патронате и общественном контроле за детьми-сиротами, равно как и остальных из «списка девяти».

Ольга Баталина, выпускница Поволжской академии государственной службы, кандидат экономических наук, заместитель председателя Комитета Госдумы по делам семьи, женщин и детей приняла эстафетную палочку и повела генеральную линию дальше.

Активная и успешная (за плечами пресс-служба губернатора Дмитрия Аяцкова, пресс-служба регионального ГУ ЦБ во времена Юрия Зеленского, Саратовская гордума, администрация областного центра, исполком ЕР, «Объединённый народный фронт»), 24 сентября 2012 года в интервью для СМИ и в личном блоге она изящно рассуждала о социальном патронате: «Беспокойства противников ювенальной юстиции беспочвенны. Социальный патронат не только не расширяет возможностей для изъятия детей из кровных семей, но, напротив, протягивает руку помощи тем семьям, которые в ней нуждаются». Правда, при этом оговорилась: «Это не значит, что в законе нет изъянов. Конечно, он требует доработки, что наш комитет и будет делать с привлечением экспертов при подготовке этого закона ко второму чтению».

14 ноября СМИ растиражировали её заявление о том, что законопроект о социальном патронате должен получить общественное одобрение. А 15 ноября О.Баталина провела в Госдуме заседание рабочей группы по подготовке закона об общественном контроле за детьми-сиротами. Обсуждались поправки, способные подретушировать закон, скрыть внешние признаки опасности, но никак не изменить его суть. Заседание прошло спокойно и позитивно. Всё делается аккуратно. Избранные общественники, присутствовавшие на этой встрече, умиротворённо и благостно помалкивали. А впереди — обещанная О.Баталиной подготовка закона о социальном патронате ко второму чтению.

Механизмы «общественного одобрения»

Понимая роль нового проводника идей, отнесёмся со вниманием к словам. А что, если фразу «законопроект о социальном патронате должен получить общественное одобрение» мы читаем с неправильным ударением, ставя его на словах «общественное одобрение», надеясь, что этого самого нашего одобрения депутаты будут добиваться? А ну как ударение стоит на слове «должен», и несмотря на наше мнение, мы **должны** его просто одобрить? Ведь для «общественного одобрения» уже давно созданы все необходимые механизмы, это же изобретение нашего времени — при принятии непопулярных решений и разрушительных законов прикрываться мнением народа. Как говорилось в ироническом стишке предперестроечного времени: «Вчера опять по требованью народа В стране подорожала колбаса».

Для реализации этой технологии и была в своё время создана Общественная палата РФ и её региональные аналоги.

Вслед за ними каждое ведомство также обзавелось своей структурой «одобрения» — Общественным (иногда — экспертным) советом. Создали Общественные советы при своих структурах и Уполномоченный по правам ребёнка при президенте, и его региональные коллеги, которых он отчего-то считает своими подчинёнными. Комитет Госдумы по делам семьи, женщин и детей тоже создал Экспертный совет, в который так и не пускают представителей реально работающей семейно-родительской общественности, но зато разбавляют истинных экспертов (которых, впрочем, там тоже не слушают) теми, кто мило улыбается и поддакивает при обсуждении антисемейных законов. В нём среди 136 участников можно выделить несколько групп «по интересам».

Экспертный совет как зеркало истинных намерений

Наиболее представлена в Совете «фракция» по защите гендерного равенства — здесь целых двенадцать человек, весь цвет российского феминизма, активисток, хлопотавших не так давно о принятии закона о гендере: член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека С.Г. Айвазова, директор РОО Московский центра гендерных исследований О.А. Воронина; президент Общероссийской ассоциация женских общественных организаций «Консорциум женских неправительственных объединений» Е.Н. Ершова; проектный менеджер в РФ Регионального Офиса ООН Женщины для стран Европы и Центральной Азии Г.В. Калинаева; руководитель программы «Положение женщины в обществе» Межрегиональной женской еврейской ОО «Проект Кешер» М.Ю. Константинова; руководитель Центра социально-политических исследований Института США и Канады РАН Н.А. Шведова; преподаватель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации Л.А. Василенко; сопредседатель-координатор Совета по консолидации женского движения России Н.В. Дмитриева; начальник отдела Департамента организации социальной защиты Минздравсоцразвития России Т.А. Мельникова; заведующая сектором Института государства и права РАН С.В. Поленина; профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации Н.Н. Коростылева; старший научный сотрудник Института государства и права РАН Е.В. Скурко.

Группа «по защите прав ребёнка» состоит из людей известных: руководитель рабочей группы по разработке «Национальной стратегии действий в интересах детей» Г.В. Семья; активный сторонник ювенальных законов в Госдуме прежнего созыва А.В. Очирова; знаменитая своим изречением, что история Глеба Агеева позволила нам принять 156-ю статью об уголовной ответственности родителей, член Общественной палаты О.Н. Костина; экс-уполномоченный по правам ребёнка А.Н. Головань; руководитель дважды привлёкшего внимание Генпрокуратуры растратами бюджетных средств «Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации», М.В. Гордеева.

Группа по защите женщин и детей состоит из представителей узкого направления: автор метода приготовления средств «фетальной терапии» из эмбрионов (то есть ещё не успевших родиться детей в возрасте 20—22 недель) директор Научного Центра акушерства, гинекологии и перинатологии им. ак. В.И. Кулакова Г.Н. Сухих и его подчинённые — заместители директора по научной работе Л.В. Адамьян и Е.Н. Байбарина.

Особняком в списке стоят М.И. Бабанская и Е.В. Понька — юристы «ЛЭЙТАМ энд УОТКИНС» — американской «юридической» фирмы с глобальной сетью охвата по всему миру.

Общественный совет при уполномоченном как зеркало Экспертного совета Комитета

В состав Общественного Совета при уполномоченном при президенте Российской Федерации по правам ребенка помимо 14 представителей СМИ — крупнейших печатных изданий и телевизионных каналов (верный ход для обеспечения информподдержки!) снова входит М.В. Гордеева; затем президент «Национального фонда защиты детей от жестокого обращения», инициатор введения в стране «Детского телефона доверия» М.О. Егорова; активно продвигавшая анти-семейные законы, будучи замом Е. Мизулиной в Думе пятого созыва, ныне президент некоммерческого Фонда развития женского бокса Н.Н. Карпович; руководитель аппарата Общественной палаты РФ, инициатор продвижения форсайт-проекта «Детство-2030» Алина Радченко; директор региональной общественной организации социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит», продвигавшей в России в числе прочих программы Шведской Ассоциации сексуального просвещения (ШАСО), М.М. Русакова — именно ей Павел Астахов предложил возглавить комиссию

по организации общественного контроля за детьми, находящимися в интернатах, открыл для НКО доступ к ничьим детям.

И удивит ли кого-то тот факт, что в новый состав Совета по правам человека (СПЧ) при президенте снова входят С. Айвазова (гендерное равенство) и А. Головань (общественный контроль за сиротами), а также целый ряд «защитников прав детей» (которые требуют отдельного разговора)?

Если отталкиваться от цели создания таких Советов — то их состав лучше всяких буклетов рассказывает о главных приоритетах и связях. Какие идеи могут поддержать представители Общественного Совета при уполномоченном при президенте? Да такие же, что и представители основного (т.е. наиболее представленного) состава Экспертного совета Комитета Госдумы по делам семьи, женщин и детей. И те же люди будут в СПЧ снова то же самое советовать президенту. Для того они все и созданы.

Чего добиваются

Итак, в стране существует чётко определяемая группа «агентов изменений», которые контролируют ситуацию, выполняют боевые задачи и держатся достаточно сплочённо в силу безвыходности: не прикроешь поделщика — самого прихлопнут. Количество их невелико, но они активны, встроены в ключевые позиции, имеют мощную внешнюю поддержку.

Результатом их деятельности, по всей видимости, будут гендерное равенство, ликвидация единого культурного поля и традиционных ценностей, уничтожение института семьи и института родительства (антисемейные законы), сокращение рождаемости (законы о репродуктивных правах, абсолютизация права на аборт, суррогатное материнство, половое просвещение детей). В общем, всё по списку.

Тараном в этом «отряде смерти» должны стать два ключевых закона — закон № 42197-6 о социальном патронате и закон № 3138-6 ФЗ об общественном контроле за детьми-сиротами.

Закон о социальном патронате, как бы ни успокаивали нас сладкими речами, — это отмычка в мир семьи, бесцеремонный взлом её стен и уничтожение её охраны. Локализация родителей и превращение их лишь в детородную функцию. Появление нового вида производства — создание детей и передача их новым «истинным» хозяевам — государству и ангажированным Западом некоммерческим организациям

(НКО). Появление нового вида товара (дети) и формирование новых сегментов рынка (экспорт детей).

Закон об общественном контроле за детьми-сиротами — это закон о контроле за детьми, отобранными у родителей, ведь в детских домах находится много таких детей, процент истинного сиротства там очень мал. После принятия этого закона в стране будет создана очередная вертикальная структура власти, основной функцией которой станет получение права на детей, отобранных у родителей, и делегирование его «иным лицам и организациям».

Законы, которые нас сейчас заставляют принимать — это новые правила обезумевшего мира. Это — законы «перераспределения детей»: от бедных — к богатым, от нормальных — к развращённым, от русских — к инородцам, от любящих — к убивающим.

Так будут «перераспределять» детей России в мир, уже уничтоживший свои ценности и устои, уже пожирающий своих детей и алчущий детей наших.

Так, наверное, вскоре привыкнем делать и мы, если не случится с нами великого прозрения.

ПРОВИНЦИЯ ОТЕЧЕСТВА

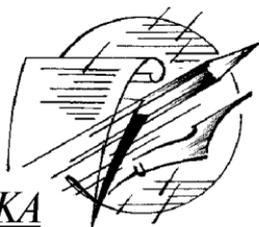
ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ЯВЛЕНИЕ ПУШКИНА

— Едут и едут... — недоумевала женщина, основательно усевшаяся в плохоньком автобусике, направлявшемся из Пушкинских Гор в Псков. — А чего там делать, в этом Михайловском? Ну, чего там делать?!

Уже на всё идут местные власти — и на Псковщине, и у нас, в Липецкой области, где каждый год в добровском селе Коренёвщино, материнской прародине поэта, тоже устраиваются пушкинские праздники, — чтобы привлечь народ к культурному времяпрепровождению. И ремесленные ярмарки организуют, и книги с картинами продают, и пирожками торгуют, и даже шашлыки жарят: ешьте, гости дорогие, не скучайте.

Ан, нет, скучают. Тогда нате вам, пожалуйста, ещё: и песни бардовские, и пляски народные, и хоры с ансамблями, и детские выступления. Уже поэты псковские сетуют: у нас если поэтический праздник или фестиваль — так обязательно с музыкой! Этак мы совсем вкус, слух, чутьё к слову отобьём, облегчая, упрощая его восприятие.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Чиновники уверены: не котируется слово. Впрочем, для этого в государстве и сделано, и делается очень много, сверхмного. Поздно, видимо, сетовать. А по-честному, никто и не сетует.

Просто проводят раз в год Пушкинский праздник — и всё. Собираются с духом, с деньгами, местных поэтов и энтузиастов подключают, московских приглашают, сцену оформляют, поляну подстригают. Как-нибудь да будет. Никогда так не было, чтобы не было никак: меткое английское выражение для сегодняшней русской жизни.

Нет, я не хочу сказать, что в Пушкинских Горах Пушкинский праздник проходит кое-как. Люди готовились: и сцену устроили, и огромную культурную программу на всю первую неделю июня организовали. Но надо было видеть, сколько народу прибыло на праздничную поляну, чтобы послушать стихи...

В тот самый час тишины, в который, по замыслу организаторов, на поляне не должно было звучать ничего, кроме стихов, ничего и не звучало. Даже стихи. Их читали, но они не звучали. Почему — не знаю. Может, вступительных слов было больше, чем поэтических. А может, слишком монотонным, невыразительным было само чтение. А может, микрофон плохо работал. А может, слушать было некому.

Под это «незвучание» мы с Аллой Линевой, еще одной липецкой поэтессой, с которой мы дружим много лет и с которой уже в третий раз побывали в Святогорье, покидали 2 июня эти святые пушкинские места.

Прикипели мы к ним душой — и при первой возможности рвемся в этот неблизкий для нас край, чтобы дышать и не надыхаться молитвенным воздухом, смотреть и не насмотреться на изумительные акварельные пейзажи, слушать и не наслушаться шепота трав и щебета птиц, стоять и не настаивать у стен Святогорского Свято-Успенского монастыря, где похоронен Пушкин, уже почти двести лет скрепляющий русскую литературу, русский язык, русский народ своим гениальным словом...

Вышло так, что нам пришлось раньше всех покинуть праздничную поляну в Михайловском, где происходили основные действия главного поэтического фестиваля страны. С сумками наперевес мы вышагивали через лес к шоссе, где нас ждал таксист, чтобы отвезти на Пушкиногорский автовокзал. И правды ради надо сказать, что навстречу нам шли и шли люди в Михайловское.

Так, может, не большая это беда, что не услышали они известных российских поэтов, приехавших почитать им стихи? Может, важнее то, что народ-таки прибывал, что ехали-

таки в Михайловское почитатели Пушкина, что находились еще люди, отложившие в первые выходные июня все свои дела и рванувшие на праздничные мероприятия по поводу Пушкинского дня рождения? Тем более что стихи там должны были звучать не только в час тишины, но и в продолжение всего дня, пусть даже и под гитару, и на фоне песен и плясок, и просто под житейский разговор...

Главное, что там **было что делать** тем, кто благоговеет перед именем Пушкина, перед его стихами, перед его личностью, перед поэзией вообще. Впрочем, там и без праздника есть что делать приезжающим из самых отдаленных уголков России и мира. Трудно даже представить, чем бы там хотела заняться женщина из пушкиногорского автобуса, которой в Михайловском ну просто нечего делать...

К примеру, уже тринадцать лет едут в заповедник участники Пушкинских встреч, организуемых псковским энтузиастом и руководителем тамошней поэтической студии Владимиром Шульцем с помощью регионального отделения Союза писателей России.

Каждый год он рассылает пригласительные письма в разные города и веши не только в писательские организации, но и в учреждения, способствующие распространению Пушкинского слова «по всей Руси великой»: литературные клубы, объединения, библиотеки, музеи, театры. И в мае уже традиционно собирается группа в несколько десятков человек, которые вновь и вновь идут на поклон к могиле Пушкина у стен монастыря, посещают Михайловское, Тригорское, гуляют по тамошним аллеям и паркам.

На этот раз в связи с тем, что шульцевская Пушкинская встреча была включена в программу официального празднования Пушкинского дня и поэтому усечена во времени, многого мы лишились: экскурсии по Пскову, похода в Петровское, на Савкину Горку, в Бугрово с его мельницей, крестьянскими избами и живописным трактиром. Зато как всегда каждый вечер до глубокой ночи мы читали и читали стихи и, чего греха таить, пели песни. И времени нам не хватало! А кому-то здесь нечего делать...

Рассказывать о том, что мы видели и слышали в Михайловском, зряшное дело: вот где лучше один раз побывать самим, чем сто раз довольствоваться описаниями других. Это всё равно что прильнуть к духовному источнику — из него напитаешься сам, но вряд ли утолишь духовную жажду ближнего, даже если он будет внимательно читать или слушать тебя...

Приветствуя участников Пушкинской встречи во Пскове, Валентин Курбатов с сожалением отметил, что на смену

временам, когда 60—70 тысяч людей по пять часов слушали стихи в день Пушкинского рождения, пришли иные времена, когда поэты и слушатели помещаются на одной сцене, при этом первых больше, чем вторых. А когда мы сами убедились, что он недалёк от истины, стало ещё горше.

Однако в последние годы, убеждают нас организаторы Пушкинского праздника, люди потянулись к Пушкину и к поэзии. Слава богу, видимо, наелись до отвала той злополучной колбасы, которою нас так прельщали устроители новой жизни и новой России...

Импортной колбасы теперь вдосталь, а спастись пойдём к Пушкину. Сохраняя по мере возможностей Михайловское и окрестные места, государство и служители заповедника делают большое дело. Они сберегают источник, из которого черпаешь любовь и вдохновение, русскость свою и человечность поддерживаешь, душу укрепляешь.

Однако сила Пушкинского гения столь велика, что если даже исчезнут видимые знаки его присутствия здесь, этой силы не убудет. Всё на этой земле пропитано Пушкиным, живительное его воздействие чувствуешь на каждом шагу.

Так что суть не в памятниках, хотя возле них душа начинает вибрировать, трепетать от близости чего-то сверхъестественного, невозможного, благодатного. Суть в собственной душе, которая отзывается или не отзывается на слово, вмещающее в себя всё, и в высшем своем значении — Бога...

Каждый раз, переступая порог пушкинского дома в Михайловском, ловлю себя на мысли, что хочется перекреститься — как в храме. А в храм ведь тоже ходят немногие. Хотя живут с верою в душе — почти все.

Так и с Пушкиным: к нему в эту поэтическую Мекку, святую поэтическую землю (не случайно, совсем не случайно его могила у стен собора!) тоже выбирают немногие. Но живут с Пушкиным в душе — почти все. Главное, чтобы был этот храм, это поклонное место, эта чудодейственная икона, чтобы было куда приложиться.

— Не волнуйтесь, — успокоил нас таксист. — Весь наш поселок только Пушкиным и спасается. Заповедник — это наша работа, наша жизнь. Пока он есть — есть и экскурсанты, и туристы. Работники культуры, сферы обслуживания, ремесленники, таксисты, — все на заповеднике держатся. Так что и нам его держать. Иначе жизнь здесь замрет...

Вот и думай, кто кого спасает. Кстати, в Михайловском прозвучало, что всего по России Пушкиным кормятся около миллиона человек: переводчики, издатели, иллюстраторы, художники, сотрудники музеев и заповедников, обслужива-

ющий персонал, производители всяческой продукции с пушкинской символикой и так далее. Так что поэт не только духовно окормляет Россию, но и многих питает хлебом насущным. Есть ли ещё где-нибудь в мире такое явление, как Пушкин? Вряд ли...

ЧТО ЛЮДИ СКАЖУТ...

— Ух ты, наркоман несчастный! — Мальчонка лет шести в компании таких же пострелят злится за что-то на худенького белобрысого паренька.

— Сам ты наркоман! — не уступает тот. — А ещё, ещё... ты алкаш противный...

Да мы в их годы и слов-то таких не знали, комментирует моё наблюдение коллега. А у меня по этому поводу двойственное чувство. Слова-то, допустим, «придумала жизнь». Время такое, когда ребятишки сызмала знают о наркотиках и алкоголе. И, к сожалению, не только из фильмов, с лихвой поставляющих им ту самую вредную информацию, доступ к которой для малолеток взялись ограничивать с 1 сентября 2012 года.

Вернее, даже не ограничивать, а просто маркировать, ставить сигнализирующий о пошлости и разврате значок на электронной продукции, которую демонстрируют телевидение и интернет. То есть если раньше ребенок понятия не имел, что ему можно «потреблять», а что — нет, то теперь он будет точно знать, что не предназначено для его невинных глаз и ушей. А если нельзя, то очень хочется. То есть ориентиры будут определены совершенно четко, даже дети не ошибутся. И всё исключительно ради их же блага...

Второе чувство, возникшее после ссоры мальчуганов, невольным свидетелем которой я стала, это маленькая радость. Всё-таки наркоман и алкаш — это для них пока ещё ругательство, негатив, обидные слова. То есть они ещё различают, «что такое хорошо и что такое плохо». И если уж эти слова вошли в их лексикон так рано, то хотя бы имеют непривлекательный, отталкивающий оттенок.

Значит, не всё потеряно в воспитании этих ребят. Родители могли, конечно, и собственным примером внушить своим детям отвращение к пьяницам и даже наркоманам, являясь перед ними во всей своей угарной «красе». Но хочется верить, что это мамы и папы формируют в своих сыновьях трезвый взгляд на жизнь, учат их отличать пороки от добродетелей, фальшивые услады от истинных чувств и радостей.

Однако вот что странно: сетуя на общество, на власть, на телевидение с интернетом, на друзей и улицу, мы тем не менее

очень снисходительны к самим себе. А ведь чем больше опасностей поджидает ребенка на пути его взросления, формирования души, тем больше должны выкладываться мы, родители, чтобы противостоять всем этим влияниям, чтобы победить в борьбе за своих детей хоть противу всего мира, если им овладевают бесы...

А мы, наоборот, словно опускаем руки перед обстоятельствами. Или начинаем биться, когда ребенок уже покатился по скользкой дорожке. Или вовсе делаем вид, что ничего такого и не случилось, слишком просто относимся к тому, от чего душа должна если не разорваться, то выть и стенать...

Оттого и дети наши, вырастая, не испытывают сильных чувств и эмоций, неглубоки и непоследовательны. Это ведь мы не научили их любить и жалеть, не позаботились об их духовном и душевном развитии, не внушили понятия греха и безнравственности, не приобщили к добру, милосердию, ответственности за свои поступки, поведение, будущее...

Вот одна студентка 19 лет познакомилась с парнем. А после знакомства в наше время почти сразу же, если не в тот же день, принято заниматься сексом. Всё произошло очень скоротечно. Так же быстро они и расстались. Когда она обнаружила, что беременна, её бывший «партнёр» уже всюю «спал» с другой подружкой. Поэтому она ничего ему не сообщила.

Родителям девушка тоже не призналась в том, что ждёт ребёнка. Тем более что ждала она его с одной мыслью: родить — и оставить в роддоме. Отказаться. Никто не должен был даже узнать об этом. Училась она в Липецке, дома у мамы с папой в одном из городов области за всё время беременности ни разу не появлялась. Звонила, придумывала всякие занятия — и не ехала.

Когда в роддоме узнали, что молодая мать не собирается забирать ребенка, то с ней стали «работать». Душеспасительные беседы проводил психолог — жаль, что не батюшка. Врачи объясняли, какой это стресс для младенца — с первых часов жизни остаться без матери.

Сообщили бабушке ребенка, что у нее есть внучка. В надежде, что та повлияет на дочь и младенца заберут домой. Тем более родители девушки — люди, что называется, благополучные, порядочные: мать работает медсестрой, отец тоже не последний человек на своем производстве. Дочь у них одна-единственная, а тут еще одна родная кровиночка на свет появилась...

Но бабушка наотрез отказалась забирать ребенка. Такое неудивительно, когда семья пьющая, с куска хлеба на стакан самогона перебивающаяся. Случается, что опустившиеся женщины или их подростки дочери отдают детей государству, чтобы не обречь их на бродяжничество и сутене-

ров. Отказываются от младенцев малолетние матери, социальные сиротки, одинокие несчастные бабы, которые зарабатывают крохи, не имеют своей крыши над головой, родни и подмоги, слабы здоровьем и характером. Но так, чтобы вполне состоятельные взрослые люди отказывались от своей дочки и внучки по непонятным причинам...

— Почему — непонятным? — говорит директор кризисного центра. — Причины они объяснили: в подоле принесла, что люди скажут...

Оказывается, в последние несколько лет это не единичный случай, а тенденция. Только за минувшие полгода в области пять молодых мамочек намеревались уйти из роддома без кружевного свёртка в руках, в котором уютно посапывал бы умиротворенный малыш. И все они — вполне благополучные, без жилищных и материальных проблем женщины.

Причины? Аборт вредит здоровью, может привести к бесплодию. Да и грех это (!)... Нежеланный, незапланированный ребенок... Бросил мужчина, и нет желания поднимать его сына... или дочь... Ну и, наконец, опять это «что люди скажут», осуждение окружающих.

Прямо моралистки какие-то: смертный грех... стыд перед обществом... отмщение за обиду, несправедливость... Но почему не стыдно перед собой, перед ребенком, если уж перед Богом за отказ от собственного чада греха не испытывают?

Не знаю, насколько это утешительно, но в итоге каждую из этих женщин удалось отговорить от их первоначальных намерений. И ни один из их младенцев не стал социальным сиротой, не оказался в доме малютки на казенной койке.

Согласилась взять ребенка и наша студентка — при условии, что из роддома она приедет в кризисный центр помощи женщинам и детям. И поживет там несколько месяцев, пока ее родители не внушат соседям, коллегам, друзьям, что внучка у них появилась из... детдома...

Какая судьба ждет эту девочку, бабушка которой, чтобы надеть платок на чужой роток, готова лицемерить всю оставшуюся жизнь, выдавая собственную внучку за приемного ребенка? Такие вот честные, нравственные люди: не пьющие, не гулящие, да еще чужих детишек воспитывающие...

Старо, как мир: главное, что «скажет княгиня Марья Алексеевна». Да и не княгиня, а так, вообще. Ради этого можно и ребенком пожертвовать. И что тут такого? Не убили же... А теперь даже и не отказались...

Директор кризисного центра сообщила, что за судьбой таких ребятишек опекунские органы следят в течение первого года их жизни. И вроде проблем ни с одним из них пока нет: матери

приходят в себя и постепенно забывают, что отрекались от детей. Что там с ними будет дальше, никому не известно.

Неизвестно также, когда и как наши добропорядочные сыновья и дочери, внуки и внучки становятся пьющими и курящими, наркоманами и бездельниками, лицемерами и подлецами, геями и лесбиянками. Не за внешним ли нашим благополучием и нравственностью при глубинном равнодушии и лениности происходит всякое это зло, которому мы потом почти искренно удивляемся?

Ведь в раннем детстве наши ребятишки, несмотря на то, что общество очень много делает для разрушения их психики и нравственного здоровья, всё-таки ещё различают, что такое хорошо и что такое плохо. Постепенно эта граница при нашем общем попустительстве размывается.

Оказывается, в детских садах у логопедов с каждым годом прибавляется работы. Дети не просто плохо говорят, всё чаще они не говорят вовсе. Потому что в семье с ними не общаются: некогда. Подрастет — сам научится. Сам поймёт. Сам разберётся. Ну а кому надо, им помогают...

Что до нашей студентки, то она всё ещё живёт в кризисном центре. Её дочке уже месяц. Молодая мама нареканий у персонала не вызывает: сама купает девочку, кормит, пеленает. А потом спокойно усаживается перед телевизором и неотрывно смотрит очередное убогое шоу. Малышка в это время и кричит, и сопит, и даже голос подаёт. Мама своим вниманием дочку не балует.

Впрочем, выговорить это слово маме пока не удаётся. Но психологи и воспитатели не отчаиваются: всё-таки девять месяцев внутреннего отречения не могли пройти бесследно. Чтобы сказать «дочка», ей нужно ожить, возлюбить и показать. А это не так-то просто. Особенно учитывая, что её воспитывали в страхе перед молвой, а не перед Богом...

ВАСИЛЬЕВНА

Она никогда ничего не слышала о Розанове, книжек его в руках не держала. Но живет точь-в-точь по его завету: если это лето — чистит ягоды и варит варенье, если зима — пьет с этим вареньем чай...

А еще Васильевна подписалась бы под такими словами Васильевича: делать нужно то, что было сделано вчера. И позавчера. И год назад. Каждую осень, посадив чеснок и побелив хату, она начинает ждать весны. Заточённая снегами и морозом в своей избушке, она изнемогает без любимой работы — копать, сажать, собирать, чистить...

Правда, последнее ей удастся делать и зимой: она с упое-нием чистит снег в своем дворе, который иначе засыплет ее домишко по самую крышу. Да и вообще нравится ей природ-ная жизнь, по солнцу, по ветру, по снегу...

Вот и копает она, вот и чистит, как только ей это удастся. Потом, усталая, на пределе физических сил — всё-таки уже 76 годков — доползает до железной койки в углу, у печки, и впадает в крепкий, непробудный сон, словно проваливается в какие-то иные веси.

Если не очень устала — почитает, пошепчет молитвы, кото-рые она, никогда не записывая, не заучивая, просто знает — и всё. Иные её молитовки очень чудные, с неведомым сюже-том, словами, но она утверждает, что так молились её мать и бабка. И впрямь, не выдумывает же она эти старинные цер-ковные слова, обороты, образы...

Не сумеет помолиться вечером — молится утром. А потом принимается за какое-нибудь дело потяжелше. И тоскует она зимой сильно потому, что снег почистит — а больше-то делать и нечего. Домашних хлопот она избегает. Стирка, уборка, мытье посуды — ну не её это, не её! Из экономии, а она очень любит экономить, заставляет себя латать-перелаты-вать всякие одёжки — старые рейтузы, носки, кофты.

Нет, всё это не последнее, сноха завозит стопками вышед-шие из моды тряпки, в которые Васильевна рядится иногда соседкам на зависть. Но выбросить что-нибудь старое — у нее рука не поднимается. Будет шить-зашивать, латки при-кладывать, а потом радоваться, как у нее красиво, разно-цветно получается.

Экономит она и на еде: утром кусок хлеба с чаем, забелен-ным сгущенным молоком, в обед кусок хлеба... Это чтобы деньги не тратить. Сальце с прослойкой, мясо, рыбку она любит — грешен человек! — но только если угостят, привезут из города: там сын с семьей живет.

Прижимистая, даже скуповатая, Васильевна говорит: эдак и всю пенсию можно проесть! А что там проесть, когда за 36 лет трудового стажа ей насчитали четыре тысячи рубликов в месяц! Вот и не балует себя: копит. Чтобы сыну помогать, строится он. Каждый пятак — в ящичек, в мешочек, в тай-ник: потом ищет, забыв, куда спрятала...

Копит она старательно: свои деньги на еду не тратит, ест, что привезут. Плюс... зарабатывает. Как? Продажей честно произведенной на своём приусадебном участке или добы-той в лесу продукцией. Оттого и ждёт она с нетерпением весну, что начинается горячая пора, которая для неё и есть жизнь.

Ждёт чутко, присматриваясь, прислушиваясь, принюхиваясь к воздуху сада, к заиндевелым, словно затаившим дыхание яблоням, сливам, вишням, к укрытому камышом виноградю, не слишком привычному к черноземным морозным зимам. Но Васильевна не сдаётся, приучает и его оживать весной, как и сама она пробуждается, воскресает с теплом и солнышком к новому лету, к новым заботам.

Поливая, обрезая, сажая, она разговаривает с растениями, деревьями и кустами, даже с клубнями, находя в них какие-то особенности и радуясь их непохожести на других. К клубнике у неё свой подход: с ней она проводит много времени, всячески убажывая и балуя — отсаживает «деток», чтобы «родителям» свободнее было расти и цвести, обильно поливает, громко восхищается свойствами каждого семейства-сорта, которые она как-то различает.

С любовью ухаживает за кустами смородины, крыжовника, за двумя калинами в разных углах сада, тонконогой вишней, с каждым маем готовящейся идти под венец в белоснежном наряде, который опадает раньше, чем появляется жених...

А сколько восторга испытывает Васильевна от походов в лес — за земляникой, черникой, малиной: с садовой не сравнить, считает она. И всем даёт насладиться ароматом дикой, мелкой, но такой душистой ягоды...

Кстати, трехлитровая банка черники этим летом на рынке шла за 800 рублей. Для Васильевны это целое богатство. Она насобирала и продала четыре банки! А еще и варенья наварила! Малину на зиму протирала с сахаром. Клубнику тоже и продавала, и варила. А там пошли огурцы — только успевай солить: их в селе никто не покупает, а в город возить накладно. За билеты туда-сюда заплатишь, выручишь чуть больше. Дешёвые они в сезон, огурцы. Зимой баночку-другую удаётся продать, и то если повезёт.

Зато сколько удовольствия — с утрачка пораньше в густой колкой листве собирать эти зеленые пупырчатые огурчата, норовящие спрятаться от ее острого глаза! «Вот ты где, мой хороший! — приговаривает она, обнаруживая какого-нибудь хитреца под большим скукоженным листом, — иди, иди сюда...»

Разложив огурцы на столе под старой яблоней, она рассматривает их с таким интересом, с таким любопытством, словно это не обыкновенные огурцы, а живые существа: этот молодой, а уже согнулся крючком, как хилый болезненный человечек, состарившийся до срока... этот пузатый, невзглядный, головенку вздернул как гордец, а внутри — пустота... а этот хоро-о-о-ш, аккуратненький такой, плотненький, ровненький... а этот — тощий, вытянувшийся, мягкотелый... а вот какой-то и вовсе калека, горбунок несчастный...

Разберёт она огурцы: те, что получше, — на засолку, на еду, а те, что похуже, — городской соседке, приехавшей на лето с престарелой матерью и малолетней дочкой в домик рядышком. Все довольны: соседке всё равно, что есть, и Васильевна себя не обидела и человеку доброе дело сделала...

Помидоры, картошка, чеснок — всё собирается и принимается ею с благодарностью. Самые красивые, большие овощи она может даже расцеловать, такое умиление они в ней вызывают. И земельке поклонится, и помолится: «Слава Тебе, Господи...»

Ни одна ягода, ни один плод не остаются неподобранными. Уже и сливе, и тёрну, и черноплодной рябине «ума дала», варенье в банки разложила, в погреб опустила: щедрая ныне осень выдалась, урожайная. Виноградного вина три десятилитровки бродят, пузырятся. А тут грибы пошли...

С вечера она собирается на «тихую охоту»: готовит сумку, плащ, сапоги повыше — в добровских лесах и со змеей встретиться можно. Места она уже все изучила, маршрут подбирает загодя, в зависимости от погоды. До дождей — в бор, за белыми и подосиновиками, подберезовиками и маслятами. А сентябрьские дожди прольются — самое время за опятами выбираться.

Возвращается усталая, замученная, часто — промокшая и продрогшая, а грибы ещё чистить надо, варить. Со всеми делами справится — и в койку: до нового утра, до нового дела.

— Я Бога молю, чтобы Он мне не болезни послылал, а работу, — говорит, улыбаясь. — Я лежать не люблю.

И лекарства у неё от всех хворей особые. Главное — сосновая смола. Из неё она варит мази «от суставов» и «спины», её она жуёт — от «зубов», простуды, живота и так далее. И ведь помогает!

А еще она лечится живительной силой природы. Для неё нет вопроса, что делать. Если это вечер — надо запираться в ворота и ложиться спать, а если утро — вставать и работать. Если лето — идти в лес: по грибы, по ягоды, петь и радоваться, даже когда хлещет дождь («Он же летний, тёплый! от него вреда не бывает!»). Ну а зимой, сами понимаете, — надо пить чай с вареньем.

Правда, варенье она не любит. И картошку тоже. Да и грибы — не очень-то. Зачем же тогда растит, собирает, чистит, варит?! Люблю, чтобы было, отвечает она загадочно...

ЮВЕНАЛЬНЫЙ КОНВЕЙЕР

Социальные службы Финляндии изъяли детей из очередной смешанной семьи с русской мамой — шестилетнюю дочь, двухлетних близнецов и новорожденного ребеночка, появившегося на свет всего неделю назад.

Отключиться от эмоций невозможно: если защита детей от насилия в семье заключается в насилии над ними государства, изымающего ребят с участием полиции, с применением наручников, со слезами и криками малышей и взрослых, не желающих расставаться, да еще и без предъявления причин и оснований для подобной экзекуции, то это уже не защита, а нападение. И в первую очередь на психику детей, которые в считанные дни размещаются в приемные семьи, к чужим людям, где им словно по волшебству должно стать лучше и комфортнее.

В этой связи вспоминается случай, когда в одном из районов нашей области мальчонка лет пяти оказался в реабилитационном центре для детей и подростков в связи с тяжелой жизненной ситуацией, постигшей семью, а попросту — пьянством матери, ушедшей в очередной загул. И что вы думаете? Ребенок чуть не умер!

У него началась сильнейшая аллергическая реакция на моюую среду, на чистоту и порядок в центре, сопровождавшаяся тяжелой психологической травмой. Он стонал по матери, рвался домой уже из больницы, где его едва привели в чувство. И это было не изъятие, а вынужденное помещение ребенка, оставшегося без присмотра матери, в социальное учреждение.

Когда мамаша пришла в себя, ребенка ей вернули — и надо было видеть, как он хватался за ее юбку, когда во дворе появлялись тети из соцзащиты для проверки условий, в которых содержалось дитё. Условия были аховые, не сравнишь с теми, что созданы в областных реабилитационных центрах, где и постельки чистые, и игр полны комнаты и холлы, где питание под завязку со всеми витаминами и сладостями: живи — не хочу. Однако там нет главного — мамы. А без нее ребенку и никакие игрушки не нужны...

Представляете, какой тогда шок испытывают дети, живущие в нормальных семьях, со своими строгостями и правилами, изъятые оттуда принудительно, с надрывом и плачем, только потому, что условия их семейного воспитания признаны чиновниками не соответствующими либеральным, свободолобивым ценностям толерантного, терпимого к правам всякого рода меньшинств и извращенцев, государства?

Уже более пятидесяти детей русских матерей забрали из семей только в Финляндии. Особенно внимательно следят за ситуацией в семье, если женщина выразила желание или запланировала свозить детей в Россию. Даже общение с ними на русском языке вменяется матерям в вину как... насилие. Звонок бывшей супруги отца детей, как это произошло с еще

одной семьей в Финляндии, может послужить поводом для изъятия детей. Возвращают их только через суд, и то немногих. То есть забрать можно своевольно, а отдать — лишь по решению суда, который обычно назначается через полгода после скандального разлучения детей с их родителями — так много дел у тамошних судов. Еще бы, в маленькой Финляндии только в 2011 году было изъято из семей 18 тысяч ребятишек!

Это же прямо поветрие какое-то, эпидемия, особенно распространившаяся по северной Европе. Дания, Норвегия, Швеция, Исландия буквально кишат от насилия, судя по числу детей, которые отнимаются у собственных родителей и отдаются приемным. А те могут оказаться и однополыми, но это в гуманной Европе не преступление, не повод для ограничений или ущемлений со стороны государства. Это даже доблесть какая-то, геройство, можно сказать, которым кичатся на весь мир.

И это называется защитой прав детей? Да они, пройдя через такую нязорубку, или заболеют, или примут как норму столь бесцеремонное с ними обращение. Семья для них отныне будет значить не более чем место содержания. Общежитие.

Ради чего рушат в западных обществах семью как родовое, отчее гнездо, где и любовь, и ласка уживаются со строгостью и требовательностью, где учат и воспитывают, где внушают уважение к традиционному в семье укладу — с верой и языком предков, нравственными нормами и трудолюбием? Не ради ли нетрадиционных семейств, которые тшчатся воспитать себе подобных? Свобода, брат, тешься, как хочешь?

Кто защитит в таких случаях детей от извращенцев, которые внешне вполне могут создавать впечатление либеральных родителей, понуждая чужих детей к исполнению своих прихотей? Кроме всего, существует мнение, что воспитание приемных детей, изъятых из родных семей, хорошо оплачивается. И это своего рода прибыльный бизнес: пособия на детей в Европе платят порядочные, при четырех-шести приемных запросто можно обеспечить достойную жизнь и своею отпрыску. Или даже двум.

Более того. В той же Финляндии, оказывается, находятся «предприниматели», которые за особую плату.. похищают изъятых из родных семей детей. И «продают» их, таким образом, биологическим родителям, восстанавливая социальную справедливость. Так что изъятие детей поставлено, видимо, на поток, если на этом уже можно хорошо наживаться.

Да, есть у нас защитники европейских ювенальных технологий, обвиняющие семьи в ущемлении прав детей и настаивающие на введении ювенальных судов. Но зачем так

уж нагнетать обстановку? И нормальные суды обязаны наказывать виновных в избиениях и других насильственных деяниях по отношению к детям — и не только. Что за ажиотаж именно вокруг детей?

Что за армия общественных надзирателей, вменивших в свои обязанности присматривать за семьями, вмешиваться во внутренние дела этого маленького государства, маленькой семейной церкви со своим уставом и своими отношениями?

А как же по поводу того, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят? Почему граждане обязаны соблюдать законы страны, где они обретаются, а страна считает себя вправе не соблюдать законы семьи, нарушать ее территориальные и моральные границы и устои? И даже по праву захватчика уводить в полон самое дорогое, что есть у матери, — ею же выношенных и рожденных детей, когда и она, и ее ребятишки сопротивляются этому как могут? Когда нет причин и оснований для такого радикального решения?

Все критерии и термины размыты, законы об изъятии детей трактуются весьма субъективно. Но если общество столь щепетильно к положению детей, что же насилия там всё больше и больше, раз число изъятых из семей ребят с каждым годом увеличивается как раз в самых благополучных европейских странах?

Ладно, допустим, у них там действительно такая обстановка, когда дети становятся источником существования и благополучия взрослых, которые, тем не менее, не создают для своих отпрысков достойной жизни, а то еще и насилие применяют. А мы-то тут при чем?! Все семьи на виду, законы есть, зачем нам специальная ювенальная юстиция для наказания за преступления, за избиения и пьянство, за отсутствие ухода и присмотра за детьми?

Что касается источников существования, то за наших детей родители получают от государства мизерные ежемесячные пособия. На каком тогда достойном содержании, уровне жизни детей может настаивать государство, угрожая их изъятием из тех семей, где этот уровень не обеспечен? Добавьте, вот и все дела.

Утешает, что на «финский синдром» в детском вопросе Россия реагирует вроде бы адекватно. «Финская система защиты детей не предлагает альтернативы в кризисных семейных ситуациях. Изъятие детей — опасный ювенальный конвейер. Российским семьям с детьми крайне опасно оставаться в заложниках финских социальных служб», — прокомментировал ситуацию уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка Павел Астахов.

И далее: «Россия всегда предлагает сотрудничество и взаимопомощь финским властям в вопросе защиты прав детей. В ответ — постоянные отказы от соглашений, переговоров. Мы должны найти способ убедить финские власти в необходимости диалога с Россией по вопросам защиты детей и добиться подписания двустороннего соглашения. При отказе от переговоров Финляндия следует объявить страной опасной для жизни иностранных (российских) семей с детьми».

Такая позиция вроде бы достойна уважения. Однако как тогда понимать принятый на днях законопроект о социальном патронате, который наша Госдума одобрила в первом чтении? Выступая двумя руками против западной системы ювенальных технологий, мы тут же бьем себя по этим рукам, идя следом за Европой в «детских вопросах». Остался один «штрих» — ювенальные суды, которые пока не удалось ввести благодаря сопротивлению Русской Православной Церкви и широкой общественности.

Вот и председатель Совета Федерации Валентина Матвиенко выступила с неожиданным заявлением: «Я категорически против введения в России ювенальной юстиции, исходя из традиций нашей страны».

«Думаю, что причина этого заявления в том, что многочисленные протесты все же дошли до президента, и решение было принято им», — прокомментировал это выступление протоиерей Максим Обухов.

Но пока это только слова.

«ДУРА»

Недавно произошло радостное для меня событие: Оля вышла замуж. Нет, она не моя родственница, и даже не близкая знакомая. Это просто несчастная девочка, которая очень хочет быть счастливой...

Родилась Оля в старинном русском селе когда-то Елецкого уезда. Красивейшее село со своей знатной биографией, родина царского поэта Сергея Бехтеева, о которой он грезил в своем изгнании до самых последних дней жизни...

Но бедой девочки стало не село, а семья. Пока Оля была маленькой, она, конечно, ничего не понимала. Но с самого детства ей суждено было стать белой вороной, чужой среди своих. В свое время я даже думала, что лучше бы ей тоже родиться дурочкой, как ее мать и сестра. К дурочкам, блаженным, юродивым в деревне всегда отношение доброе, участливое. Оля родилась умной, поэтому ей досталась горькая, полная испытаний судьба...

Мы познакомились с ней, когда она уже была подростком — ранимым, колючим, недоверчивым, обиженным на весь мир. Еще не зная истории ее рождения и воспитания, я была посвящена в историю ее сложных отношений с селом и школой. По ее рассказам выходило, что в селе нет ни одного стоящего человека, кроме ее папы. Сверстники умеют только пиво пить и зажиматься по углам. И виноваты в этом взрослые, их родители.

Матери вечно заняты, им не до детей. То сплетничают у забора или в магазине, то на работе пропадают. И ладно бы они трудились ради хлеба насущного или образования детей. А то ведь красятся, наряжаются, тратят деньги на сигареты и вино, новую мебель и новую машину, хотя и старые еще вполне могли бы послужить. Мужья у них под каблуком, и тоже работают. Если не пьют. В любом случае они предпочтут рыбалку, футбол, встречу с друзьями, а дети растут сами по себе. Вместо того, чтоб сызмалу на огороде сорняки дёргать, картошку тяпать, по дому помогать, — бездельничают, шляются по улицам...

И в школе вместо того, чтобы учиться, балду гоняют, дразнятся, любовь крутят. А летом их — в лагеря, в санатории, словно они устали очень или совсем больные. И что, шестнадцатилетние детишки будут режим соблюдать, после обеда в кроватке спать? Нет, они там клей нюхают, травку курят, водку пьют, романы крутят. Полуголые пляшут на дискотеках, тискаются...

Но это всё, так сказать, общие обвинения. К своим, деревенским, у девочки был особый счет. Но пора уже сказать о том, как получилось, что Оля невзлюбила своих односельчан, одноклассников, соучеников, учителей, что она ненавидит свою мать и всех, кто пытается поучать ее, воспитывать, стыдить и так далее. И начать придется с тех пор, когда ни Оли, ни ее младшей сестры Даши на свете еще не было. Их будущий папа приехал в Липовку из Ельца. Он был учителем. Почему он променял город на село, никто доподлинно не знает. И все остальные его поступки продолжали вызывать недоумение и пересуды жителей.

Самый странный из них — женитьба. Избранницей его стала женщина на селе известная, а попросту — деревенская дурочка. Незлобивая, простодушная, она жила тем, что люди дадут, чем приветят. Пока на ней не остановил свой выбор учитель. Вряд ли он не понимал, кто перед ним. Однако из этого беззащитного, Богом отмеченного существа он стал «лепить» человека разумного, что по определению не могло увенчаться успехом...

Он требовал от нее того, что она не могла, не умела делать: вести хозяйство, готовить, стирать, убирать, воспитывать детей. А она брала малюток и бродила с ними по деревне, как делала это всегда до встречи с мужем. Побиралась, гуляла, вела образ жизни, естественный для ее натуры, ее умственного уровня и развития.

Он учил ее, воспитывал, даже бил, ничего не помогало. И тогда он выгнал ее из дому. Я разговаривала с этим нескладным, забитым существом — мамой Оли. И поняла, до какой степени девочка должна была стыдиться своего происхождения, как ранило ее каждое брошенное слово. Отягчало ситуацию и то, что младшая ее сестра тоже неполноценна. И так, они с папой остались вдвоем противу всего мира.

По его настоянию Оля с восьмого класса не ходила в школу. Папа из-за конфликтов и скандалов тоже уволился из школы. И обучал Олю на дому. Потому что делать ей в школе нечего, рассказывала она, когда мы с ней познакомились. Ведь математикой они с папой уже по программе вуза занимаются, папа же обучает ее английскому.

А в школе каждый день что было? То драка, то ссора. Ну не могла Оля терпеть, когда ее ни за что обижают. И папа всегда за нее заступался. А когда он рассердится, с ним лучше не связываться, это все знают. И в школе даже рады были, что папа перестал там работать, а Оля — учиться: кому охота попасть под его горячую руку. И Оля не жалеет, что перестала ходить в эту дурацкую школу. Да и чему там научишься, у этих учителей? Они давно забыли, чему и как учить, урок проведут — и ладно. И все довольны: кому в глухой деревне какие-то знания нужны? Они смотрят на нее как на сумасшедшую, своим дочкам запрещают с ней дружить, жаловалась девочка. Больно надо. Будет она с ними водиться. Только и ждут, чтобы ей навредить, наговорить на нее всяких гадостей: знают ведь, что им поверят, а ругать будут её, Олю. Потому что она злая, грубая, невоспитанная и вообще — чокнутая: так все они считают...

Много обид накопилось в душе у девочки. Особенно больно было, когда дети в школе обзывались, дразнили мамой-дурой — и однажды она не выдержала, схватила вилы и ринулась на обидчиков. Ох, и перепугались они. И её же виноватой сделали. А потом стали называть дурой и её, Олю! Которая умнее их всех!

Да, папа растил себе единомышленницу и поощрял её самонадеянность, сеял недоверие и нелюбовь к людям, не учил ее прощать и жалеть, восстанавливал против матери, против жалельщиков и защитников убогой женщины.

И в то же время — воспитывал упорство, целеустремленность, трудолюбие, желание доказать, что никакая она не дура, что она на многое способна. Сам строил дом — маленький, в одну комнату и кухню, но кирпичный. Жили хозяйством, па-секкой, скудно, без газа и даже электричества, но когда свет, с помощью местной власти, провели в их дом, он первым делом купил хороший телевизор и поставил мощную антенну, чтобы принимать программы на иностранных языках...

Ведь Оля мечтала стать переводчицей, чтобы уехать за границу, где никто и никогда не попрекнет ее мамой, не обзовёт дурой. Она уже свободно, без словаря читала английскую прессу, книги, которые добывал ей папа в Ельце и Липецке. Честно говоря, во все эти мечты и потуги верилось слабо. Хотя бы уже потому, что девочка бросила школу, что она вряд ли освоит все предметы под руководством папы, каких бы сем пядей во лбу он не был.

И потом, как она встроится в социум, в жизнь, в которой видит только врагов и недоброжелателей? Она привыкла жить по папиным суровым, если не сказать волчьим, законам. Но не будет же он вечно стоять у нее за спиной.

Воодушевляла ее любовь к животным — собаке, кролику, которого они держали в хозяйстве не для мяса — а для дружбы...

Кроме того, папа готовил-таки Олю к реальной, самостоятельной жизни: учил ее готовить, варить варенье, стирать, наводить порядок, она даже салфетки научилась вязать! Но как преодолет она барьер на пути к людям? Почему в деревне, в школе никто не посочувствовал девочке? Неясно. Оля так ожесточилась, конечно же, с папиной подачи. Но и никто не доказал ей, что папа неправ.

— А вы знаете, что они собаку мою отравили?! Что смеялись надо мной, когда я плакала?! — с обидой кричала она. — А как они шипят, когда я мимо прохожу?! У виска пальцами крутят?! А мама?! Правильно ее папа выгнал, я ее ненавижу! Да я бы их всех убила, всех! — горько зарыдала она, прижимая к тельцу своего совершенно ручного кролика...

К сожалению, и от умудренных жизнью людей, местных жителей, учителей я не услышала ничего доброго о девочке. Грубая, раздражительная, никого не уважает, не почитает, высокомерная и так далее. Оставалось поговорить с отцом.

— Вы что, писать о нас будете? — спросил он настороженно.

— Да не знаю. Просто хотела понять, почему девочка так обижена на весь мир, на людей? Почему в деревне ее так не любят? Почему вы настраиваете ее против всех, против матери?!

— Мать?! Так она же ду-у-у-ра! Понимаете, дура!!! — задыхаясь, прохрипел он...

И, резко развернувшись, жалкий, согнувшийся, в чем-то мешковатом, блеклом, побрел по осенней грязной дороге к своему нескладному, как вся его жизнь, дому. У калитки ждали девчонки: единственные существа, которым он, несмотря ни на что, был нужен. Оля поглядывала на отца робко и боязливо. Он же думал о чем-то своем, молча и хмуро запер калитку, шелкнул замком одной двери, потом другой, звякнула щеколда — и в доме всё затихло.

И вот через год-другой узнаю, что Оля ездит в Липецк в вечерне-заочную школу! Значит, девчонка будет сдавать экзамены на аттестат. Она их и сдала. Потом поступила на подготовительные курсы. Еще через год стала студенткой Липецкого педагогического университета. Она раздумала быть переводчиком, учится на... журналиста. Думаю, что не без моего влияния...

Кстати, она пишет хорошие рассказы. Пока о животных: еще не готова писать о людях и о себе. Но девочка растет, меняется. Она стала более раскрепощенной, свободной, мягкой. Перестала сутулиться и сжимать плечики, открыла лицо, на которое раньше ниспадали пряди тяжелых волос...

Оля уже на третьем курсе. Слета ей за успехи в учебе и спорте назначили повышенную президентскую стипендию в восемь с половиной тысяч рублей. Вместе с обычной она теперь получает 10 тысяч рублей в месяц. А неделю назад она вышла замуж!

Она осознанно (не отцов ли пример был ей горьким уроком?) искала себе хорошего, надобного ей человека: чтобы не пил, не курил, был умен и образован, стремился создать семью, был ответственным, порядочным, умел принимать решения, думал бы о будущем. Она считает, что ее Сергей именно такой. Они уже мечтают о детях.

А я смотрю на нее, радуюсь — и боюсь. Ей на роду была написана горькая судьба. Отец выбрал ей в матери неполноценную женщину. Сейчас он торопит с внуками. Хочет убедиться в своей правоте? Или потерпеть глобальное поражение? И что делать девочке, обреченной на последствия его сумасбродного выбора, причины которого известны лишь ему одному? Странная история. Заставляющая задуматься о том, что всё имеет свое продолжение...

СОЛДАТКА МОТЯ

Свой день рождения Матрёна Демьяновна отпраздновала скромно, в кругу семьи — с дочкой, да внуком, да с его женой. И то сказать: невелик праздник. Не сто лет, когда отбою от гостей не было...

— Правда, председатель сельсовета и ноне пожаловал с подарками. Одежку теплую вручил, цветы. Сто один год, говорит, не каждый проживает, это праздник еще шибче, чем сто лет... Старость всё одно жмёт, — выдыхает она фило-софски, — прости меня, Господи...

И крестится, и крестит каждого, кто подошел, напутствуя самыми простыми русскими словами: спаси и сохрани... помогай вам Бог... доброго здоровьишка...

Маленькая, сухонькая, она сама вышла из своей боковой комнатки: так в деревне многие дома построены — «зала» побольше, а из нее — вход в одну или две крохотные спаленки без дверей, занавесками прикрытые. Медленно-медленно, но добралась до кресла и села. Смежила глаза. И никак не открывает...

— Сейчас, — успокаивает нас дочь, Таисия Тимофеевна, — это она к свету привыкает. В комнате-то у неё сумрак, глаза не переносят яркого света. Вот она и обтыкается...

И впрямь, скоро баба Мотя глаза открыла и с интересом нас оглядела. А мы рассматривали ее. Надо же, при царе человек родился, в 1911 году! Всё перевидала, говорит она. И обстоятельно рассказывает о своей жизни. Папу ее звали Демьяном Алексеевичем. Маму — Варварой Амплеевной (!). Были они простыми крестьянами. Вырастили шестерых детей — двоих сыновей и четырех дочек. Замуж Мотя вышла поздно, в 23 года.

— Посидела хорошо! — шутит она — Так ведь ни обувь, ни одеть было нечего. Только Тимофею и приглянулась. Молодой был, неразумный: 19 лет всего, вот и заслал сватов...

Венчались они в церкви. Вот вам и безбожные времена: сколько древних старушек знаю, никогда они верить не переставали, всегда ходили в церковь, молились на иконы, не боялись ни гонений, ни ссылок. Даже и не ведали о них. Поженились люди, обвенчались: естественный ход русской православной деревенской жизни. И было это в 1935 году.

— Как жалел он меня, как жалел... — вспоминает баба Мотя о муже. И не сразу понимаешь, что это она о любви говорит...

От этой любви у них родились сын и дочь, та самая Таисия, с которой живет ее замечательная мама. Но сынок жил недолго. А перед самой войной Тимофею и его жене Матрене пришлось оставить дочку его матери, а самим завербоваться в Прибалтику: строить воинские базы. Это к тому, что Советский Союз якобы совсем не готовился к войне...

15 дней добиралась она потом домой, под бомбёжками убегая от войны. Ночью по железной дороге на фронт перегонялись воинские эшелоны — с оружием, техникой и, как тогда

говорили, живой силой. А днем пускали поезда с эвакуированными, которые безжалостно бомбились фашистами.

14 бомбежек пережила за это время Матрена, 14 эшелонов сменила. В первый раз, рассказывает она плача, выбежала со всеми вместе из вагона и неслась, неслась, неслась, от страха не понимая, куда и зачем. Вокруг взрывы, гул, рев, а люди бегут, кричат, падают...

Когда самолеты улетели, подъехал восстановительный состав — и рабочие быстро-быстро восстановили пути. Вскоре подали и новый эшелон, куда оставшиеся в живых погрузились и поехали дальше. И каждый раз пути монтировали тогда очень споро. Но уже при следующей бомбежке Матрена, молясь, только голову пригибала, никуда не бежала, положившись на Божию волю: «от своей пули не схоронишься...»

Да, бывало, гибли и оставшиеся в вагонах, вспоминает она. Но, разбомбив паровоз, самолеты устремлялись на бегущих людей, и эти живые «мишени» только раззадоривали фашистских летчиков. Вспоминала она и ревуших детишек над убитой матерью, и убитых горем матерей, потерявших своих малышей...

Еще ее хватило на то, чтобы рассказать, как сошла она со следовавшего в Сибирь эшелона в Лисках, под Воронежем, откуда до ее деревни было рукой подать. Как предстала под строгие очи свекрови. Как зажила в ожидании мужа с фронтовой стороны, не чая уже увидеть его ни живым, ни мертвым.

Но вскоре он приехал. Однако их счастье было недолгим. Тимофея призвали на войну, и она с двумя детишками (после возвращения из Латвии у нее родился сын) осталась жить с чужой женщиной...

— Ну что ты, мам, так нельзя... — мягко упрекает Матрену Демьяновну ее дочь Таисия. — Бабушка же нас, детей, присматривала, тебе помогала, а ты — «чужая женщина»...

— Нельзя... — покорно соглашается бабушка Мотя. И продолжает: — И осталась я жить с чужой женщиной...

Коклюш тогда семьями валил людей, рассказывает она. Не стало и ее маленького сыночка Ванечки. А в 43-м она получила похоронку на мужа...

Однако надежду на то, что он жив, дало ей пришедшее следом извещение о том, что Тимофей ее пропал без вести. Раз такая неразбериха, рассуждала она, значит, всё может быть. С тех пор и ждет она своего солдата по самый сегодняшний день...

Помилуйте, но ведь ей 101 год!

— Так он же — моложе! — отвечает она скептикам. — На четыре года...

И никакие доводы и даже свидетельства очевидцев, воевавших вместе с Тимофеем, за всю ее долгую жизнь не поколебали в ней решимости ждать и дожидаться. Да, при форсировании Днепра он мог погибнуть, как уверяют однополчане, но ведь они не видели его на другом берегу. Не доплыл, говорят, был ранен. А вдруг доплыл?!

— Венец не ломала! — говорит она твердо. — Поэтому если не здесь, то там (и смотрит вверх) встренемся...

На этом Матрена Демьяновна закрыла глаза и попросила:

— Всё, устала я, хочу отдохнуть...

Бабушку бережно отвели в затемненную комнатушку, где она уютно устроилась на большой кровати и время от времени подавала оттуда свой слабенький голосок: мол, слышу, слышу, всё так. Кстати, и слышит, и видит баба Мотя на втором своем веку очень даже неплохо...

Она у нас молодец, хвалит дочка, старается сама себя обиходить, нас не утруждать. А нам она только в радость. И поговорим с ней, и посмеемся, и поплачем. И правнуки приезжают — первым делом к ней, к бабушке. Она еще и пожурит их — за частую смену нарядов, за то, что редко приезжают. И пошутит: чувство юмора у нее отменное. А потом уедут они — она за них молится...

Не прервалась ниточка, продолжается род солдата Тимофея Боровских. Солдаткой всю жизнь прожила его Матрена. Словно муж ее где-то служит, а она его верно ждет. Замуж? Предлагали, помнит дочка. Но мама всегда отвечала:

— Я есть хочу, а не замуж.

Хотя собственно в еде была всегда очень умеренной. Главное, дочь накормить. А сама — угостят ли, обменяет на что — домой принесет, погрееет, молитву почитает — и только потом покушает. Никогда не бросалась на еду, всё — понемножечку, не спеша. Это в трудах она была выносливой, быстрой, цепкой. Даже когда работала за «палочки», а вознаграждением в конце года на всё про все выходил... пуд ржи.

Сейчас это трудно даже вообразить: за целый год тяжелейшей работы — в поле, на току, на ферме — пуд ржи! Кормились своим хозяйством, живностью, умудряясь еще и продиалог государству сдавать — молоком, яйцами, мясом...

До 60-го года денег в глаза не видели. К тому времени Матрена Демьяновна с Таисией жили уже самостоятельно. Поначалу жильё снимали. Но нигде, вступает в разговор уже внук, Василий, бабушка долго не задерживалась. Поживет чуть-чуть — и что-то ей не подходит, не лежит душа к месту ли, к дому. И только почувствовав «свое» место, начала строиться...

В этом, поднятом большими трудами и молитвами домике она прожила до 95 лет. Правда, последние десять из них — с помощью хожалки из социальной службы. Уж больно не хотелось покидать родные стены, огород, где она до последнего не разгибала спины. На все уговоры дочери перебраться к ней — в соседнее село Малый Мечок — отвечала отказом, хотела помереть дома. Ну а потом пришлось всё-таки переехать.

На вопрос о секретах маминого долголетия Таисия Тимофеевна отвечает:

— По-божьи жила, вот ее главный секрет. Никому не завидовала — и всем была довольна! Есть одна юбка — и хорошо. Зачем другая? Разве что на смену. А нет, так и ладно. Не гналась ни за едой, ни за богатством. Домишко скромный выстроила — и жила в нем до глубокой старости. Трудолюбивая, аккуратная, чистоплотная, она старалась никого собой не обременять. Честно несла свою вдовью долю. Что дадут — «благодарствую», не дадут — и «слава Богу».

Никогда ни на кого не обижалась, ни с кем не ругалась. Богомольная была, да. И очень добрая. Люди ее за это уважали, любили, очень хорошо в деревне к ней относились. Словно она немножко не такая, как все, словно что-то такое знает, что им неизвестно...

Поразительно и это чувство дочерней любви, которое не угасло в Таисии Тимофеевне, давно разменявшей восьмой десяток лет, так трогательно она обращается с матерью, так ласково поправляет ей платок, волосы...

— Знаете, это такое счастье, когда у тебя есть мама, — говорит она. — Мы всегда старались беречь ее старость, не расстраивать, не перекладывать на ее плечи проблем, которые ей уже не под силу. Лишь бы только она подольше жила...

— А у вас не осталось фотографии, где мама — молодая? — интересуюсь я.

— Была одна старинная фотография. Нам бы копию снять с нее, а мы не догадались, всё думали — потом. Недавно посмотрели — а она осыпалась...

Вот так. Фотография — осыпалась. А Матрена Ивановна — живет. Легкая, худенькая: казалось бы, в чем только душа держится? А ведь держится! Значит, есть за что...

ДОРОГА ЖИЗНИ

Вот едет по этой дороге посторонний — и ни о чем она ему не говорит. А ведь жизнь русской глубинки вся вдоль дороги и сосредотачивается...

Впервые мы поехали по ней, когда только-только оказались в липецком селе Доброе, где нам предстояло провести несколько примечательных — в конце двадцатого века — лет.

Вместо бывлой крепости на высоком берегу реки Воронеж, построенной в свое время для защиты южных рубежей Руси от «бусурманских» набегов, ко времени нашего приезда в Добром зиждились только развалины старинной Тихвинской церкви.

Не уходя в глубь столетий, отмечу всё же, что самую большую славу Добрый, как его называли тогда, приобрел в семнадцатом веке, когда стал городом-крепостью в составе Белгородской засечной черты. Когда надобность в сторожевой крепости отпала, Добрый утратил свой городской статус и перспективы. В 1779 году он был преобразован в волостное село. Примерно тогда же на месте крепости появилась каменная церковь Тихвинской иконы Божией Матери. Существовала она до 30-х годов прошлого века.

Сейчас о древности строения напоминает лишь одна стена церкви: из старинного красного кирпича местного производства, сохраненная для потомков. Уменьшенной же копией прежнего храма предстает нынешняя ладная церквушка с колоколенкой, из красного же, но современного кирпича, с яркими синими куполками, которая разместилась за старой стеной — словно церковь в церкви... — и существует ныне под ее прикрытием и защитой.

Эту церквушку и огибает дорога, ведущая к мосту через реку Воронеж и бегущую далее сначала по лесу, потом по тамбовскому подстепью, потом мимо яблоневых садов к тамошнему Мичуринску, бывшему городу Козлову.

Дороги красивее у нас в области я не знаю, а уж поездила... Деревья подступают к самым обочинам — и кажется, что дорога узкой лентой буквально врезывается в лес и пропадает где-то вдали, постепенно разматываясь под колесами движущегося автомобиля.

Затем деревья рedeют, рedeют — и на много вёрст кругом глазам открывается воля. Но до этих красотей мы сегодня не доедем: свернем с лесной дороги на село Кривец, где опять окажемся в лесу.

Мост на выезде из Доброго старей, высокий, основательный, и странно, как местные рыбаки умудряются удочками не только ловить с него рыбу, но и что-то вылавливать. Со стороны глядишь: с моста до воды такая высота, что никакой лески хватить не должно. Однако хватает и лески, и рыбацкого терпения, и рыбы. А мы уже съезжаем с моста и мчим мимо старого русла Воронежа с его заливными лугами. В 90-е годы там паслись сотни коров с частных подворий.

И было тогда в Добром (на шесть тысяч жителей) несколько стад, которые назывались общественными. Владельцы коров пасли их по очереди. А кто-то в стадо коров не гонял, а сам по весне переправлял свою живность на лодке через речку и оставлял там, на лугах, до самой осени, где коровы и другие жвачные и нежвачные бродили сами по себе, сытые и довольные.

Мне впервые тогда довелось увидеть, как коровы плавают. Переправляли буренку обычно на пару: мужик с женой или с каким-нибудь родственником. Один сидел на весле (в Добром все орудут одним веслом), а другой тянул корову на веревке в воду, и она послушно сходила в реку и плыла за лодкой к противоположному берегу. Коз перевозили в самой лодке. Гуси сами доплывали куда им заблагорассудится. И осенью сами же возвращались домой.

Вечерами со своего берега мы частенько наблюдали, как коровы уже по своей «инициативе» собирались «группами» и переплывали с одного заливного острова на другой...

Доить хозяйки тоже отправлялись на лодках, дважды в день, туда и обратно. Сено заготавливали тоже на лугах. Да и где угодно. Молоко, сметана, масло в магазинах не продавались, их покупали у местных хозяек. У каждой была своя клиентура, реализация шла широкая и четкая: забираешь продукт, оставляешь пустую банку на следующий день. А какие это были продукты! Одно слово: «свойские»...

Раньше на дороге встретишь стадо — не объедешь. Полчася прстоишь на обочине, пока вся эта рогатая братия не пройдет мимо. Причем всегда попадались отдельные «экземпляры», норовящие поддеть машину рогом. А сейчас в единственном на всё про всё стаде — с десяток хилых коровенок, прошмыгнули — и нету их. Перестал народ держать живность — старики уходят, а молодые со своим хозяйством не связываются: трудно и невыгодно.

Корма надо закупать у посредников. И «прибрать к рукам» то, что плохо лежит, не удастся: всё хорошо охраняется. Я это не к тому, что в колхозах крали, а к тому, что общими усилиями откармливали скотину — и у нас были мясо и молоко. А теперь мы едим импортный синтетический продукт с одноименным названием...

Километрах в семи от моста — добровский лесхоз. Раньше там чем только не занимались: заготавливали древесину, собирали и перерабатывали хвою, сосновую смолу, шишки, пилили, кололи, строгали, рубили. Домики были сплошь деревянные, отопление печное. Зимой подъезжаешь к такой деревушке — одни трубы из-под снега торчат. Всё кругом белым-бело — и голубоватый дым в небо. Романтика...

А летом (году в 93-м или 94-м) мы с одной моей приятельницей пристрастились вечерами, когда закончены все домашние работы, ездить на велосипедах до лесхоза. Зачем? На закат смотреть! Маршрут был таким: доезжаем до лесхоза, разворачиваемся — и назад, крутим педали к Доброму. А над речкою уже закат разливается по всему небу.. Иной раз аж сердце захолонет..

Ну а сейчас мы уже проезжаем лесхоз и оставляем позади себя поворот на лесной кордон под названием Двойня. Места здесь грибные. Славен кордон был и своей легендарной медсестрой... Володькой. На самом деле это бывшая пулеметчица Мария Шербак. А Володькой ее звали на фронте, куда она напросилась после гибели брата совсем еще девочкой. Ну и в образе Володьки ей было легче переносить тяготы армейской жизни.

На войне уложила она немало фашистов, а в мирное время была обычной медсестрой в глухом затерянном в лесу поселке. Впрочем, не совсем обычной. О ней потом писали книги, она получала много писем. Я застала ее живой, задорной, непременно заводилой всех ветеранских посиделок, где она без усталости пела, плясала, шутила. А потом ушла из жизни — и никто о ней не вспоминает ...

Проезжаем поворот направо, на Борисовку, из которой дорога ведет в Кореневщину, прародину Пушкина, где родилась и до замужества жила его бабушка, Мария Алексеевна Пушкина.

Березы, березы вдоль дорог — аж в глазах рябит. Жаль, что в этом году их много погибло. «Страна березового ситца» меняет свой облик. Может быть, это какой-то знак: выстоят берёзы — выстоит Россия? И в помощь им — исполинские сосны, стеной стоящие вдоль дороги. Спокойные, важные, словно утешают: всё будет хорошо...

Как бы не так: начались «горелики». Так я называю пострадавшие в пожарах 2010-го участки леса, на которые больно смотреть. Добровский район — самый лесистый в области, ему больше всех и досталось. Корабельные сосны (не случайно здесь зачинался Петровский флот!) факелами вспыхивали в верховых пожарах, погубивших тогда массу деревьев. Огонь, перепрыгивая с сосны на сосну, с бешеной скоростью охватывал лес и всё ближе продвигался к Доброму. Но его спасла река. А все деревеньки и поселки по ту сторону — как раз куда мы едем — в большей или меньшей степени обгорели...

А вот и Кривец. Село в последнее время очень популярное — грибными местами, чистыми родниками. Строятся здесь все,

кому не лень и у кого деньги есть. Около ста детей размещались раньше в школе-интернате для умственно отсталых ребятшек. Обстановка здесь была изумительная: детей любили, их учили, давали профессию — швеи, обувщика, слесаря. И они, даже при невысоком своем интеллекте, успешно устраивались потом в обычной деревенской жизни, трудились в меру сил и возможностей.

Теперь интернат закрыт. То ли отсталых детей поубавилось, то ли, наоборот, прибавилось, мест всё равно не хватало, вот и прикрыли. Закрыли и местную школу: детей возят на занятия в соседнее село. Немудрено, что ребятшек здесь всё меньше и меньше...

А вот и Кривецкое лесничество. Красивые места, а проезжаешь их с тяжелым сердцем. Шесть лет назад здесь произошла трагедия, потрясшая тогда всю страну. Сегодня таким никого не удивишь. И это страшно.

Женщина приехала в лесничество к кому-то в гости. С мужем и дочерью. Девочка ушла с местными ребятами на дискотеку в близлежащий оздоровительный лагерь. Мамаша, изрядно выпив, решила съездить за ребенком. Села за руль — и...

Было уже темно. Ребята не успели дойти до первых лесхозовских домов буквально десять метров. Впрочем, что бы уже остановило осатаневшую женщину. На лесной, а ночью и вовсе глухой дороге она сбивает шестерых подростков, в том числе и свою 13-летнюю дочь. Четверо погибают сразу, еще одна девушка умирает в «скорой помощи», и еще одна — уже в больнице.

Через два года в нашем районе еще одна пьяная женщина совершила наезд на подростков, убив четверых. Поражает, что никто не схватил пьяных водительниц за руку, не вышвырнул их из авто. Неужели никто не видел и не слышал, в каком они состоянии садятся за руль?

Кривецкая детоубийца уже вышла из тюрьмы, отбыв там вместо восьми с половиной лет неполных шесть. Как она живет, уму непостижимо. А в память о ребятах у дороги, под сенью высоких густых сосен, стоит памятник, где в образах голубей навсегда застыли в высоте погибшие дети...

Кривецкое лесничество располагается в колоритном деревянном доме, его много лет возглавлял знатный лесник, заслуженный работник лесного хозяйства Закурдаев. Один из погибших на дороге юношей — его сын...

Много славного на счету у кривецких лесников. Самое примечательное — питомники. Невозможно смотреть без умиления на подрастающую поросль сосенок, других деревьев, пушистых и нежных, как младенцы. Тем горше опять оказаться в местах бывших пожаров — в поселке Дальнем.

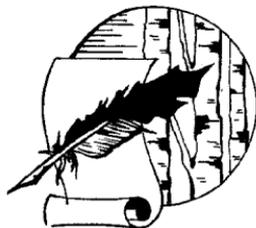
Дорога к нему была просто наезженной колеей. В густом лесу стояли домики местных жителей и дачников, окруженные целомудренной природой. Ныне покойный липецкий художник Дворянчиков в 90-е годы выстроил здесь небольшую деревянную церквушку. И вот в горячее лето 2010-го во время службы по церкви пошел гудящий шепот: «Пожар!» «Пожар!»

Огня ждали — жара стояла несусветная. Огня боялись — но как выйдешь из церкви, не выстояв службу?! Тем более батюшка продолжает ее, несмотря ни на что. И только когда церковь уже сама оказалась в кольце огня, люди стали выбегать наружу. Говорят, священник вышел последним. К тому времени многие дома уже сгорели. Другие, объятые пламенем, тоже спасти не удалось. Ибо пожар был буйный, а пожарных машин в то сухое и жаркое лето не хватало.

Нужно было спасти людей, нехитрую живность. Телевизионная бригада, ехавшая мимо по другим делам и прельстившаяся сенсацией, вынуждена была ждать подмоги в реке, куда загнал их огонь. Пламя отрезало их от машины, оставшейся у въезда в деревню. Сгорел и храм, но Божией Волею никто не пострадал, все успели выйти. А художник Дворянчиков ушел из жизни буквально накануне пожара, так и не узнав о гибели храма.

Деревня выглядела плачевно. Сгорели около 80 домов. Люди пережили настоящий ужас. Нет, утверждали многие, мы сюда не вернемся: черны воспоминания, черны обгоревшие остовы деревьев. И вот мы едем по Дальнему и диву даемся: аккуратные коттеджики один за другим образуют улицу за улицей, «горелики» в основном спилены и вывезены, леса восстанавливаются, уже тянется ввысь дикая поросль.

Деньги, отпущенные государством на строительство домов погорельцам, сделали своё дело. Более того: в Дальнем появилась новая дорога, связь, сюда теперь ходит маршрутный автобусик. Будет восстанавливаться и церковь.

Алла ЛИНЁВА

НЕ ПОГАСИТСЯ СВЕТ...

* * *

А весна не спешит, не торопится солнце
Растопить синий лёд, растопить мою грусть.
Слишком холодно, небо отлито из бронзы,
Слишком долго его немоты я боюсь.
Но вы скажете, небо не может быть громким.
Так уж пусть оно плачет, но пусть не молчит.
Его тучи темны, но у серенькой кромки
Пробиваются солнца лучи.

* * *

У зелёных лощин
Заревая свеча не погасла,
На судьбу не ропщи, —
Всё устроено в мире прекрасно.
Шелестят тополя,
Звонко тенькает в хлопотах птица,
Вызревают поля,
Золотистая рожь колосится.
Вот уж тысячи лет
Всё так было, и есть так, и будет...
Не погасится свет
Наших свеч, наших звёзд, наших судеб.

* * *

Вот и всё. Иду по грани.
Что за грань — и не пойму.
По росе ступаю ранней,
Вижу алую кайму
Впереди, в лазури светлой,
Так и манит, и влечёт.

По краям — дороги нету,
Просто нету ничего.
Не пугаясь, не шатаюсь,
Так по грани бы и шла:
И едва земли касаясь,
И почти что не дыша.

* * *

Тесно стало мне заветное кольцо.
С болью надеваю — не снимаю:
Пусть уж лучше к пальцу прирастет,
Чем сниму его... и потеряю.

* * *

Этот воздух и чист, и тверёз,
Как пожары его ни тревожили.
Эти тонкие ветви берёз
Снова ожили.
Машут вслед мне звенящей листвою,
Низко кланяясь,
А ведь горя хлебнули с лихвой,
Так измаялись...

* * *

А ночью снеговые тучи
На город неминуче шли,
Непоправимые, горючие,
Стянули небо, и вдали
Всё снежной дымкой запорошено
И на земле, и в небесах.
Смотрю на мир ребёнком брошенным
И мир колышется в глазах.

* * *

Молчит моя берёзонька,
Молчат и тополя,
Молчит и ночь беззвёздная,
И небо, и земля.
Смотрю на тучу серую,
На мартовскую тьму,
И я молчу, я верую
Единственно — Ему.

* * *

Отчего так печально,
Если нет для печали причин?
Ветер ветки качает.
Вы ведь тоже, берёзки, ничьи.
Вы ведь тоже открыты
Холодам, и ветрам и снегам...
Вы ведь тоже забыты,
И никто не торопится к вам.

* * *

О сколько птиц! Одни лишь птицы,
Одни лишь птицы и лазурь.
Да крона тополя искрится,
Листвой сгоняет с сердца хмурь.
Пусть многим это непонятно,
Таких метафор нет уже,
Но будет чисто и опрятно
В моей душе.

* * *

Как быстроплыли облака
Издалека, издалека.
Такая надвигалась рать —
Я глаз не смела оторвать.
И вот затянут небосвод
Который год, который год
Мне в этом мраке не найти
Ни звёзд, ни Млечного Пути.

* * *

Загудело, зашумело,
Завздыхало за стеклом.
Я гляжу в окно несмело,
Ведь ещё не рассвело.
И ещё совсем невнятно
Зашептались ветки ивы.
Я подслушаю их тайну, —
Может, сделаюсь счастливой...

* * *

Заклубилось небо облаками,
Даль его морозная чиста,
Сине-бирюзовыми глазами
Смотрится с небесного холста.
Небо, ты становишься дороже,
Хоть меняешь краски, что ни миг,
Ты моё земное бездорожье
Украшаешь, как осенний стих.

Павел РЫКОВ

ЗОЛОТАЯ РИЗА

КОЛОДЕЦ

Когда последний дом осиротел,
Набат умолк, а кровь устала литься,
Хан слез с коня. Он сильно захотел
Хлебнуть глоток колодезной водицы.

Хан, косолапя, к срубам подошел
И вниз взглянул. А там во тьме глубокой
Блеснуло отражение: орел
В небесной сини воспарил высоко.

— То добрый знак, — довольно хмыкнул хан, —
Я победил урусского батыра!
Мой грозный бог — его я видел сам —
Он мне вручает половину мира.

А скоро целый мир передо мной
В покорнейшем поклоне затрепещет!
И хан опять склонился над водой,
Над отраженьем, что в колодце блещет.

И вновь просил он знак небесный дать
У своего воинственного бога,

Что вечно будет Русью обладать,
Такой обильной и такой убогой.

Что эти перелески и поля,
Что эти избы, церковки с крестами,
Что эта благолепная земля,
Как девка с разведенными ногами,

Под ним лежит, навеки покорясь,
Кусая губы, задыхаясь смрадом.
А рядом убиенный ханом князь
Косит на них остекленелым взглядом.

Хан к отраженью с жадностью приник,
Но вдруг обмяк и навзничь повалился.
И закричал. И дикий этот крик,
Как ворон, заполошно к небу взвился.

И конь заржал, и налетела мгла,
И молния вполнеба заблестала,
И ветер по развалинам села
Пронесся в одеянье дымно-алом.

Сбежалась стража хана поднимать.
Он был как мел. Пот выступил обильно.
— Седлать! — он захрипел. — Коней седлать!
Мы возвращаемся к холмам своим ковыльным...

— Скажи, Великий: или быть беде?
Поведай нам, с тобою что случилось?
— В той колдовской колодезной воде
Мое лицо никак не отразилось!

Я видел неба войлок голубой,
Я видел птиц в томительном стремленьи,
Я даже звезды видел над собой!
Но своего не видел отраженья.

Я видел: то село, что я спалил,
Вновь многолюдно, счастливо, богато...
Но своего лица не находил
В том отраженьи, навсегда проклятом.

Я видел, как, склоняясь над водой,
Уруская красавица хохочет!

Но лишь трисветлый мудрый облик мой
Вода в колодце отражать не хочет.

Я видел, как созвездия кружат.
Я видел, как столетия минуют.
Я видел Русь... Она опять жива!
И никогда ее не завоюют.

И хан умчал в свою золотую степь,
Где четками размечены мгновенья...
А вслед рыдал в овраге коростель,
И догорало русское селенье.

* * *

Этой выжженной заживо зноем,
Этой трижды родимой земли,
Знаешь, брат, мы с тобою не стоим,
Потому что сберечь не смогли.

Посмотри, как куражится пришлый,
Перекатная голь, кровосос.
Ощути, как он гнилостно дышит
На земле, где родился и рос

Ты, твой дед, твой прапрадед и пращур,
Где бесхитростный русский уют,
Где пока еще сеют и пашут,
Где дома по-над речкой встают.

Нам небес без конца и без края
Дал Господь в милосердьи своем.
Почему мы с тобой отступаем
И высоты без боя сдаем?

Вроде есть и уменье, и силы,
Вроде есть голова для затей,
Но все чаще кресты да могилы,
И все реже ватаги детей.

Будто кто опоил, оморочил,
Будто горло сдавило петлей...
Ах, какие ненастные ночи
Над родимой сгустились землей!

Псам подобно, подобно изгоям
В смрадной яме назначено лечь
Тем, кто эту, пропахшую зноем,
Землю нашу не сможет сберечь.

МОЛИТВА

Пошли, Господь, тому, кто изнемог,
Не самую крутую из дорог:
Не вскачь, не вскользь с ухаба на ухаб.
Пошли тому, кто на путях ослаб,
Кто растерял и упряжь, и коней,
Пошли дорогу, ясный свет над ней
И у обочин — птичий перезвон.
Пошли ночлег и благодатный сон,
И в этом сне — надежду на покой.
И сполохи рябин над головой.

НИКОЛА ЗИМНИЙ

Помолюсь тебе, Никола зимний, —
В храм приду задолго до света,
Чтоб под вечер снег был синий-синий
И пороша легкая мела.

Чтобы спали все поля в покое
И покров держался до весны.
Чтобы зерна, сеянные в поле,
Видели чарующие сны:

Как весной по Божьему велению
Снег сойдет, воспрянут зеленыя.
И, готова к новому творению,
Радости исполнится земля.

Хлеб взойдет по всей земле российской,
Заполняя царственный простор.
Словно Чудотворец Мирликийский
Ризу золотую распростер!

ВЕРНУТЬ РОССИИ РУССКИХ

Что такое распад Советского Союза? 25 миллионов граждан Советского Союза, этнически русских, оказались за рубежами новой России — о них же никто не подумал. 25 миллионов — это крупная европейская страна. В каком положении они оказались? В положении иностранцев. А их кто-нибудь об этом спросил?

...Без средств к существованию, в условиях растущего национализма, в условиях, когда они не могли приехать в новую Россию, на свою историческую родину, не могли общаться со своими родственниками, потому что у них даже не было денег на то, чтобы купить билет на поезд или самолет. У них нет квартир в России. Им негде жить, негде работать. Это разве не трагедия?

В.В. Путин. Из интервью журналу «Тайм».

12 декабря 2007 г.

Все мы вновь и вновь возвращаемся к одному и тому же «проклятому» вопросу современности: есть ли в России русские? И почему в современной Российской Федерации само понятие «национальность» оказалось чуть ли не под фактическим запретом? Если же и звучит это слово в официальных документах, то только как

РУССКИЙ ВОПРОС

повод лишний раз напомнить: у нас в стране — «многонациональный народ», у представителей которого, особенно русских, национальности быть не должно. И учета по национальности как бы быть не должно, да и по существу нет его, такого учета. И никаких коренных народов у нас нет. Во всяком случае — юридически. И миграция у нас не учитывается по национальному признаку. И ФМС статистики такой не ведет. И выяснить статистику переселения в Россию вне госпрограммы уже фактически невозможно — все цифры приблизительны, и национальность переселенцев тоже никем и нигде не учитывается.

Я отнюдь не сторонник В.И. Ленина, но там, где нет, выражаясь словами вождя мирового пролетариата, «учета и контроля» — существует почва для злоупотреблений и их сокрытия. Миллион — туда, миллион — сюда, границы открыты, чиновники не могут или не хотят назвать точных цифр практически ни по одному из крайне важных параметров миграции. Но, простите, не так ли достигалось сокрытие злоупотреблений в Министерстве обороны? Миллиарды рублей туда-сюда, и где они теперь? Министерство сельского хозяйства — та же история. Питерское (и не только) ЖКХ — то же самое. А ведь **учет людей:** и собственного населения, и мигрантов, законных и незаконных, и соотечественников, о которых вообще никто ничего точно сказать не может, — это и есть самый главный в любой стране учет! В любой, но только почему-то не в нашей.

В пространной цитате из интервью президента России американскому журналу «Тайм», приведенной выше, мы видим компетентное и здравое суждение о трагедии, постигшей «25 миллионов этнических русских». Но оно практически нигде не звучит и не находит продолжения в деятельности госструктур. Чиновники даже самого высокого ранга предпочитают ограничиваться простой констатацией факта. Да, 25 миллионов. Да, этнических русских. Да, трагедия! Ну а дальше-то что?

А дальше, как водится — ничего. Самый большой в мире разделенный народ — русский. Ну и кого это особо волнует? При 80 с лишком процентах русского населения в России постоянно подчеркивается многонациональность, как и многоконфессиональность — при таком же проценте православных. **Демонстративное отсутствие учета национального русского фактора в России.** Лишь накануне последних президентских выборов (и то благодаря статье ныне действующего, а тогда будущего президента) стало возможным в открытую заговорить о русском народе как государствообразующем. При этом на деле ясно обозначается стремление управленцев заместить русское население вненациональным элементом.

Однако практика последних лет показывает: чем настойчивее стремление лишить русских их национальных призна-

ков, тем больше сплачиваются по национальному признаку этнические диаспоры в России, как в среде мигрантов — легальных и нелегальных, так и в национальных республиках Федерации. У одних национальность есть — у других нет. Почему так? В ответ — тишина. Ни одного логически непротиворечивого ответа на эти вопросы нам так и не дали за все эти годы. Все, что русские слышат в ответ — «это вопрос политический». То есть — вы его не троньте!

Но тогда получается, что если русский народ лишают права ставить самый главный политический вопрос в стране, его просто-напросто отстраняют от государственной политики.

Кто будет отвечать за совершенное преступление — за то, что 25 миллионов этнических русских были, по словам президента России, брошены «за границей без средств к существованию, в условиях растущего национализма, в условиях, когда они не могли приехать в новую Россию, на свою историческую родину, не могли общаться со своими родственниками, потому что у них даже не было денег на то, чтобы купить билет на поезд или самолет. У них нет квартир в России. Им негде жить, негде работать»? Кто-то должен отвечать за это преступление или нет? И самое главное — кто и как должен последствия этой трагедии исправлять? Не на словах, а на деле.

Может быть, потому и является самым главным табуированным «политическим вопросом» национальный русский вопрос, что если русских признать коренным народом России, более того, государствообразующим и самым большим народом России, то тогда **придется решать проблемы русского народа**. Придется исправлять все вопиющие несправедливости и перекосы. Называть и наказывать виновных. Вводить учет и контроль демографических процессов, касающихся русского и всех других коренных народов России. Учитывать их миграцию, репатриацию, переселение, национальный состав городов, регионов, автономий. И главное — всемерно способствовать возвращению всех желающих из числа «25 миллионов этнических русских» на бросившую их когда-то Родину. И тут украденные миллиарды в Минобороны, Минсельхозе и проч., проч. покажутся детскими шалостями по сравнению с тем, что было потеряно и украдено благодаря тому, что русских фактически лишили национальности, а значит, и сняли с государства ответственность за русский народ.

Мы, принято считать, с 1991 года живем в благословенное время демократии и гуманизма. Огромное внимание, принято считать, уделяется правам каждого человека. Не то, что в прежние времена...

Однако хочу напомнить, что еще при «проклятом царизме», во время Первой мировой войны Россия не забывала в тяжелейших условиях того времени позаботиться об эвакуации с территории, охваченной боевыми действиями, миллионов русских. О размещении их в тылу, обеспечении работой, питанием...

Хочу напомнить, что и во время Великой Отечественной войны, которую наши политики так любят поминать как главный подвиг и к памяти о которой прибегают как к основе для объединения нации, — так вот, в то время миллионы людей организованно эвакуировали в тыл. И в условиях самой страшной войны в истории человечества эти миллионы советских граждан — большинство из них русские — были эвакуированы, спасены, размещены, обеспечены работой, жильем и накормлены. Конечно, по меркам военного времени, но все равно это было спасением, сбережением нации...

А вот человеколюбивый новый режим в 1991 году бросил «25 миллионов этнических русских», фактически бросил, как сказали бы в годы Великой Отечественной, «под немцем». Так, может быть, пора нашему государству от констатации фактов переходить к делу?

Многие нынешние (и весьма видные) «соотечественные» деятели утверждают, что репатриация русских в Россию вредна, поскольку «подрывает ресурс российского геополитического влияния». Если следовать такой логике, тогда десятки миллионов людей, эвакуированных с оккупированных фашистами территорий в годы Великой Отечественной, нужно было бросить, оставить «под немцем», обречь на гибель. Чтобы они не приближали в нашем тылу победу и возвращение оккупированных врагом территорий, а работали бы на гитлеровскую Германию и были бы там замучены.

Мне кажется, цель ждущих репатриации 25 миллионов этнических русских, как и представителей других коренных народов России, не имеющих государственности за пределами РФ, — та же, что была у эвакуированных в войну: укрепить Россию, работать на благо своей Родины и тем самым приближать победу — ликвидацию последствий развала СССР или Большой России, как кому угодно. Иначе — ассимиляция, превращение молодежи из русских в русофобов и укрепление чего угодно, только не исторической Родины.

Когда мы принимаем различные стратегии в области национальной и миграционной политики и при этом не упоминаем главную и до сих пор нерешенную проблему России, не заводим ли мы себя сами в тупик, из которого нет выхода?

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРОПИСКА

Требование изменить Конституцию России, включив в нее соответствующий раздел о русском народе, является одним из немногих требований, которые разделяются почти всеми национально ориентированными русскими людьми.

Относительно конкретных формулировок можно спорить: государствообразующий ли должен быть у русской нации статус, или же нужно просто прописать, что Россия — это национальное русское государство, и т.д. Но то, что сам факт отсутствия русских в Конституции РФ вопиюще ненормален — с этим среди русских патриотов почти никто не спорит.

Однако то, что является аксиомой для большинства представителей русского народа, к сожалению, далеко не очевидно в России. И в этом смысле наши люди действительно достаточно существенно отличаются от в общем-то таких же или почти таких же людей, живущих где-нибудь в Чехии или в Дании.

Когда европейцу начинаешь рассказывать о том, что русский народ, составляющий 80% населения России, не упомянут в Конституции своей страны, а также отсутствуют какие-либо специальные законы о статусе русского народа, то европеец либо не верит, либо просто не может взять в толк: как такое вообще может быть? После того как он все-таки уясняет себе этот факт, нередко следует вопрос: «Скажите, чем мы в этой ситуации можем вам помочь?»

Простой русский человек, к сожалению, очень часто просто не понимает, в чем тут дело. «Ну, не сказано про нас в Конституции, и чего такого?..» Последний раз подобный вопрос, заданный практически этими же словами, мне довелось услышать во время дискуссии в эфире радио «Свобода». (Правда, персонаж, который этот вопрос задал, был отнюдь не простой колхозник из села Улеты, но рассчитывал он именно на среднестатистического обывателя.)

Винить русских людей в том, что для них некоторые простые истины неочевидны, едва ли возможно — слишком дол-

го наш народ жил в условиях, где эти простые истины были вывернуты наизнанку. В частности, это касается и вопросов права. Фактически с первых дней установления так называемой советской власти почти все базовые основы правового общества были быстро и решительно уничтожены. Старое законодательство было немедленно похерено — целиком и без всяких исключений. Вместо Конституции и законов поначалу вообще было лишь несколько декретов Совнаркома, а судам было велено впредь до появления нового законодательства руководствоваться «революционным правосознанием». Впрочем, и Конституцию, и прочий законодательный пакет потом нарисовали. Но суть, заложенная еще в конце 1917 г., осталась неизменной: исполнительная власть де-факто руководствовалась не буквой, а собственным пониманием «духа» законов. На практике это означало, что любая инструкция, спущенная вниз исполнительной властью, имела гораздо большее значение, чем все законодательные акты вплоть до Конституции. Подобная же система сохранилась и в РФ: в настоящий момент у нас действует целый ряд законов и статей Уголовного кодекса, которые прямо противоречат официальным конституционным нормам (например, 282 статья УК РФ входит в явное противоречие со статьей 29 российской Конституции). Однако еще большее значение, чем сами законы, имеет так называемая правоприменительная практика, то есть нормы, произвольно установленные исполнительной властью. В качестве примера можно указать на ситуацию с массовыми собраниями граждан — митингами, шествиями и т.п. Конституция гарантирует нам право собираться мирно и без оружия. Закон уточняет: собираться можно, но уведомив власть соответствующей бумагой и все «согласовав». На уровне прикладного администрирования процедура «согласования» — это процедура получения разрешения от властей на проведение той или иной акции. То есть уведомительная система на практике заменена разрешительной, чем попираются и нормы закона, и нормы Конституции. И бумажка, выданная в районной администрации за подписью очередного мелкотравчатого зама, имеет большую силу, чем Основной закон государства.

На практике законодательная вертикаль у нас перевернута: Конституция, которая должна возглавлять эту иерархию, оказывается в самом низу. А «постановления» и «разъяснения» становятся высшим законом. Так было при Ленине и Сталине, при Хрущеве и Брежневе. То же самое мы видим и сейчас, при Путине. Поэтому немудрено, что русскому человеку то, что написано в Конституции, не особенно интересно — в отличие от того, что написано в протоколе у участкового.

Но если мы хотим строить национальное и правовое государство, то нам, вообще-то, следовало бы вспомнить о том, что в таком государстве законодательную пирамиду венчает именно Конституция, а не повестка из прокуратуры и не разъяснение администрации. И для государства, не являющегося монархией или (на худой конец) диктатурой, значение Конституции чрезвычайно велико, почти абсолютно.

Ибо правовое государство демократического типа — это механизм, машина, которая действует по определенной программе. Конституция — это и есть та программа, которая направляет работу этого механизма. Все, что не прописано в Конституции, юридически просто не существует. И тем самым выпадает за пределы правового пространства, превращаясь в юридического мертвеца, у которого нет обязанностей, но и нет прав.

Вот, например, задумали вы создать общество якутской культуры. Нужно помещение, финансирование и т.п. Обращаетесь в профильные ведомства и в запросе указываете: мол, есть такой народ — у него свой национальный субъект Федерации есть, в Конституции упоминается. Народ, стало быть, коренной. В бюджет деньги на развитие национальных культур заложены? Заложены. Так что извольте выделять и вообще помогать. Иначе — нарушение закона, да еще дискриминация по национальному признаку.

Ну а если денег на культуру нету, то их можно требовать. Если нет закона, который позволяет такие требования выдвигать — можно требовать принять такой закон. Ибо в Конституции-то национальная автономия якутов прописана. А если вас посылают и на уровне Конституционного суда (что, как мы знаем, в путинской РФ вполне себе реально), то вы можете жаловаться в Европейский суд по правам человека. Судьи в ЕСПЧ в российский Основной закон заглянут, увидят, что там целое национальное государство якутов в составе РФ предусмотрено. А коли так, то и права на развитие культуры у него есть, и нужно требовать соблюдения этих прав.

И это касается, само собой, не только обществ национальной культуры и издания газет. Это касается всех вообще сфер права и реального материально-экономического обеспечения людей: в частности, жилищного строительства, использования природных ресурсов (вспомните Татарстан), воинского призыва (вспомните Чечню), образования (вспомните национальные квоты в ВУЗах), и т.д. и т.п. И уж само собой, это касается и межнациональных отношений и таких неприглядных дел, как, в частности, недавнее оправдание Мирзаева, убившего русского студента Агафонова. Ибо у Мирзаева

был огромный козырь: он является представителем народа, который юридически существует. А стало быть, имеет национальное представительство, каковое в лице дагестанских депутатов за него сразу же и впряглось. Имеет национальную гордость, которую оскорблять нельзя, за оскорбление которой можно получить уголовное наказание. А самое дело, в котором он участвует, является фактором межнациональных отношений, которые, знамо дело, лучше не осложнять.

Иное дело — убитый Агафонов. Он принадлежал к народу, которого юридически просто нет. Потому нет у него национальных представителей, которые дадут отпор дагестанским депутатам. И нет у него национальной гордости, ибо раз нет нации, то и гордости нет. И в сфере межнациональных отношений он был и остается пустым местом по той же самой причине — он не имеет национальной идентичности. Ибо русский. А русских в правовой системе РФ не существует.

И жаловаться в ЕСПЧ и прочие евроконторы бессмысленно. Ибо ЕСПЧ знает, что есть «Русская Федерация» (Russian Federation), и есть «русский» Мирзаев и русский Агафонов. Два лица одной национальности. Потому о межнациональной стороне данного конфликта речи быть не может. А то, что русские как этнос и нация и «русские» как «russians» в официальных путинских законах — это разные понятия, это нигде не прописано. Поэтому русские организации и не получают денег из бюджета на национальную культуру. (В отличие, например, от фонда «Холокост». — Ред.)

Поэтому немислимы никакие государственные программы по улучшению социального положения русского народа. Поэтому невозможны законы о поддержке разоренных русских регионов. Поэтому талантливые русские юноши и девушки никогда не получают никакой национальной квоты — например, на обучение в иностранных ВУЗах за счет государства. Поэтому русские беженцы из Чечни всегда будут в худшем положении, чем беженцы-чеченцы. Поэтому русские деревни в «национальных субъектах» и дальше будут нищенствовать на фоне деревень нацменьшинств. Поэтому новые мирзаевы будут получать за убийства новых агафоновых смешные сроки. И даже самого права потребовать изменить этот уродливый порядок у нас нет. Потому что юридически нас не существует. А по отношению к тому, чего нет, несправедливости быть не может.

Если же в российской Конституции появляется статья о том, что Россия — это национальное государство русского народа, то у нас, по крайней мере, появляется юридическая возможность требовать равноправия для своего народа. Тре-

бовать того самого жилья, компенсаций, квот, поддержки студентов и т.д. И требовать не только внутри России, но и, в случае нужды, в общеевропейских институтах и в ООН.

Именно поэтому самая идея о внесении в Конституцию раздела о русском народе равно пугает и нынешнюю власть, и либералов-космополитов из числа как бы оппозиционеров. Ибо они понимают: юридически это означает возвращение России русскому народу. Именно для этого нам, русским, конституционная прописка и нужна.

Эдуард ПОПОВ,
доктор философских наук

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЛИБЕРАЛОВ

В настоящее время находится на стадии рассмотрения проект Стратегии национальной политики Российской Федерации до 2025 года. Как известно, проект разрабатывался коллективом авторов, трое из которых в свое время возглавляли Министерство по делам национальностей РФ или лица, отвечавшие за выработку национальной политики в 1990-е — 2000-е гг.: Валерий Тишков, Вячеслав Михайлов, Владимир Зорин и Рамазан Абдулатипов. То есть именно те лица, которые несут персональную ответственность за провал национальной политики в последнее двадцатилетие.

Особенно странным в данном составе выглядит фигура академика В. Тишкова, руководителя Сети этнологических мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), снабжающей формально неправительственные западные организации оперативной информацией о процессах в сфере межэтнических отношениях. С именем Тишкова связано несколько скандальных происшествий. В частности, пикеты Евразийского союза молодежи неоднократно проходили под лозунгами «Тишков — шпион ЦРУ». Совпадение или нет, но спустя время Тишков был выведен из состава Общественной палаты Российской Федерации.

Концептуально В. Тишков стоит на методологической позиции так называемого мультикультурализма, то есть признания равноценности культур принимающего и мигрирующего населения. Об оглушительном провале этого теоретического проекта в последние 2—3 года открыто заявили ведущие лидеры Западной Европы. Эти заявления были сделаны на фоне участвовавших столкновений (в том числе с использованием огнестрельного оружия) между мигрантскими общинами и полицией, участвовавшими случаями нападения мигрантов (главным образом из исламских стран) на представителей местного населения, роста ответных ксенофобских настроений в отношении мусульманских мигрантов. Мигрантские общины все более отчетливо отказываются ассимилироваться в принимающем обществе и создают закрытые анклавные территории внутри крупных городов. Тем самым, происходит распад единого культурного и гражданского пространства, образовательной и социально-экономической деградации. Открыто с критикой политики мультикультурализма выступил президент В. Путин, который заявил о недопустимости создания закрытых мигрантских анклавов в российских городах.

Таким образом, введение в состав рабочей группы главного российского теоретика мультикультурализма открыто противоречит позиции главы государства и позиции ведущих стран Европейского Союза.

Анализ документа позволяет увидеть в нем странный симбиоз: атавизмы советской национальной политики (данная линия персонализирована Р. Абдулатиповым) и западной теории мультикультурализма (В. Тишков). Однако два разнонаправленных вектора проекта стратегии едины в одном: в ней не содержится места для русского народа, главного создателя Русского (синоним Российского) государства, составляющего подавляющее большинство населения нашей страны и производящего основное национальное богатство.

Более того: вопреки многочисленным нападкам на прежнюю Концепцию национальной политики 1996 г., данный вариант во многом представляет сильно ухудшенную версию своей предшественницы. При всех неоспоримых недостатках и минусах Концепции 1996 г. она была: 1) концептуально логична и последовательна и 2) содержала в себе фрагменты, пусть и очень слабо выраженные, в которых акцентировалось внимание на проблемах *территорий* традиционного расселения русского народа (о самих русских стыдливо умалчивалось). Приведу одну выдержку из нее: «...осуществление специальных программ занятости в трудоизбыточных регионах, мер по подъему «депрессивных» районов, в первую очередь в

Центральной России и на Северном Кавказе». Проблемам Северного Кавказа в нынешнем проекте, одним из разработчиков коего является дагестанец Абдулатипов, уделено повышенное внимание. Однако проблемное положение русского населения в упор не замечают составители эклектичного проекта Стратегии. Даже по сравнению с ущербной ельцинской концепцией это регресс. Да и в своих интервью Р. Абдулатипов старается уходить от вопросов о приниженном положении русского населения в национальных, в том числе остро дотационных северокавказских республиках.

Сознательное игнорирование проблемного положения русского народа, составляющего не менее 80% населения страны, авторами проекта Стратегии национальной политики свидетельствует о неспособости или нежелании их авторов дать объективную оценку культурно-исторических основ и этнополитических реалий нашей страны. В первую очередь, под сомнение следует поставить профессионализм этих авторов.

Второй напрашивающийся вывод — усилия авторов (главным образом, В. Тишкова) нацелены не на достижение консенсуса между русскими и другими коренными народами России. Последние де-факто являются главным страдательным объектом новой национальной политики. В отношении к ним предложен арсенал полицейских и идеолого-пропагандистских мероприятий (по воспитанию толерантности или наказанию за ее отсутствие). Кнутом и пряником воспитывается новая историческая общность — *Homo Rossiyanicum*. Русским и другим коренным народам предлагают отказаться от своей этничности в пользу искусственно сконструированной *россиянской* общности.

Не сложно предвидеть, кто проиграет и кто выиграет от такой подмены. Первыми проигравшими будет русское население России. В большом по объему документе, повторяю, не содержится упоминания о русском народе и его проблемах. Похоже, Тишкова, Абдулатипова и др. не волнует Русский крест, катастрофическое по скорости демографическое вырождение русских. Но в проигрыше останутся и другие коренные народы России, чего не понимают или не хотят понять представители этнократических режимов Северного Кавказа и других «титulyных» национальных республик. Устранение русских как стержня, на котором строится все государство Российское, очень быстро ударит по другим коренным народам страны. В выигрыше окажутся только мигранты (в основном, внешние), которые призваны стать носителем искусственного конструкта — «российский народ».

Приведу одну выдержку, которая свидетельствует о поразительной по непрофессионализму подмене целей государ-

ственной национальной политики: «Миграционное законодательство Российской Федерации ориентировано на привлечение временных иностранных работников и не содержит достаточных мер, способствующих адаптации и интеграции трудовых мигрантов в социально-культурное пространство основного населения страны».

Таким образом усилия разработчиков проекта Стратегии направлены не на повышение демографического уровня коренных народов России (прежде всего русского), улучшение социально-экономических условий их жизни и развитие национальных культур, а на адаптацию и интеграцию «трудо-вых мигрантов в социально-культурное пространство основного населения страны». Авторы проекта по существу выступают лоббистами внешней миграции, озабоченными слабым уровнем и «нетолерантностью» российского миграционного законодательства в отношении мигрантов.

Русским и другим коренным народам России в либеральных проектах, одним из образчиков коих является проект Стратегии нацполитики, в стратегическом плане не уготовано места. Критика в адрес теорий мультикультурализма в документе носит дежурный характер и не должна обманывать, так как исходит со стороны главного ее поборника в российских академических и политических кругах. Народы России должны осознать, что наше существование как коллективных личностей с этнической, культурной и исторической памятью угрожает опасность. Действительные и мнимые противоречия, накопившиеся в сфере межэтнических отношений, должны уступить место единству, направленному на сохранение культурного и территориально-политического единства. Что, в первую очередь, предполагает категорический отказ от либеральных теорий автоаннигиляции.

Владислав ГУЛЕВИЧ

РУССКИЕ НА КАВКАЗЕ

Этнодемографическая динамика в северокавказских республиках всё чаще становится предметом пристального внимания не только отечественных, но и зарубежных экспертов. Причём

первых интересует вопрос сохранения стабильности в указанных регионах, а вторых — перспективы ослабления государственного контроля над Северным Кавказом, как прелюдия к освоению региона геополитическими соперниками России.

Статистика свидетельствует, что уже в 1990-х русских на Северном Кавказе стало меньше на 343 000, в то время как местные этносы увеличили свою численность на 403 000 человек. Отток славянского населения наблюдается не только из беспокойного Дагестана, но и из более стабильных республик, являющихся местом проживания черкесских народов — адыгов, кабардинцев, шапсугов, и, собственно, черкесов.

Если в советское время в Адыгее проживало 78% русских, то сегодня их уже 52%. За последние пять лет на 20 000 человек сократилась численность русских в Карачаево-Черкесии, где русские уже не составляют большинства, а их доля в общей этнической картине республики упала до 33,6%. Западные аналитики не скрывают, что репатриация в республику 160 000 сирийских черкесов ещё больше изменит этносоциальный баланс и послужит прелюдией к созданию т.н. Великой Черкесии.

В Кабардино-Балкарии, как и по всему Северному Кавказу в целом, численность русских непрерывно уменьшалась, как минимум, с 1980-х гг. С 1989 по 2002 г. русских в этой республике стало на 14 000 меньше. С тех пор эта тенденция сохраняется, что и показала Всероссийская перепись населения 2010 г., зафиксировавшая численность русских на уровне 22,5%. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. доля русских в Кабардино-Балкарии составляла 25,14%. Прирост населения на 1000 жителей в Кабардино-Балкарии в 2009 и 2010 гг. составлял 4,1 и 4,9, а в Карачаево-Черкесии — 3,6 и 3,2, что превышает показатели среди славян.

Ещё одна негативная тенденция — старение русского населения. На фоне бума рождаемости в Ингушетии, Чечне и Дагестане и продолжающегося исхода славян из этих республик национальный облик Северного Кавказа довлеет к моноэтничности. По прогнозам Джеймстаунского фонда (США), если ситуацию не переломить, к 2025 г. русское население сохранится только в трех республиках (с черкесским этническим компонентом) — в Адыгее, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. В Дагестане, Чечне и Ингушетии русских не останется. При этом уже сегодня количество русских в последних двух республиках — чуть ли не на уровне арифметической погрешности.

Для славянского населения России характерна не только низкая рождаемость, но и рост количества тех, кто отрицает принадлежность к какой бы то ни было национальной груп-

пе. Как показывает статистика, двадцать лет назад таковых было в 362 раза меньше, а сегодня — более 5 миллионов. Вероятно, не все из них — славяне, но с изрядной долей вероятности можно предположить, что число представителей кавказских этносов среди космополитов будет ничтожно малым в силу приверженности кавказцев традициям, пусть иногда и в ущерб себе.

Космополиты — это, как правило, обитатели мегаполисов, носители современной поп-культуры, оторванные от своих корней, проникшиеся выхолощенной светскостью. Интересно, что внимание на это обратили антироссийские источники в среде далёкого от Кавказа т.н. «литвинизма» — новоявленного течения, отпочковавшегося от белорусского национализма. Литвинисты придерживаются мнения, что белорусы не только отличный от русских народ, но и что сам этноним «белорусы» чуть ли не выдуман российскими «оккупантами» для уничтожения в народе памяти о Великом Княжестве Литовском (ВКЛ). Соответственно, белорусы — это никакие не белорусы, а литвины, т.е. наследники ВКЛ. Смехотворность подобных утверждений налицо, особенно, если учесть этногенезис ВКЛ, но обращает на себя внимание рекомендация новоиспечённых литвинистов вербовать сторонников этой идеи среди космополитичной молодёжи крупных российских городов — Москвы, С.-Петербурга, Калининграда и проч. Теоретически литвином может стать каждый белорус, украинец или русский, т.к. в состав ВКЛ входили, полностью либо частично, земли современных Беларуси, Украины и России.

Причины оттока русского населения из кавказского региона назывались много раз (клановая структура социально-хозяйственных отношений, невыполнение юридических норм, препятствующих притеснению по этническому признаку, далеко не лучшая экономическая ситуация). Высказывались и различные рекомендации по изменению данных тенденций. Позволю высказаться и себе.

Первоочередным шагом должен стать **пересмотр административно-правовых полномочий** местных органов власти, дабы избежать её превращения в политический этномеханизм кормёжки отдельных кланов. Такой пересмотр отвечает и интересам титульных народов Северного Кавказа, т.к. не позволит региону дойти до необратимого уровня политико-экономической энтропии.

Необходимо также **отказаться от порочной практики размежевания России на этнополитические конгломераты**. Для стабильности государства Краснодарский или Ставрополь-

ский край куда лучше, чем отделяющиеся от остальной России Дагестан, Чечня или Карачаево-Черкесия. Политико-национальные единицы в Великобритании (Шотландия, Северная Ирландия), Испании (Каталония), Канаде (Квебек) и т.д. регулярно требуют всё больших полномочий.

Объединение национальных республик в округа и края может, если не предотвратить центробежные тенденции на Северном Кавказе, то значительно усложнить реализацию сепаратистских проектов. При этом крайне важно обеспечить культурные запросы каждого этноса (обучение родному языку, сохранение и приумножение собственного культурного наследия). Создание национальных республик обосновывалось как раз намерениями сберечь национальный облик народов России. Нужно сделать так, чтобы национальному облику этих народов ничто не угрожало и при административном переделе.

На этом фоне **в защите нуждается и русская культура**, но не от расширения ареала культуры кавказских народов, а от проникших в русское общество секулярно-либеральных тенденций — безверия, экономоцентризма, забвения собственных корней и истории. Раньше народы Российской империи, а, затем и СССР соприкасались с русским народом через его культуру. Сегодня же русским самим не всегда удаётся удовлетворить свои культурные потребности. Даже в пределах «русской» России национально-культурные ансамбли, коллективы, фольклорные группы — редкие гости городских сцен и телеэкранов. Их редкие выступления теряются на фоне обезличенной попсы и американизированной массовой культуры, которая вызывает только отвращение у кавказских народов, традиционно склонных к культурно-историческому архаизму (в положительном смысле этого слова). Русская культура превратилась в нерентабельный проект — исчезла культурно-мировоззренческая смычка между русскими и иными народами России. Ветеран американских ВС Ральф Петерс говорил, что американская поп-культура — это крэк-кокаин для других народов. Если русские будут носителями этого «крэка», они навредят себе и вызовут неприязнь к себе со стороны других.

В более широком масштабе **важно возродить жизнь в русской деревне**. Деревня была поставщиком человеческого материала в города. Загубив деревню, мы прервали человеческую цепочку, перетекающую из деревни в город. Эта миграция имеет место, но она по численности несравнима с миграцией прошлого. На Кавказе доля сельского населения традиционно выше, чем в целом по России. Из кавказских сёл

молодёжь сначала перетекает в кавказские города, а затем, когда тесно уже и там, перемещается в другие регионы России. И хотя в наш век экономическая жизнь на деревне отличается от таковой прошлых времён, именно деревня в большей мере, чем город, выступает хранительницей традиционного мировоззрения и быта.

Необходимо **усилить контроль над кавказскими СМИ** на предмет наличия в них высказываний ксенофобского характера, от кого бы они ни исходили. Постоянное циркулирование темы Великой Черкесии в местной прессе вкупе с угрожающими нотками в адрес не титульного народа вселяет в русских опасения за своё будущее.

При этом **нельзя замалчивать факты притеснения славянского населения**, а, напротив, предавать их огласке и доводить до публики информацию о том, какие были приняты меры в каждом конкретном резонансном случае. Противоречия здесь нет: исключение из оборота прямых и завуалированных угроз в адрес титульного народа на фоне неотвратимой огласки «подковёрных» попыток поставить национальность выше закона оздоровит информационный фон в регионе.

Исход русских с Северного Кавказа означает культурно-политическое отдаление региона от остальной России, превращение его в монокультурный анклав. Переломить ситуацию в ближайшей перспективе вряд ли удастся, а вопрос «Как остановить отток славян из республик Северного Кавказа?» сохранит свою актуальность в ближайшие десятилетия.

Денис ТЕРЕНТЬЕВ

КТО В ДОМЕ ХОЗЯИН?

На Кольском полуострове открыто крупнейшее в XXI веке месторождение металлов платиновой группы — Фёдорова тундра. Минимальная стоимость скрытых в нём ресурсов — 27 млрд. долларов. Но недра только формально принадлежат России, а долгосрочная лицензия на разработку Фёдоровой

тундры находится в руках канадской корпорации, которая недавно увеличила свою долю в будущей добыче до 80%, хотя производство платины, иридия, палладия и осмия всегда относилось к стратегически важным отраслям, куда должен быть заказан путь иностранному капиталу.

Кольский Клондайк

В 1986 г. московский профессор Феликс Митрофанов приехал в заполярные Апатиты руководить геологическим институтом — хотел заниматься прикладной наукой. Но в перестройку бюджет урезали, коллектив из 500 человек оказался на грани распада, и Митрофанов понял: необходимо заняться чем-то высоколиквидным. Например, найти новое для Кольского полуострова сырьё: платину, палладий, иридий. Геологам удалось выявить рудную перспективность в районе Ловозера без дорогостоящего бурения: по изотопам определяли возраст пород, глубину их формирования, соотношения различных минералов — тогда это был революционный метод. В начале 90-х Академия наук продолжала поддерживать Митрофанова технически. Но когда дело дошло до бурения по 100 долларов за метр, дорогих масс-спектрометров и сложных компьютерных программ, государство развело руками.

— Когда мы доказали наличие запасов платины и палладия, самыми дальновидными оказались зарубежные компании, а не наше государство, к сожалению, — говорит Феликс Митрофанов. — Мы обнаружили уникальную Восточно-Скандинавскую рудную провинцию, занимающую более 200 тысяч квадратных километров. Разведанные запасы платины здесь меньше, чем в Норильске, зато на Кольском полуострове лучше инфраструктура и условия добычи.

За первые два месторождения Митрофанов получил в 2010 г. Государственную премию России. Они оценены в 27 млрд. долларов и содержат около 410 т металла: в основном палладий, поменьше платины, золота и родия плюс добавка никеля и меди. Уже сегодня открыты ещё три месторождения, а общие запасы Фёдоровой тундры и окрестностей (Фёдорово-Панский массив руд) могут составить до 2,5 тыс. т металлов.

В посткризисное время, когда мировые цены на металлы платиновой группы выросли в разы, а перспективы их освоения стали блестящими, мудрое правительство РФ не придумало ничего умнее, как передать контроль над Фёдоровой тундрой иностранцам. ЗАО «Фёдорово Ресорсез», дочка канадской корпорации Barrick Gold, получило разрешение Комиссии по иностранным инвестициям правительства РФ выкупить 30% акций — и у неё стало 79%. Компания планирует

построить в районе Ловозера два карьера и обогатительную фабрику. Добычу собираются начать в 2012—2013 годах, рассчитывая на 5,2 т палладия, 1,2 т платины, 300 кг золота, 5 т меди и 2 т никеля ежегодно. Канадцы планируют выработать здесь перспективную платину и палладий за 19 лет.

Металл будущего

В Роснедрах по поводу этой сделки любят ссылаться на историю: мол, в нашей стране платиной традиционно занимались иностранцы. На Урале платину обнаружили в 1819 г., а к концу XIX века Россия добывала её в 40 раз больше, чем весь остальной мир. Самородки по 6—9 кг считались нормой. Но страна не знала, что делать с платиной, которая целиком шла на экспорт, а в 1867 г. англичане и вовсе скупили весь имперский запас — более 16 тонн. При Николае I пробовали чеканить платиновые рубли, но впоследствии их пришлось изымать из обращения: мировые цены пошли вверх, а стоимость металла превысила номинал монеты.

С начала XIX века платину использовали для зубных пломб и как добавку для высокопрочных сталей. А российская знать называла платину белым золотом и ценила невысоко: трудноплавкий металл почти не блестел на драгоценных украшениях. В новое время платина и её сплавы пошли на зеркала для лазерной техники и анодные штанги для корпусов подлодок, на контакты в электронике и детали атомных реакторов. Палладий ценится на том же уровне после того, как выяснилось, что палладиевые катализаторы для очистки выхлопных газов в автомобилестроении эффективнее платиновых. По словам академика Митрофанова, на платине и палладии в XXI веке будут базироваться новая водородная и гелиевая энергетика, автомобильная, авиационная, космическая промышленность. Но по производству платины Россия давно не лидер: мы сохранили 8—10% в добыче и запасах. Зато по палладию впереди планеты всей.

Палладий встречается в мире в 10 раз реже золота. В советские времена он считался стратегическим ресурсом и никогда официально из этого списка не исключался. Объёмы его добычи и запасов засекречены до сих пор. Тем не менее с 1991 г. Россия активно продаёт палладий из запасов Гохрана: по данным британской исследовательской компании GFMS, в 2005—2009 гг. Россия экспортировала до 50 т металла в год — четверть его мирового производства. Но к 2010 г. эксперты вдруг сообщили об истощении запасов: Россия решила сократить поставки до 4,5 тонны. По словам заместителя ди-

ректора «Норильского никеля», производящего большую часть российского палладия, Виктора Спрогиса, Россия может вовсе завершить экспорт палладия. Угроза дефицита вызвала панику на рынке: если в 2010 г. за унцию палладия давали 400 долларов, то в феврале 2011-го — 855 долларов. Тем самым палладий стал дороже платины в 1,7 раза.

Ещё в 2003 г. «Норникель» приобрёл компанию Stillwater Mining — крупнейшего производителя палладия и платины в США. А когда истощение запасов палладия в Гохране стало очевидным и цены выросли, правительство РФ передало канадской Barrick Gold контроль за месторождением Фёдорова тундра. Где логика, где разум?

В радиусе 100 км от Фёдоровой тундры — шахтёрские Мончегорск, Кировск, Апатиты: 16 геологических институтов, квалифицированные кадры, железная дорога, неплохие асфальтированные трассы, 200 км до мурманского порта, финской и норвежской границ.

В Кольском научном центре говорят, что инвестиции в рудный бассейн ожидаются в размере 1,3 млрд. долларов, а прибыль может составить около 20 миллиардов. Но правительство Путина—Медведева продолжает с лёгкостью финансировать проекты, даже в мечтах не предполагающие такой баснословной прибыли: строительство тоннелей близ горнолыжных курортов в Сочи или футбольного стадиона в Петербурге.

Кстати, корпорация Barrick Gold славится умением находить поддержку у принимающих решения российских чиновников. Её называют среди главных претендентов на разработку золоторудного месторождения Сухой Лог в Забайкалье. А аффилированная с ней английская компания Highland Gold Mining (HGM) уже является второй по запасам золота на территории России. Она осваивает Многовершинное месторождение в Хабаровском крае, Майское — на Чукотке, Тасеевское и Новоширокинское — в Забайкалье.

Ну и кто в нашем доме хозяин?

МИНИСТЕРСТВО БЕЗ ОБРАЗОВАНИЯ

В так называемый «пореформенный период» в России сложилась уникальная практика, при которой каждый следующий министр образования, назначаемый властью, оказывается по своим профессиональным качествам на ступень ниже предыдущего. Тем самым власть как бы говорит: лучше не протестуйте и не требуйте смены первого лица данного министерства. Потому что следующий будет намного хуже.

Не углубляясь далеко в историю, рассмотрим хотя бы трех последних владельцев портфеля министра образования.

В 1998 году министерство образования возглавил Владимир Филиппов. Будучи довольно успешным ректором одного из ведущих российских вузов — Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, став первым лицом в образовательном ведомстве, он сразу же активно включился в реформирование всей системы образования. Делал он это с такой рьяной активностью, что даже не успел заметить, что главными организаторами и вдохновителями всех его «реформ» были американские советники, пригревшиеся под крылышком созданной в 1992 году на деньги Всемирного Банка (то

ДОСЬЕ "МГ"

есть на американские деньги) Высшей Школы Экономики. Когда ему всё популярно объяснили, господин Филиппов очень быстро смирился со своей второстепенной ролью в данном процессе и, понимая, что от этого зависит его личное благополучие, предпочел работать на высоком посту министра по принципу «Чего угодно-с?»

Уже в 1999 году американскими советниками была разработана «Федеральная программа развития российского образования на 2001—2004 годы». В данную «программу» были заложены многие беды сегодняшней системы образования в России. Начался целый ряд «экспериментов», целью которых стало фактическое уничтожение всех лучших традиций российского образования.

В рамках «программы» началось активное внедрение в нашей стране единого государственного экзамена — ЕГЭ. При чем американские советники, под руководством которых внедрялась эта «новация», забыли сказать министру о том, что данный «эксперимент» уже полностью провалился и в Европе, и в Америке. А самому Филиппову, который до сих пор считает себя доктором физико-математических наук, даже невдомек было поинтересоваться этим у более знающих коллег.

«Эксперимент» по внедрению в России ЕГЭ изначально проводился преступным путем. Потому что делалось это с грубейшим нарушением Основного Закона страны — Конституции. Ибо статья 21 четко гласит: «Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». Но у миллионов российских школьников и их родителей забыли спросить согласие на проведение данного широкомасштабного эксперимента, который фактически перевернул всю их жизнь.

Видимо, господину Филиппову было дороже не соблюдение главного российского закона, а благосклонное отношение к нему вышестоящего начальства и «представителей вашингтонской общественности».

Еще более страшный эффект получился от внедрения (в рамках все той же «программы») проекта «реструктуризации сельской школы». Эта затея кончилась началом процесса массового закрытия малокомплектных сельских школ. За период филипповского руководства министерством было уничтожено более 10 тысяч школ. Не исключено, что и это в какой-то степени стало причиной массовой детской беспризорности начала 2000-х годов. Которую уже тогда специалисты оценили в 1,5—2 миллиона человек.

Однако господина Филиппова это абсолютно не волновало. Он красовался на совещаниях, рассказывал о «достиже-

ниях» в «модернизации» системы образования и продолжал раскручивать маховик совершенно безумных «экспериментов», исполняя любую глупую затею вышестоящих начальников. За что не случайно заслужил среди специалистов кличку «паркетный шаркун».

Замена господина Филиппова в 2004 году на новую фигуру — Андрея Фурсенко — отнюдь не была следствием недовольства его деятельностью со стороны администрации Владимира Путина. Просто, став президентом страны во второй раз, Путин решил частично сменить команду. Выполнив, кстати, в какой-то мере требования общественности о замене наиболее одиозных личностей. Конечно же, Владимир Филиппов не мог затмить собой такую личность, как Зурабов, но недовольство им высказывалось все чаще и чаще. Поэтому Филиппов вернулся в свой родной РУДН. А продолжателем его дела стал верный друг и соратник Путина (и член кооператива «Озеро», что, как потом выяснилось, сыграло главную и решающую роль) Андрей Фурсенко.

То, что Андрей Фурсенко будет на порядок ниже по своим профессиональным качествам по сравнению с предшественником, было очевидно изначально, так как он вообще никогда не работал в системе образования. Но, таков уж принцип подбора руководящих кадров в нашей стране. Во главу угла ставятся не профессиональные качества претендента, а его личная дружба с руководством страны и личная преданность.

В этом ключе фигура господина Фурсенко была подобрана безукоризненно. В расчет не взяли лишь одного: **он вообще ничего не понимал в системе, руководить которой его поставили.** Поэтому, рванув с места в карьер, он сразу же наделал массу непоправимых ошибок, которые со временем переросли в масштаб национальной катастрофы.

Он принялся активно переводить ЕГЭ из разряда эксперимента в разряд штатного итогового школьного экзамена. А затем, на основе все того же ЕГЭ, решил поменять всю систему отбора абитуриентов в вузы. При этом господин Фурсенко, опять-таки под влиянием тех же американских советников, решил поменять всю доктрину развития образования в России. Он вдруг неожиданно для всех, выступая на так называемом «форуме» на озере Селигер перед «нашистами», провозгласил, что главной целью образования является не создание интеллекта и не воспитание социально активной личности, а всего лишь «подготовка квалифицированного потребителя».

Эта доктрина полностью соответствует основным параметрам существовавшей в США в 90-е годы модели. Но гос-

подину Фурсенко забыли сказать его американские «коллеги» о том, что именно эта модель привела американскую школу к полному краху. И в начале 2000-х они начали её экстренно перестраивать.

Однако внедрения ЕГЭ новоявленному министру показалось мало. И он решил перестроить всю систему образования России, переведя её в разряд платных услуг. Началась активная разработка принципа «нормативно-подушевого финансирования» всех уровней образования. То есть фактически начался перевод на новую модель финансирования сферы образования. И это привело к окончательному краху всей системы образования в малых городах России и на селе. С 2004 по 2012 год в стране было уничтожено еще более 10 тысяч школ.

В отличие от своего предшественника, который к реформированию высшей профессиональной школы относился с некоторой осторожностью (так как сам в какой-то мере был выходцем из этой школы), господин Фурсенко, не обремененный никакими знаниями в этой сфере (а также, как показало время, — и никакими угрызениями совести), начал активную «перестройку» системы высшего профессионального образования. Едва вступив в должность, он тут же приступил к внедрению в жизнь подписанного его предшественником в 2003 году Болонского Соглашения. Но, как показало время, так и не понял его главной сути. Вместо того, чтобы начать процесс согласования с Европой стандартов высшего профессионального образования, он взялся за структурную перестройку. Решил перевести хорошо отлаженную в российских вузах систему подготовки специалистов на двухуровневую модель «бакалавр-магистр». И это при том, что рамки Болонского Соглашения нас к подобному шагу даже не принуждали. Ибо в самом Соглашении было записано, что каждая страна вправе сохранить у себя исторически сложившуюся модель высшего профессионального образования.

Но господину Фурсенко было на это глубоко наплевать. Потому что была поставлена задача всеми возможными средствами снизить уровень высшего профессионального образования в Российской Федерации. И он эту задачу активно выполнял. Осознанно и целенаправленно. Поэтому по сравнению с Владимиром Филипповым, который во главу угла ставил преимущественно свои собственные интересы и необходимость угодить начальству, господин Фурсенко в развитии российской системы образования сыграл роль вредителя.

И это, конечно же, не прошло незамеченным. В весьма короткий промежуток времени министр образования и науки Андрей Фурсенко стал в России не просто непопулярной фигурой, а мишенью номер один для критики со стороны педагогической общественности. Но самое главное — он фактически стал врагом высшей профессиональной школы.

Все ожидали, что при смене президента в 2008 году фигура Фурсенко исчезнет с образовательного небосклона и вновь избранный президент Дмитрий Медведев найдет на должность министра образования и науки более профессионально пригодного руководителя. Но этого не случилось, что еще раз доказывает тезис о полной несамостоятельности самого господина Медведева. Члены кооператива «Озеро» остались при нем в роли «смотрящих».

Более того, именно в период президентства Дмитрия Медведева при непосредственном участии господина Фурсенко были приняты самые непопулярные решения, сыгравшие роковую роль в развитии российской системы образования: окончательное утверждение ЕГЭ в качестве главной и единственной формы итоговой аттестации выпускников за курс средней школы, перевод школы на коммерческую основу (пресловутый Федеральный Закон № 83-ФЗ), перевод вузов на Болонскую систему, внедрение нормативно-подушевого принципа финансирования.

Все эти «новации» привели к массовому возмущению образовательной политикой Андрея Фурсенко. На улицы городов и поселков вышли демонстранты с лозунгами «Долой Фурсенко!». И это в какой-то мере стало причиной замены его на посту министра сразу после очередных президентских выборов в 2012 году другой фигурой. Правда, Фурсенко так и не удалился со сцены, заняв пост советника президента страны по вопросам образования и науки. Что еще раз подтверждает мысль о том, что процесс формирования властных структур в России носит совершенно извращенный принцип.

Тем не менее доверчивые российские граждане ожидали, что в механизме управления системой образования страны все-таки проявятся положительные тенденции и наконец-то у руля столь значимого министерства окажется действительно профессиональный руководитель.

Но руководство страны осталось верно своему принципу. Процедура выбора будущего главы Министерства образования и науки проходила сугубо в кулуарном режиме. Все было окутано тайной. Ходили разнообразные слухи. Кто-то пророчил столь ответственный пост бывшему советнику президента Медведева — Аркадию Дворковичу. А кто-то даже сде-

лал совершенно неожиданные предположения о том, что во главе данного ведомства может встать скандально известная теледива Тина Канделаки. Во время одной из встреч с активом «Единой России» Дмитрий Медведев, отвечая на вопросы жеманной Тиночки, двусмысленно намекнул: вот такого бы нам надо министра образования! И то, и другое предположение выглядело чуть ли не анекдотично. Все это делалось, по всей вероятности, специально. Для того, чтобы под этим прикрытием принять решение хоть и не популярное, но не столь вызывающе анекдотичное. И чтобы народ с облегчением вздохнул: «Ну, слава богу! Это не Канделаки!»

Операция прикрытия прошла успешно. Никто даже предположить не мог, что новым министром образования и науки станет никому не известный молодой ректор МИСиСа Дмитрий Ливанов.

Чем отличился на ниве образования данный господин, до сих пор не может догадаться никто. А отличился он всего лишь тем, что в свое время весьма удачно женился на дочери своего научного руководителя — ректора все того же МИСиСа Юрия Карабасова.

Юрий Сергеевич Карабасов — личность достаточно известная в вузовских и политических кругах. Он был одним из руководителей «Единой России» в Москве. Человек достаточно влиятельный и по жизни весьма пробивной. Именно он и стал главной движущей силой для своего зятя — Дмитрия Ливанова.

Видимо, не без помощи тестя в 2004 году господин Ливанов занял место директора Департамента государственной научно-технической и инновационной политики Минобрнауки, а в 2007-м переместился на пост заместителя министра.

Так уж сложилась вся система власти в России, что основным принципом подбора руководящих кадров главным образом являются дружеские или родственные связи. Система, прямо скажем, порочная. Присущая в основном восточным тираниям. Но, тем не менее, безотказно работающая в современной России. Зять господина Зубкова — Анатолий Сердюков до недавнего времени занимал пост главы Минобороны. Муж и жена Христенко и Голикова возглавляют сразу два федеральных ведомства. Не говоря уже о детях федеральных руководителей, которые занимают самые высокие должности в банковских и крупнейших коммерческих структурах.

Сейчас у многих возникает вполне закономерный вопрос: чем же так прославился этот 45-летний «ученый», ставший даже в 2011 году лауреатом Государственной премии в области образования?

А «прославился» он тем, что еще в 2007-м предложил резко сократить финансирование Российской Академии наук, чем вызвал негодование всех российских ученых. Видимо, эта самая страсть к сокращению всего и вся и стала определяющей при решении вопроса о его назначении. Кроме того, будучи человеком, напрямую связанным с бывшим министром Фурсенко, он оказался весьма удобной фигурой для того, чтобы ни одна тайна полишинеля данного ведомства и лично господина Фурсенко не вылезла наружу. То есть бывший министр, перебравшись в кремлевский кабинет, должен был иметь гарантии того, чтобы его преемник был послушным паинькой и строго выполнял все его предписания.

И господин Ливанов полностью оправдал высокое доверие. Первое, с чего он начал свою трудовую деятельность в качестве министра, стало его заявление о необходимости сокращения вполтину бюджетных мест в вузах и уменьшении на 20% самих государственных вузов.

Так сказать, был брошен пробный камень. Если бы это сделал в свою бытность Андрей Фурсенко, его бы затоптали ногами. Уж слишком велика была к нему ненависть всей страны, накопленная за годы его нахождения в министерском кресле. А вот новоявленному преемнику это сошло с рук. Более того, целая бригада представителей «партии власти» во главе с «думским мальчиком», претендовавшим на роль председателя думского комитета по образованию Владимиром Бурматовым, бросилась на защиту «идей» нового министра.

И это воодушевило господина Ливанова чрезвычайно. Это означало, что думское большинство готово поддержать столь непопулярную меру, приняв на себя львиную долю критики за ее применение. И начал действовать.

Моментально было принято решение о проведении внепланового «мониторинга» деятельности всех государственных и негосударственных российских вузов. Да вот беда, как это всегда бывает с самонадеянными, но не слишком грамотными людьми, новоиспеченный министр и его окружение не удосужились проработать данный вопрос профессионально. И это стало причиной всероссийского скандала.

Во-первых, отвечать на вопросы и заполнять бланки, подготовленные для этого «мониторинга», поручили самим вузам. При этом даже не объяснив цель данной работы.

А во-вторых, критерии оценки деятельности вузов были выбраны по принципу того, что можно посчитать на калькуляторе. То есть подход был осуществлен не научный, а чисто бухгалтерский. Общее количество этих критериев составило более 40. Но они были разделены на 5 групп. В каждой группе

выделили один главный критерий. Таким образом главных критериев оказалось 5.

Когда ведущие эксперты в сфере образования ознакомились с данным подбором критериев, это их весьма озадачило. И первый вопрос, который сам собой возник при попытке осознать эту «новацию» молодого министра был таким: а все ли у него в порядке с головой? Потому что брать за критерии эффективности работы вуза баллы по ЕГЭ, полученные будущими студентами на выходе из школы, количество квадратных метров, количество докторов и кандидатов наук, количество иностранных студентов и объем заработанных вузом средств — это не просто глупость. Это — провокация против всей системы высшего профессионального образования в России. Тем более что на основе подобного «мониторинга» министерство собралось принимать решение о дальнейшей судьбе того или иного вуза.

Причем решений может быть несколько. Первое — ликвидация. Второе — слияние с более «эффективным». Третье — реорганизация вуза в ПТУ. И четвертое — прибавка некоторой суммы бюджетных средств.

Про четвертый вариант, скорее всего, очень быстро забудут, так как в бюджете на 2013—2015 годы предусматривается сокращение расходов на образование на 36%. А это значит, что никто и никаких денег не получит. Остается только ликвидация. Потому что любое слияние или реорганизация равнозначны все той же ликвидации.

Таким образом **господин Ливанов четко взял курс на полную и окончательную ликвидацию системы высшего профессионального образования в стране. И уже лет через пять мы придём к уникальному феномену: Министерство образования в России сохранится, а само образование — нет.**

Видимо, к этому и ведет нас всех новый «министр». Тогда вообще прекратятся какие-либо споры о дальнейшем развитии образования в нашем многострадальном государстве. Потому что не будет объекта спора.

А господин Ливанов станет управлять лишь призраком. И еще своей дорогой иномаркой, на которой он будет ездить не в министерство, а в гости к тестю или к своим американским советникам в Высшую Школу Экономики.

Но и это продлится недолго. Потому что никому не нужен будет министр при полном отсутствии отрасли, которой он формально должен руководить.

ЧУБАЙС

Материалы дела полковника Владимира Квачкова, которого обвиняют в попытке вооруженного переворота и содействии террористам, переданы в суд. Внимание общественности к судебному «хождению по мукам» отставного полковника ГРУ привлекает отнюдь не официальное обвинение. Истинная причина, по которой российская Фемида мертвой хваткой вцепилась в военного, — резонансное дело о покушении на Анатолия Чубайса. Хотя затянувшийся уголовный сериал уже давно следовало бы перекалфицировать по статье о предательстве и на скамье подсудимых должен сидеть отнюдь не Квачков, а тот, кто в 90-е с завидной частотой бил себя кулаком в грудь и брал «ответственность на себя». Да так до сих пор и не взял.

Детство

Для того чтобы лучше понять причины непотопляемости и особое место феномена под названием «Чубайс» в новейшей российской истории, имеет смысл отследить аппаратно-политическое происхождение и основные вехи трудовой биографии политика, который сначала самозабвенно крушил советскую систему, а затем, расчистив цивилизационное пространство, занялся постановкой грандиозных социал-дарвинистских экспериментов над населявшими его народами. В данном контексте Анатолий Борисович интересен не столько как личность, сколько как знаковая фигура или символ эпохи, а точнее говоря, стоящих за ним сил, которые до сих пор контролируют политический процесс в России.

Следуя хронологическому принципу, начнем издалека. То есть с детства — периода жизни, когда закладывается если не осознанное отношение к действительности, то, во всяком случае, определенное мироощущение. Толик появился на свет в 1955 году в белорусском городе Борисов и в нежном возрасте абсолютно не выказывал задатков будущего «либерального терминатора» и ниспровергателя коллективистских устоев советского общества. Детство проходило в стандартном

среднестатистическом советском ключе. Казалось бы, сын офицера, ветерана ВОВ, преподававшего марксизм-ленинизм, должен быть в наименьшей степени предрасположен ко всякого рода диссидентским веяниям. Мать нашего будущего антигероя, Раиса Сагал, была экономистом. Данное обстоятельство, судя по всему, оказало решающее влияние на профессиональный выбор ее сына. Оставаясь практически всю жизнь домохозяйкой, она могла уделять достаточно внимания детям. И влиянием мамы, надо думать, юный Толлик, в отличие от жертв его антисоциальных постсоветских экспериментов, обделен не был. Как видим, в фамилии родительницы содержится недвусмысленное указание на нерусские корни подрастающего реформатора. Безупречной «пятой графой» не мог похвастать и Борис Матвеевич Чубайс (вообще фамилия Чубайс латгальского или, проще говоря, прибалтийского происхождения). В общем, особых личных (генетических) поводов испытывать пламенную любовь ко всему русскому, надо признать, у великого ваучерного комбинатора не было.

В памяти нашего героя, по его собственному признанию, сохранились воспоминания о «кухонных прениях» отца и старшего брата Игоря Чубайса (будущего социального философа и идейного антагониста Анатолия), который вступал в полемику с отцом по поводу адекватности и перспектив советского строя. Как утверждает сегодня Анатолий Борисович, уже на заре туманной юности его симпатии были на стороне брата, изобличавшего пороки советской системы.

Можно предположить, что первый урок космополитизма наш герой получил в «Одессе-маме», где пошел в школу, после чего судьба отпрыска военного забросила его во Львов, где в середине 1960-х еще были живы воспоминания о «славном» бандеровском прошлом. Не исключено, что первый опыт агрессивной и деятельной ненависти ко всему исконно русскому был получен именно здесь. Наконец, в 1967 году семья переезжает в Ленинград, где, по собственным словам, Анатолий учился в школе с военно-патриотическим воспитанием.

Однако, судя по всему, патриотический «корм» оказался «не в коня». Об этом свидетельствует целая серия более поздних воспоминаний достаточно откровенного свойства: «...я ненавижу советскую власть. Более того, я мало что в жизни ненавижу так, как советскую власть. И особенно ее позднюю стадию. В моей жизни ничего омерзительнее, чем поздняя советская власть, не случилось». А вот еще один весьма красноречивый пасквиль на окружавшую в то время «товарища Чубайса» действительность. Риторическое самооправдание

будущих антисоветских деяний «без купюр» звучит так: «Для многих нормальных людей школьные годы — это счастливое детство. А я ненавижу свою школу. Школа была с продвинутым военно-патриотическим воспитанием. Мы ходили на построения в форме с воротничком, как у военных моряков, и пели песню: «Солнышко светит ясное, здравствуй, страна прекрасная!» Не вызывает у меня моя школа нежных чувств. И главное воспоминание состоит в том, что мы с друзьями как-то раз решили ее разобрать на части, а лучше поджечь. Мы сумели оторвать только одну ступеньку на крыльце и чайку, приваренную на военно-патриотическом памятнике. Большого ущерба мы нанести ей не могли. Но ненавидели мы ее все вместе».

Юность

Не меньше «оплеух задним числом» достается духовной alma mater Чубайса — Ленинградскому инженерно-экономическому институту им. Пальмиро Тольятти (ЛИЭИ), который тот закончил по специальности «экономика и организация машиностроительного производства»: «Что касается института, то мне все время казалось, что жизнь никак не начнется и проходит зря. У меня было только одно чувство: когда же закончатся все разговоры и, наконец, удастся заняться каким-то нормальным полезным делом?» Складывается такое впечатление, что будущий глава Госкомимущества России, организовавшего большой приватизационный «дербан» госсобственности с последующим растаскиванием ее по частным лавочкам и карманам, «нормальное полезное дело» по странной логике усматривает исключительно в полной дезорганизации экономики и уничтожении «машиностроительного производства». Венчает эту душераздирающую ретроспективную самоопологетiku обескураживающее признание: «...я просто антинародный».

В общем, с юности наш герой демонстрировал девиантное поведение, не вписывающееся в социалистические нормы. В качестве подтверждения поэтического парафраза «когда б вы знали, из какого сора растут Чубайсы, не ведая стыда» можно привести фотографический артефакт — снимок 1967 года, на котором запечатлен долговязый Толик, с собственноручной надписью весьма самоуничижительного свойства: «Я — форменный урод с 5000 веснушек и рыжими волосами. Как только девочки меня любят? Вероятно, я очень умный». В подписи с равной степенью вероятности угадывается как типичное проявление «комплекса Наполеона», так и неприкрытое кокетство и упоение собственной интеллектуальной «богоизбранностью».

Судя по воспоминаниям одноклассников будущего «ржавого младореформатора», тот зарекомендовал себя как дисциплинированный школяр и не более того. Многие отмечают его нацеленность на административную карьеру. Абсолютный идейный релятивизм и даже концептуальную всеядность будущего запевалы рыночных реформ подчеркивает тот красноречивый факт, что молодому Чубайсу удалось получить вожеленную рекомендацию в члены КПСС. Не правда ли, странное стремление для либерального диссидента? Искренни ли намерения нашего антисоветчика? Или все последующие заверения относительно изначального идеологического неприятия концепции «совка» — всего лишь запоздалые оправдания банального конъюнктурщика?

Зрелость

Впрочем, концептуальное двурушничество г-на Чубайса с самого начала приносит свои плоды. После защиты диплома он остается на «родной» кафедре сначала инженером, а затем ассистентом и председателем совета молодых специалистов. Несмотря на кичливый антисоветизм «задним числом», Чубайс делает себе научное имя на исследовании и разработке «методов планирования, совершенствования управления в отраслевых научно-исследовательских организациях», то есть декларируя ставку на совершенствование, а вовсе не на ниспровержение советской «системы хозяйствования». В результате получает поздравления по случаю присуждения ученого звания доцента.

Но истинное интеллектуальное вскармливание будущей цивилизационный «деконструктор» получил отнюдь не на советской Родине. Как указывает ряд источников, в конце 1970-х годов Анатолий Чубайс стажировался в Международном институте прикладного системного анализа. Речь идет об учебном заведении, учредителями которого в 1972 году (в самый разгар объявленной «разрядки международной напряженности») стали Великобритания, США и Советский Союз, а располагалось оно в Лаксенбурге, уважаемом пригороде Вены. «Головной конторой» этого детища тогдашней «перезагрузки» в СССР стал Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований. Без преувеличения можно сказать, что эта международная учебная инстиуция стала настоящим инкубатором будущих прорабов развала советской системы. В числе их особо выделяются господа Гайдар, Чубайс, Нечаев, Шохин, Ясин, Мордашов и Гавриил Попов. В предместье австрийской столицы «могу-

чая кучка» будущих младореформаторов активно впитывала в себя либеральные по сути идеи перевода советской плановой экономики на рыночные рельсы.

Вызывает неподдельное удивление тот факт, что в эпоху всевластия КГБ, руководимого Юрием Андроповым, в капстраны не могла проскочить ни одна мышь, не говоря уже о Чубайсе. Тем не менее будущий реформатор выезжает в Австрию.

В условиях продолжающейся холодной войны и непрекращающегося идеологического противоборства двух систем советские ученые были практически обречены на то, чтобы впитывать либеральные догмы в окружении многочисленных сексотов западных спецслужб. История, конечно, умалчивает, в отношении кого акт реальной вербовки можно считать свершившимся фактом. Однако практически не вызывает сомнения, что процесс приобщения к «общечеловеческим ценностям» не прошел бесследно для его непосредственных участников.

По крайней мере, когда Михаил Горбачев в конце 1980-х годов дал отмашку «демонам перестройки» выйти из тьмы, завсегда и венских семинаров все как один оказались востребованы на ниве развала советской экономики. Основав мимоходом в Питере клуб «Перестройка», который декларировал продвижение идей «демшизы» в народные массы, Анатолий Борисович осуществил свой первый карьерный блицкриг. Начав стремительное восхождение по аппаратной лестнице с должности первого заместителя председателя Ленинградского горисполкома, «широко известный в узких кругах» заштатный экономист всего за два года вознесся до постов министра, а затем и вице-премьера общероссийского масштаба.

В период перестроечной смуты лучшей рекомендацией кандидата на участие в объявленной Михаилом Горбачевым реформаторской вакханалии могла быть заявленная готовность идти по трупам. С чем Анатолий Борисович блестяще справился, опубликовав в соавторстве с рядом соратников в шестом номере журнала «Век XX и мир» свой программный «Майн кампф» под красноречивым названием «Жестким курсом». Речь идет об аналитической записке, в которой, по сути, прописывается пошаговая инструкция по переходу к рыночной экономике в СССР.

В частности, в записке не делается секрета из того, что «к числу ближайших социальных последствий ускоренной рыночной реформы относятся общее снижение уровня жизни, рост цен и возникновение массовой безработицы». Ее авторов также ничуть не смутило, что «это повлечет сильнейшее соци-

альное расслоение и возникновение с высокой вероятностью экономических забастовок в базовых отраслях промышленности и политических забастовок в крупных городах».

Далее идут рекомендации по ужесточению мер по отношению к тем силам, которые покушаются на основную костяк мероприятий реформы, включая «ропуск профсоюзов, запрет на забастовки, контроль за информацией, прямое подавление по отношению к партийно-хозяйственному активу, ограничение полномочий и роспуск представительных органов». О том, что рост благосостояния населения с самого начала не являлся целью затеянных младореформаторами преобразований, свидетельствует следующее эпистолярное откровение г-на Чубайса, достойное пера гитлеровских идеологов: «Население должно четко усвоить, что правительство не гарантирует работу и уровень жизни, а гарантирует только саму жизнь».

О том, что права человека, свобода слова и прочие ценности, поднимавшиеся на щит антисоветской пропагандой, не имели в глазах крушителей устоев советского общества никакого значения, показывает еще один предельно циничный пассаж, согласно которому в том случае, если курс реформ будет «подвергаться беспощадной критике, подрывая их легитимность», предлагается «задержать принятие законов о печати и политических партиях и поставить под контроль все центральные средства массовой информации».

Перед тем как пойти на штурм общесоюзных, а впоследствии общероссийских карьерных вершин, г-н Чубайс «потренировался на кошках», возглавив комитет по экономической реформе мэрии Ленинграда. Таким образом, по иронии судьбы злостный антисоветчик был взлелеян и выпестован не абы где, а непосредственно в самой колыбели революции. В кабинет к своему тезке и по совместительству «крестному отцу» тогдашнего либерального политбомонда А. Собчаку Анатолий Борисович вошел не с пустыми руками, а с уродливым «первенцем» сомнительного происхождения. Речь шла о создании в городе на Неве общесоюзного офшора, скрывающегося под вывеской «свободной экономической зоны».

Цель была одна: ушлые и оборотистые предприниматели всех мастей получили бы возможность в полной мере использовать таможенные и иные льготы, чтобы максимизировать личную прибыль, устроив на региональном уровне первый раунд «оприходования» общенародной собственности. Однако предложение Чубайса в тот момент не встретило понимания со стороны советских органов народовластия. По крайней мере 6 октября 1990 года Ленсовет на своей очеред-

ной сессии признал порочной идею создания свободной экономической зоны, а ее автор был подвергнут самому жесткому и беспощадному остракизму.

Впрочем, подобно известному пушкинскому персонажу, судьба Анатолия хранила. После изгнания из несостоявшегося офшорного рая наш либеральный Адам не слишком долго скучал. Повадки беспринципного хищника, готового без устали обглаживать остов советской экономики без особых угрызений совести за катастрофические последствия, были как никогда востребованы в тот период. Прежде всего — со стороны вчерашних партноменклатурщиков, а сегодня высокопоставленных «воров в законе», которые наконец дорвались до суверенной российской кассы, чтобы обналичить свои власть и влияние во вполне осязаемые материальные коврижки.

1 октября представители постсоветского олигархата отмечали свой коллективный «день рождения». Виновником их сегодняшнего торжества является наш герой. Ровно 20 лет назад в информационное пространство постсоветской России было вброшено новое слово — «ваучер». Согласно официальной легенде «младореформаторов», представлявших интересы дорвавшей до власти ельцинской команды, приватизационные чеки должны были обеспечить некое подобие справедливости в процессе разгосударствления госсобственности. Принятый в начале 1990-х годов Верховным Советом РСФСР закон об именных приватизационных счетах был призван осуществить переход советской экономики на рыночные рельсы цивилизованным путем. Он, в частности, предполагал, что каждый гражданин, который принимал в свое время участие в создании общенародного достояния, мог хотя бы постфактум, на руинах социалистического Отечества, претендовать на законную долю в госсобственности. Однако красиво звучащие слоганы о создании «широкого класса собственников» и «тысячах крепких хозяйственников», под прикрытием которых осуществлялось растаскивание промышленных и прочих активов Советского Союза, на самом деле оставались лишь словами.

Реализовать схему олигархического передела собственности выпало молодому петербургскому экономисту, попавшему в немилость у Анатолия Собчака. Не исключено, что после первого провального компрадорского опуса имя Чубайса (вместе с его фамилией) попали бы в «реку забвения», если бы не дело случая. Дело в том, что еще в 1983 году, под Сестрорецком, в пансионате ЛИЭИ с символическим названием «Змеиная Горка» встретились две перестроечные рептилии —

Анатолий Чубайс и Егор Гайдар. Судя по всему, эта встреча оказалась памятной для обоих участников. Поскольку спустя девять лет свеженазначенный премьер России вспомнил о компаньоне антисоветских академических посиделок и пригласил того принять участие в процессе деконструкции коммунистического режима в качестве председателя Госкомимущества. Приоритетной установкой тогда было красноречивое признание о том, что альфой и омегой программы приватизации было отнюдь не создание предпосылок для появления нового класса собственников, а разрушение самой финансовой предпосылки коммунистического режима как такового. «Мы прекрасно понимали, что создаем новый класс собственников. Приватизация не была вопросом идеологии или каких-то абстрактных ценностей, это был вопрос реальной политической ежедневной борьбы» — признался позднее архитектор приватизации.

По признанию бывшего главы Госкомимущества, единственная цель, которую преследовало его ведомство, заключалась в том, чтобы «уничтожить коммунизм». «И мы эту задачу решили, дорого, дешево, с приплатой — это уже двадцатый вопрос», — откровенничает задним числом Анатолий Борисович. Добавим от себя, что пресловутой «приплатой» в данном случае стали повальная коррупция, нищета, резкое падение жизненного уровня населения и терроризм. Когда классу нуворишей потребовался человек, абсолютно равнодушный к социальным последствиям «обвальной приватизации», латентный мизантроп оказался чуть ли не идеальной кандидатурой. То, что главный организатор аукциона по распродаже советского имущества не был чужд самой пещерной русофобии, доказывают выдержки из его позднейших интервью. «Вы знаете, я перечитывал Достоевского в последние три месяца. И я испытываю почти физическую ненависть к этому человеку. Он, безусловно, гений, но его представление о русских как об избранном, святом народе, его культ страдания и тот ложный выбор, который он предлагает, вызывают у меня желание разорвать его на куски». Согласимся, в свете подобных откровенных высказываний предельное спокойствие, с которым «отец грабительской приватизации» воспринял ее итоги в виде убывания численности населения страны на полмиллиона человек в год, удивления не вызывает.

Если кто-либо полагает, что «дикий капитализм» являлся единственной альтернативой «совку», тому мы напомним, что разработчики реформ изначально планировали создать класс частных собственников, не прибегая к полубандитскому ра-

стаскиванию страны. Собственно говоря, принятый Верховным Советом РСФСР закон об именных приватизационных счетах предполагал запустить процесс «народной приватизации», что исключало возможность скупки олигархатом персональных прав собственности на основе чеков номиналом в 10 000 рублей. Доходы от реализации прав персональной собственности, в свою очередь, должны были поступить на именные приватизационные банковские счета граждан. Однако честная приватизация не вписывалась в планы «архитекторов» и «прорабов» перестройки. В результате чего на пост председателя Госкомимущества РФ был поставлен человек, готовый идти по трупам. «Мы не могли выбирать между «честной» и «нечестной» приватизацией... Нам приходилось выбирать между бандитским коммунизмом и бандитским капитализмом», — продолжает ретроспективную апологетику собственных деяний Анатолий Чубайс.

Или вот еще один вполне характерный «программный тезис» отца ваучерной приватизации: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом — новые вырастут». Впрочем, «ржаводушный» Анатолий имеет 100% алиби. По понятным причинам указ о введении вместо именных приватизационных счетов безличных ваучеров подписал не он, а лично президент России Борис Ельцин. Закон, принятый Верховным Советом, был отправлен на свалку истории. В свою очередь, сподвижник Чубайса Сергей Красавченко, глава комитета Верховного Совета по экономической реформе, продержал его неделю в сейфе, чтобы не допустить вынесения на рассмотрение Верховного Совета. «Красавчик» своего добился: по истечении предусмотренного законом срока документ автоматически вступил в силу.

Таким нечистоплотным и жульническим образом в духе бендеровского аферизма было положено начало процессу создания класса собственников в России. Вместо обещанных Чубайсом миллионов счастливых владельцев двух «Волг» и сотен тысяч крепких хозяйственников страна получила свору беспринципных хищников, увлеченных исключительно процессом индивидуального обогащения. В результате только за 1993 год правоохранительные органы выявили 25 тыс. случаев преступлений в сфере приватизации, которые привели к полномасштабной криминализации экономики и социальной сферы.

Впрочем, организатор следующего этапа ваучерной приватизации в виде залоговых аукционов, когда равноприближенные к ельцинской «семье» олигархи по дешевке скупали

за счет кредитов, полученных в госбанках, лакомые кусочки советского ТЭК, металлургии и прочих высокорентабельных отраслей экономики, даже не пытался скрывать антиэкономический характер и сугубо вредительскую мотивацию собственных деяний. «Мы знали, что каждый проданный завод — это гвоздь в крышку гроба коммунизма», — разоткровенничался г-н Чубайс впоследствии в интервью российским СМИ. О том, что программа разрушительной приватизации писалась под диктовку заокеанских «доброхотов» РФ (все-таки участие в заграничных семинарах не прошло даром), свидетельствуют выдержки из внешне непритязательного распоряжения главы Госкомимущества под названием «Об участии консультационных фирм и индивидуальных консультантов в проведении работ по приватизации государственных и муниципальных предприятий», благодаря которому возглавляемое нашим героем ведомство стало «проходным двором» для западных консультантов по приватизации. После этого вопрос о том, кто подступил вплотную к кормушке, становится риторическим. В этом контексте распоряжение зампреда Чубайса Иваненко «Об организации подготовки кадров управляющих и специалистов для инвестиционных фондов», в соответствии с которым часть кредита Всемирного банка направлялась на обучение работников Госкомимущества, трудно назвать случайным.

Чтобы политически закрепить успехи, достигнутые на компрадорском поприще, а заодно спасти собственную шкуру, а также весь класс новоявленных собственников, слившихся в экстазе с коррумпированным чиновничеством, от ответственности за содеянное, отец-основатель олигархических устоев был в экстренном порядке переброшен на бюрократический фронт в качестве главы администрации президента, а фактически посредника между стремительно деградирующим «отцом российской демократии» и олигархического класса, созданном при личном участии Чубайса. По большому счету, участник знаменитой аферы с «коробкой из-под ксерокса» спасал свою собственную шкуру, когда члены предвыборного штаба Бориса Ельцина, который возглавлял АБЧ, были задержаны при выносе из Дома правительства коробки с «черным налом», фактически представлявшей предвыборный «общак» новоиспеченных владельцев «фабрик, заводов, пароходов» на нужды переизбрания разваливающейся на их глазах «крыши» в лице первого президента РФ.

Поэтому появившиеся через два года после этой скандальной истории данные о том, что первый заместитель председателя правительства Российской Федерации (с марта 1997 года

одновременно министр финансов страны) промышленяет инсайдерской информацией на рынке госпирамиды ГКО (в августе 2012 года «благополучно рухнувшей»), уже не слишком сильно навредили репутации зарвавшегося «младореформатора». Поскольку уже и без того стало очевидно, что тотальная лож является основным атрибутом нашего героя с того самого момента, когда он обещал каждому за ваучер две «Волги», а потом широко декларировал то, что «нам нужны миллионы собственников, а не горстка миллионеров».

Впрочем, уже вскоре выяснилось, что г-н Чубайс, несмотря на свою административно-управленческую несостоятельность, относится к той категории госчиновников, к которым «грязь не липнет». Завсегдатай синклитов «теневого мирового правительства» (г-н Чубайс был неоднократно замечен на заседаниях т.н. «бильдербергского клуба») словно обладает неким наднациональным иммунитетом, позволяющим выходить сухим из абсолютно любых передряг. Это, в частности, могут подтвердить пациенты больниц и роженицы в роддомах, обесточенных по милости распорядителя энергорубильника, который во всеуслышание уверял всех в том, что при его чутком руководстве такого энергокризиса, как в США, у нас никогда не случится. Напомним, что Анатолий Чубайс широковещательно посулил это в период «инаугурации» на пост главы РАО «ЕЭС России» в 1998 году. Еще более цинично (с точки зрения конечного результата, очевидного для всех получателей коммунальных «жировок») прозвучало его обещание не допустить роста энерготарифов, чем обосновывалась необходимость расчленения некогда единых энергосистем России на генерирующие и сетевые компании.

Закрепившийся за Чубайсом статус теневого лидера российского истеблишмента не подлежит сомнению, несмотря на то, что в последние годы архитектор и прораб катастрофических реформ удален в почетную «наноссылку».

За нашу nanoотрасль, впрочем, можно также не беспокоиться: пока государственную корпорацию, работающую под брендом «Роснано», возглавляет такой гениальный управленец, развитие новых технологий России не грозит.

О деятельности ОАО «Российская корпорация нанотехнологий», кроме того, что она «направлена на инвестиции частного капитала в nanoиндустрию», узнать что-либо почти невозможно, поэтому не совсем понятно, каковы же достижения и успехи г-на Чубайса на этом поприще и в чем вообще заключается его деятельность. Закономерно было бы предположить, что инновационный сектор ожидают такие же перспективы, как и всё, за что брался бывший реформатор.

«Эпоха Чубайса». Последовательный курс на минимизацию госприсутствия в социальной, экономической и культурной сферах, реализуемый правящими элитами, подтверждает, что она не просто продолжается, а имеет все предпосылки пережить того, кто дал ей это имя.

Александр РОСЛЯКОВ

СТРАШНЕЙ ВОЙНЫ

(О книге председателя Счетной палаты РФ Сергея Степашина)

20 лет реформ скатили нас по большинству параметров на самый низ мировой шкалы. А почему — уже и не понять: с расчленением страны на частные, взаимоненавистные уголья исчез и сам критерий истины. Есть правда олигархов и силовиков, воров и обворованных, вытуренных из квартир бомжей и новых собственников их жилья. И меж частями этой расчлененки уже ничего общего не может быть.

Оттого и вся наша политика свелась до мелкой драчки, в которой если даже кто-то вдруг по мелочи и прав, по сути, все равно не прав: всякий кулик хлопчет только о своем болоте. И хоть все наши политические кулики сегодня дружно закурлыкали о Родине, на самом деле давно забыли ее за броне-стеклами своих черных «бумеров» и «мерседесов».

И на всем этом фоне я нахожу явлением чрезвычайном выход у нас книжки с весьма невыразительным названием: «Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993—2003 годов». Больше того, этот труд экспертов Счетной палаты под началом ее председателя Степашина можно назвать своего рода подвигом. Его, по моему глубокому убеждению, должен знать каждый — хотя тираж издания всего 1000 экземпляров и его нельзя купить нигде.

Этот труд, проделанный с опорой на огромную фактуру, есть редкий случай именно той правды, не сказав которой, дальше жить нельзя, — как нельзя плыть вслепую, а тем паче выплыть. Хотя он и страдает тем, что в нем не назван ни один из наших ключевых приватизаторов, которым он, по сути, —

свой Нюрнбергский приговор, так как урон от нашей приватизации, по данным книги, сопоставим с потерями страны от гитлеровской оккупации. А духовное опустошение, пожалуй, будет пострашней любой войны.

Анализ в книге начинается с таких главных вопросов: «Было ли целесообразным решение о массовой приватизации в начале 90-х годов? Были ли действия органов власти законными и эффективными?»

Ответ: нет, не были. А было вот что: «Превышение полномочий в сфере распоряжения госимуществом; необоснованное занижение цены продаваемых государственных активов; притворность конкурсов; коррупция в органах власти...»

Затем идет уже сама конкретика, извлечение которой на свет Божий я и считаю небывалым подвигом родных чиновников:

«Правительство в нарушение закона издало постановление по продаже принадлежащих Российской Федерации 75,6% акций АО «Красноярская угольная компания»... Госкомимуществом России было принято решение о приватизации АО «Росгосстрах», 100% акций которого находилось в федеральной собственности...»

В нарушение статьи 217 Гражданского кодекса РФ был осуществлен обмен принадлежащих государству акций АО «Усть-Илимский лесопромышленный комплекс», «СИДАНКО», «Тюменская нефтяная компания», «Коми ТЭК», «ОНАКО» и «Восточная нефтяная компания» на акции коммерческого банка «Менатеп»...

Большое количество предприятий с высокой долей оборонного заказа были приватизированы без ограничений, в том числе НТК «Союз», г. Москва (доля оборонного заказа — 95,7%), Машиностроительное КБ «Гранит» (85,4%), Московский вертолетный завод им. М.Л. Миля (44,4%), Иркутское авиационное объединение (85,1%)...

Впреки статье 12 Федерального закона «О федеральном бюджете на 1995 год» Госкомимущество России выставило на инвестиционные конкурсы пакеты акций нефтяных компаний «ЮКОС», «Лукойл», «Сиданко», «Сургутнефтегаз» и других...»

Этому перечню, по сути, уголовных преступлений нет конца. Читая его, так и видишь хищный коготь наших госчиновников, которые не сдуру ж нарушали всё, что можно, — а с явным корыстным умыслом, по предварительному сговору. На средства, выданные с мясом из родной страны, и купались все их «бумеры» и пафосные замки по Рублевке. И хоть имен их в книге нет, они наверняка есть в рабочих документах. Но посмеет ли наша Генеральная прокуратура их истребовать?

Анализ этой беспрецедентной в мировой истории раскладки выдает и перечень потерь страны в каждом из преступных эпизодов:

«Значительная часть денежных средств в бюджетную систему не попадала — в 1996 году в федеральный бюджет было перечислено только 55% от общей суммы, полученной от приватизации...»

Приватизация предприятий и организаций ТПО «Усть-Илимский лесопромышленный комплекс» осуществлялась без учета того, что они являлись частью единого комплекса по заготовке и переработке древесины, что стало причиной снижения объемов производства на 45—55 процентов...»

35% акций ПО «Новомосковскбытхим», выпускавшего до 80% синтетических моющих средств в России, были приобретены компанией «Проктер энд Гембл», являющейся основным конкурентом российского производителя на внутреннем рынке. Российская Федерация одновременно потеряла на приватизации данного объекта до 115 млн долл. США...»

При определении цены пакета акций ОАО «Тюменская нефтяная компания» не была учтена стоимость запасов нефти и газа, в результате цена акций была занижена минимум на 920 млн долларов...»

Сделки кредитования Российской Федерации под залог акций госпредприятий могут считаться притворными, поскольку банки («Империал», «Инкомбанк», «Онэксимбанк», «Столичный банк сбережений», «Менател») фактически «кредитовали» государство государственными же деньгами. Минфин размещал на счетах банков средства в сумме, равной кредиту, а затем эти деньги передавались Правительству в качестве кредита под залог акций наиболее привлекательных предприятий...»

Таких примеров в книге — тысячи. Можно сойти с ума, читая всё это подряд, страницу за страницей. Наши высшие чиновники, которые, как у Христа за пазухой, цветут и по сей час, не правили страной, а грабили ее, как неприятель побежденную в войне державу. И даже кажется каким-то чудом, что после нападения на нас такого Джека-Потрошителя в лице высших чинов страна все еще дышит, а не отдала совсем концы!

Еще хотелось бы хоть краем глаза увидеть, с каким лицом читал, если читал, все это Ельцин, главный Джек всех этих потрошителей, по сути, пойманный за руку этим трудом. Или, полагаясь на свой неподсудный фарт, он только презрительно кнул: «Нехай клеветуют!»?

Есть там и примеры вообще за гранью разума: «В 2003 году

затраты на организацию и проведение приватизации в Ингушетии в 271 раз превысили поступления от приватизации, которые составили всего 2 млн. 600 тыс. рублей...»

Нас за 20 лет реформ, вся подноготная которых вскрыта в этой книге, приучили к дикой мысли, что они и есть цель нашей жизни — тот фетиш, которому надо приносить, как Молоху, людские жертвы. Последний раз об этом, как о чем-то само собой разумеющемся, сказал с телеэкрана Греф: «Любые реформы бывают болезненны...»

Но тогда зачем эти самоедские реформы, которые приносят одно горе большинству, и опущение страны на мировое дно? Но на самом деле реформами у нас просто назвали уголовные деяния — дабы под политической завесой вывести их из-под десницы правосудия. Вот как об этом говорится в этой книге-приговоре:

«В ходе приватизации получили широкое распространение новые для России виды экономических преступлений: подделка ценных бумаг, мошеннические операции с ваучерами, недобросовестные рекламные кампании, организация «финансовых пирамид» и другие...»

Сформировались условия, позволившие проводить операции по отмыванию теневых капиталов, по передаче значительной части госимущества в собственность криминальных структур, усиливая тем их влияние на различные сферы экономики и политической жизни...

В результате применения для предприятий оборонной промышленности механизма искусственного банкротства имущественный комплекс их оказывается фактически невозполнимым...»

Следом за необъятным перечнем преступных эпизодов этот труд, по существу, являющий собой развернутое обвинительное заключение, подводит итоги нашей криминальной приватизации:

«В 1991 году реальный объем валового внутреннего продукта по отношению к предыдущему году снизился на 5%, в 1992 году на 20%, в 1993 году на 12%. К 1996 году валовой внутренний продукт сократился на 38% по отношению к 1991 году...»

Существенным было падение производства отраслей, выпускающих конечную продукцию. По машиностроительному комплексу объем продукции сократился на 57,4%, в легкой промышленности — на 84,1%, в пищевой — на 44%...

В 2002 году по сравнению с 1990 годом в 2 раза сократились объемы перевозки грузов железнодорожным и автомобильным транспортом, более чем в 5 раз — водным транспортом...

Основные стратегические цели, заявленные в Госпрограмме

приватизации, достигнуты не были. В результате приватизации в России существует самый высокий в мире уровень концентрации частной собственности. Формирование слоя мелких и средних собственников и предпринимателей, являющихся в развитых демократических государствах движущей силой экономического развития, не состоялось...

В 90-е годы крупнейшие иностранные производители вооружения вели беспрецедентную работу по закреплению за собой прав на изобретения российских авторов. В 1992—2000 годах только в США зарегистрировано более 1000 патентов на технологии военного и двойного назначения, где авторами являются российские изобретатели, а обладателями патентов — иностранные юридические и физические лица. В результате Россия, даже не вступая в ВТО, может получить претензии по экспортируемой технике военного и двойного назначения...»

В общем, картина страшная. И самый ее ужас даже не в упадке жизни большинства людей страны, ее тягловой силы. При том несправедливом дележе, который нас постиг, разделалась не только собственность, но и само национальное сознание. Эта реформа ковырнула нас до самых родовых корней, выдрала их с корнем, насмерть. И на еще сосущих трупный сок ветвях остались с наворованными благами только обреченные на ту же гибель пустоцветы. Хотя в силу своей паразитической природы они, как и подобные им трутни прошлых вымерших держав, эгоистически убеждены: «На наш век хватит!»

Последняя часть книги называется «Выводы и рекомендации» и выдает всю двойственность природы ее авторов. Я почти вижу ужас в лицах тех, кто делал по частям эту работу, — и сложив части в целое, узрел, какую правду вытащил на Божий свет. Я представляю, как Степашин, почесав свою отчаянную репу, велел вписать в результативную часть приговора такой попятный текст: «Приватизация в России проводилась зачастую криминальными методами... Тем не менее недостаточность и неполнота законодательной базы не являются основанием для отмены либо пересмотра итогов приватизации 1993—2003 годов». И, видимо, сочтя, что этим текстом отдал кесареву дань, дальше ввернул прямо обратный текст:

«Вывод о легитимности приватизации в целом не означает объявления «заочной амнистии» лицам, совершившим нарушения в этой сфере. На основании выявленных и доказанных фактов необходимо в судебном порядке обеспечить восстановление нарушенных прав законного собственника — государства... Поскольку, исходя из статьи 301 Гражданского кодекса

РФ, законный собственник вправе истребовать свое имущество из чужого незаконного владения...»

То есть последнее степашинское слово, которое наверняка стало поперек горла всем неназванным, но очевидным обвиняемым по этой книге — в том, что судить их все же можно. Но перспектива этого уже зависит от того, насколько наша Генпрокуратура и Верховный суд окажутся способными принять эстафету от честно сделавшей свое Счетной палаты.

Последний, самый интересный в связи с этим героическим трудом вопрос: кто все-таки его главный заказчик и зажимщик в то же время? Ответ один: только двуликий Путин мог его и заказать и затем свести до тысячи не поступивших в продажу экземпляров. Вот чудеса этой загадочной в бывшем чекисте рефлексии!

Но Бог ему судья; я же закончу тем, с чего и начал. Известно, как наши чиновники способны выполнять их поручения. Владея мастерски искусством всяких отговорок, могут сработать и на троечку, и на четверку с минусом, и на пятерку с плюсом. Могут и вовсе всё свернуть на минус — чему в их спянной среде примеров тьма.

Степашин, совершив указанный подвиг чиновника, свою задачу отработал на пять с плюсом. И откуда только это в нем взялось? Сказал во весь свой выключенный микрофон ту истинную правду, которой нам сейчас, как воздуха, недостает. На свой страх и риск исполнил свой долг перед своей Родиной и совестью.

Сможем ли мы, все остальные, если спасует перед этой правдой наша Генпрокуратура и наш президент, эту эстафету перенять? От этого и зависит, идти и дальше нам на дно или же, осознав всю сокрушительную правду о себе, оттолкнуться от нее — и выплыть.

К ЧЕМУ ПРИВЕДЁТ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В ИММИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ

(Заявление Национального Медиа-Союза)

16 ноября 2012 года российские либералы, которых справедливо называют пятой колонной в РФ, объявили в нашем государстве новый праздник — «Международный день толерантности». Нам говорят, что толерантность — это социологический термин, обозначающий терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям.

Но нас не может не беспокоить то, что под толерантностью чаще всего понимается нравственный нигилизм, индифферентность к различным порокам, к религиозной истине, к тем ценностям, которые веками формировались в нашей стране. Более того, толерантность всё чаще критикуется как форма манипуляции сознанием. И это похоже на правду, поскольку сам термин «толерантность» сугубо медицинский, взят из трансплантологии и означает неспособность организма отличать чужеродные органы.

Достигается такое состояние постепенным угнетением ядовитыми веществами иммунной системы, приводя её к апатии и безразличию. Полная толерантность — это смерть.

Введя термин толерантности в сферу социологии, идеологии глобализации ставили совершенно определённую цель — обезличить сознание человека так, чтобы он был уже безразличен к происходящему вокруг него. Люди как бы перестают видеть (видят, но не реагируют) крайне негативные и губительные процессы в обществе. Например, сокращения коренного населения (речь идёт о русских людях) и его замещение дешёвой иностранной низкоквалифицированной рабочей силой (без каких бы то ни было прав, социальных и юридических гарантий) в целях увеличения личного капитала наёмных менеджеров.

В честь наступления этого «великого праздника», «Международного дня толерантности», состоялась большая пресс-конференция под названием: «Может ли рынок труда в России обойтись без приезжих?» На этой конференции присутствовали: председатель комитета Госдумы по делам национальностей Гаджимет Сафаралиев, заместитель председателя Совета муфтиев России Рушан Хазрат Аббясов, руководитель лаборатории миграции Института народно-хозяй-

ственного прогнозирования РАН, председатель независимого исследовательского совета по миграции стран СНГ и Балтии Жанна Зайончковская, заведующий кафедрой управления миграционными процессами Института государственного управления и права, профессор Юрий Рошин, доцент кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. Ломоносова Елена Миськова. Перечисляем так подробно, чтобы знать поименно тех, кто готовит нам эту миграцию-оккупацию. Все они в один голос твердили о том, что без иммигрантов из Таджикистана, Узбекистана и др. южных стран СНГ нам никак не обойтись. И что нужно ещё завезти сюда, по словам депутата Г.Сафаралиева, 50—70 миллионов гастарбайтеров.

А между тем, заповенение российской земли, городов и сел с русским населением инокультурными народами, приведёт к гибели не только русскую нацию с её цивилизационным кодом, но и сами иммигрирующие в культурное пространство России народы. Оставляя свои семьи, родственников, детей, могилы предков, пусть даже для благородной цели — заработать деньги на поддержание их жизней, гастарбайтеры не только занимают жизненное пространство коренных народов, но, сами того не понимая, разрушают духовную связь со своей землёй и своим родом, ослабляют свою нацию. Смерч под названием «толерантность» никого не оставит в стороне. В этом разрушающем вихре присутствует явная тенденция «преодоления» (правильнее говоря — устранения) национальных государств, их народов и территорий как не вписавшихся в «золотой миллиард» избранных.

Два года назад член Социал-демократической партии Германии Тило Саррацин опубликовал скандальную книгу «Германия самоликвидируется», в которой описал проблемы иммигрантов. После этого ему пришлось покинуть совет директоров Немецкого федерального банка из-за обвинений в расизме.

По мнению Саррацина, мигранты-мусульмане даже во втором и третьем поколении в большинстве своём не могут, да и не хотят интегрироваться в немецкое общество. В итоге германский политик делает вывод, что из-за постепенного изменения этнического состава населения страны падает его общий интеллектуальный уровень.

В том же году, когда вышла книга Тило Саррацина, германский канцлер Ангела Меркель на конференции молодежной организации Христианско-демократической партии в Потсдаме потребовала, чтобы мигранты, приезжающие на работу в Германию, говорили по-немецки. Поскольку толь-

ко в этом случае они могут стать полноценными участниками рынка труда. Дословно Меркель сказала следующее:

«В начале 1960-х наша страна пригласила иностранных рабочих в Германию, и сейчас они здесь живут. Некоторое время мы сами себя обманывали и говорили себе: «Они у нас не останутся, когда-нибудь они уедут», но так не произошло. И, конечно же, наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга. Этот подход провалился, совершенно провалился».

Подавляющее большинство Центральных СМИ, стряпающих свои забойные репортажи только в той системе координат, в которой нет ни русского, ни таджика, ни казаха, ни другого иного народа, а есть лишь сплошные россияне, упорно молчат о преступлениях иммигрантов. Лишь изредка, нехотя и вскользь упоминается о тех преступлениях, которые совершаются рабочими с национальных окраин бывшего СССР, да и то только тогда, когда скрыть их уже не удаётся под воздействием прорыва информационной блокады русскими людьми. Но даже в таких случаях вина очень часто перекадывается с насильника на жертву, а «псы перестройки», как по команде, обрушивают на нас свой отработанный шаблонный окрик: «Преступность национальности не имеет!»

Да, не имеет, повторим за ними и мы. Преступная орда наднациональна, надрелигиозна и надгосударственна. У этой орды нет ни рода, ни племени, у неё никогда не было и не будет на земле своего дома, она рассеяна по земле и постоянно мигрирует. Она везде и нигде. Её мировоззрением сегодня является трансгуманизм, а местом обиталища отравленные ядом безразличия души людей. Те, кто говорит, что всё в этом мире имеет свою цену, — это люди преступной орды, слуги мамоны и процентчики сатаны. Именно они сегодня через «государственные услуги» в образовании, в здравоохранении, в воспитании наших детей в духе «толерантности» предлагают нам свои наднациональные ценности. И самое главное, не будем забывать, что если преступность национальности не имеет, то преступник ее имеет всегда.

Иммиграционный вопрос — это вопрос жизни и смерти русского народа. Никогда, ни один народ, живущий на территории России, сознательно и целенаправленно не выступал против русских, которых воспринимал именно как старшего брата, потому что русские всегда заботились о тех, кто жил с ними веками в общем ареале их исторической судьбы.

Наднациональные преступники это хорошо понимают, поэтому русские им и мешают. Русские почему-то не вписы-

ваются в теорию общенациональных ценностей, которыми нас потчуют либералы. Нам говорят: «конкуренция», а мы хотим любить ближнего; «не рожайте детей, раз нечем кормить», а мы говорим — Бог прокормит; «корысть — двигатель прогресса и развитие цивилизации», но находятся «умники», которые бескорыстие русского человека называют «потаённым злом».

Становится совершенно понятно, кто и ради чего планирует смешение культур и национальных традиций, искусственно сталкивает братские народы друг с другом, создаёт для них такие условия жизни, чтобы они уходили со своей родной земли в поисках лучшей доли и зверели от невозможности жить как люди. Камнем преткновения для глобализаторов и их пособников в системе государственного управления РФ стала православная традиция и её носители — русские люди. Поэтому их численность на русской земле, по этим расчётам, следует сократить.

У нас на глазах разворачивается новая страшная трагедия, которую многие по-настоящему ещё не осознают. Россия медленно, но верно уничтожается ядом толерантной лжи. Нам говорят, что ни для кого не должно быть приоритета в религии, в праве, в наследии природных богатств, в культуре — всё это, якобы, сверхнациональные ценности.

Национальный Медиа-Союз предлагает всем людям доброй воли отказаться от принятия этого яда, сбросить с себя завораживающий сон «птицы счастья» и вернуться на ясные и устойчивые основания своей традиции, сохраняющей и защищающей народ в его земной жизни. Люди должны жить и работать там, где Господь Бог исторически определил им находиться, любить и уважать свою культуру и свои духовные ценности, не уничтожая чужих, но и не отдавая никому на поругание своих святынь.

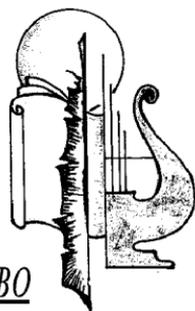
«Дни толерантности» и им подобные мероприятия являются пропагандистским прикрытием для осуществления нынешней иммиграционной политики, приводящей к замене коренного русского населения приезжими, зачастую чуждыми русской культуре людьми. К чему это привело в Европе, мы видим. В России последствия будут намного страшнее.

Национальный Медиа-Союз предлагает задуматься: нужна ли нам такая толерантность? Гораздо правильнее будет, если мы все свои силы и средства будем затрачивать не на ввоз и содержание гастарбайтеров, а на приглашение и обустройство русских переселенцев, оказавшихся не по своей воле за границей своего государства.

«ТЕАТР — ЭТО ВТОРАЯ РОДИНА...»

Сегодня К.С. Станиславский — крупнейший в мире театральный авторитет. И вместе с тем такого размаха протестов, споров и дискуссий, которые сопровождали его искания и открытия, не знало, пожалуй, ни одно имя в истории театра. Сколько хвалы и дифирамбов довелось ему слышать, но, быть может, еще в большей мере — беспощадных разносов, изощренной брани, свирепых нападок. Наиболее часто Станиславского атаковали те, кто, разгадав направление его творчества, отвергал его как идейного врага, со всей яростью и непримиримостью борцов, исповедовавших совсем другие идеалы и цели (такова была, например, господствующая тенденция советской театральной критики 20-х годов).

Станиславский недолюбливал театральных критиков. Нет, не за резкость суждений, категоричность оценок. Его возмущали непрофессиональность, незнание сцены, некультурность и вопиющая предвзятость... Реформатор театра высоко ценил Критику, Требовательность, Правду оценок, как бы горьки они ни были. В этом смысле суровее всех относился к творчеству Станиславского... он сам. Разве не красноречив случай с семидесятилетним художником, который

ИСКУССТВО

описан одним из очевидцев. В ту пору тяжело больному Станиславскому врачи запретили играть на сцене, но он продолжал режиссерскую работу на дому. На репетиции спектакля «Таланты и поклонники» Константин Сергеевич вдруг обратился к актеру И. М. Кудрявцеву, исполнителю роли Мелузова: «Если бы Вы знали, как хочется в театр, на сцену!.. А впрочем, может быть, я не сумел бы сделать сейчас на сцене ни одного шага.

— Почему, Константин Сергеевич?

— Меня задушили бы мои собственные требования...»

... В судьбе гения нам интересно всё. Мельчайшие подробности, детали, штрихи и факты. Ибо, как правило, в ней, его судьбе, нет мелочей, все поучительно, все крупно, толкает к плодотворным размышлениям, сопоставлениям, выводам. Конечно, как сказал поэт, «гений, парадоксов друг», но ведь то, что для нашего сознания пока «парадоксально», для гения — уже закономерность, новая, открытая им, гением, тайна бытия и творчества.

Константин Сергеевич Алексеев — он вошел в историю русской театральной культуры под сценическим псевдонимом Станиславский — родился в середине прошлого столетия (1863) и умер накануне Второй мировой войны (1938). Прожил жизнь не столь уж продолжительную, но такую насыщенную, богатую внутренним движением, духовным напряжением и внешними событиями, что ее хватило бы на сотню иных обычных биографий.

Костя Алексеев родился хилым, слабым ребенком. Страдал рахитом, часто хворал. Говорить начал поздно, был бледным, худым, вялым мальчиком. До десяти лет не выговаривал «л» и «р». Чем только не лечили болезненного ребенка. Купали в травяных настоях, в вине... По воспоминаниям сестры Станиславского Зинаиды Сергеевны, «вероятно, мальчик остался жив и окреп, благодаря материнской любви и заботе». Лишь с девяти-десяти лет Костя Алексеев стал быстро развиваться, крепнуть и вскоре стал среди сверстников «заправилой». А уж в зрелые годы этот «хилый» своротил такие горы, что под силу лишь великанам. К слову, можно вспомнить, слабыми, хворыми были в детские годы Суворов и немалое число иных выдающихся людей, проявивших способность к титаническим подвигам. Изначальная, природная духовная крепость, дремавшая до поры, и потом развернувшаяся, служила источником, опорой их деятельности.

Помога порода. Константин Алексеев происходил из давних, веками шлифованных, надежных родов центральной России. Корни уходили в самую народную толщу. Известно, что по отцовской линии его предки были из крестьян Ярославской губернии (вспоминается, что и родоначальник русской сцены Федор Волков — из ярославцев). Прапрадед был крепостным крестьянином, в первой половине XVIII века получил вольную.

Перебравшись в Москву, он был причислен к купечеству и, будучи огородником, торговал на улицах горохом с лотка. Прадед Константин Сергеевич уже имел в Москве фабрику золотой и серебряной канители (ниток). Это предприятие в дальнейшем развилось так, что отец будущего артиста С. В. Алексеев являлся одним из богатейших людей Москвы. Мать Константина Сергеевича была дочерью богатого петербургского купца Яковлева и актрисы — француженки.

Значение для человека, для успеха его творческого призвания корней, связанных с родной землей, прекрасно понимал и сам Станиславский. Размышляя о своей родословной, о самобытных истоках своего искусства, он писал: *«Наши предки принесли с собой от земли девственный, свежий, сильный, здоровый, крепкий, первобытный, сырой человеческий материал, прекрасный по качеству. В период своего брожения этот первобытный, богатый материал находился в хаотическом состоянии, и потому нередко наши предки представляли собой странные, необъяснимые, непонятные для культурного мира человеческие существа с «карамазовскими» элементами бога и черта в душе, которые ведут между собой непрестанную междуусобную войну. Размах огромной силы в обе стороны, к добру и злу, к зверю и человеку... Мы кость от кости, плоть от плоти, дух от духа этих людей. Чтобы понять нас, а следовательно, и то искусство, которое мы создаем, надо иметь в виду землю, природу, корни, от которых растет наше родовое дерево, которого мы являемся сучьями и листьями. Наше искусство еще пахнет землей».*

Унаследованные от предков здоровые родовые начала и были основой той огромной силы характера, которой обладал Станиславский, генетической кладовой его многообразных способностей и талантов. В них, этих началах, уже как бы содержался иммунитет против порчи, против духовной и нравственной заразы, способной погубить человека.

В семье Алексеевых детей (их было девять) воспитывали в атмосфере безграничного комфорта, даже изнеженности, закаливания. «Все было для детей, все служило нам, мы же — никому, — вспоминала одна из дочерей Алексеевых. — Отчего мы не вышли самодурами — не понимаю! Очевидно, в доме, в нашем окружении было все-таки больше плюсов, чем минусов...» Атмосфера беспредельной родительской любви, ласки, доверия и заботы, окружавшая детей, укрепляла в них добро, отзывчивость, создавала нравственный камертон чистоты, этической взыскательности, чуткости к высокому свету жизни. Детской душе давали возможность развиваться свободно, не насилуя ее, а лишь помогая самоопределиться, сформироваться в личность.

Станиславский рано ощутил в себе сценическое призвание. Первые искры любви к театру, вероятно, были посеяны еще в детские годы посещениями спектаклей в Большом и Малом

театрах, где Алексеевы имели постоянные ложи. Когда позднее начались домашние представления и Константин с братьями и сестрами обнаружили прямо-таки страстную влюбленность в искусство лицедейства, родители ни в чем не перечили своим наследникам. Напротив, отец Сергей Владимирович вскоре выстроил в подмосковном имении Любимовка театр с прекрасным зрительным залом и сценой. Чтобы юные актеры могли разыгрывать представления и зимой, С.В. Алексеев к московскому своему дому у Красных ворот пристроил здание, на втором этаже которого находились сцена и зрительный зал на триста мест. Так возник Алексеевский театальный кружок, его спектакли вскоре стали известны всей Москве. Здесь проходил свои первые артистические университеты юный Костя Алексеев. Разумеется, не было ограничений в тратах на костюмы, декорации, книги и т.п.

Станиславский был европейски образованным человеком, великолепно знал историю литературы и искусства, свободно говорил по-французски и по-немецки. Между тем в его «послужном списке» — всего три класса классической гимназии и два частного пансиона. Обучение в семье Алексеевых было по преимуществу домашним — у детей не было недостатка в учителях и гувернерах. «Родители не жалели денег и устроили нам целую гимназию», — вспоминал Станиславский. Казенную же гимназию он невзлюбил за серую безрадостность, формализм, бессмысленное истязание памяти (он потом всю жизнь сетовал на то, что гимназическая муштра испортила ему память), за то, что во имя «классического образования» там водворялись порядки, «нередко идущие вразрез с природой русского человека».

Конечно, Константин Алексеев воспитывался в условиях — по нашим сегодняшним меркам — исключительных, необычайно благоприятных для развертывания его души и таланта. На образование и воспитание сына старшина московского купечества С.В. Алексеев истратил огромные средства. И личность сформировалась выдающаяся — национальный гений, имя которого ослепительно сияет в Пантеоне русской Славы...

Можно вспомнить о немалых расходах, на которые не скупился ярославский купец Полушкин, нанимая домашних учителей своему юному пасынку Федору Волкову... Бабушка Арсеньева тратила на домашнее образование своего внука Мишеньки Лермонтова более половины годового дохода от имения в Тарханах... Домашнее, «не казенное» образование снимало ученика с конвейера, исключало нивелировку, давало большую возможность индивидуального подхода, являлось гарантией свободного и гармоничного развития способностей. Когда способности эти имелись, они и расцветали в домашней «оранжерее» в полную силу.

Всегда интересно знать, как складывался профессиональный путь выдающегося человека, какими ступенями пролегал он к вершинам, к главным открытиям. Непосвященного читателя,

вероятно, ошеломит сообщение о том, что Станиславский — бесспорный лидер мирового театра XX столетия — в общепринятом смысле не имел никакого специального образования, не учился ни в каком специальном учебном заведении — ни в среднем, ни в высшем, не имел никаких дипломов. С такими «документами» его нынче не приняли бы ни в один театр, в столичный уж во всяком случае, ему была бы наглухо закрыта преподавательская работа.

Секрет высочайшего профессионализма Станиславского заключался в необычайно развитом у него таланте самообучения. Рано почувствовав свое призвание, он все силы подчинил его развитию, не отвлекаясь ни на какие другие цели. Хорошая наблюдательность, аналитический ум, беспристрастная оценка своих ошибок и недостатков, трезвое отношение к похвалам — все это способствовало неустанному совершенствованию в сценическом деле. Он внимательно прислушивался к театральным разговорам, советам, напутствиям. Но никогда ничего не принимал на веру, все проверял практикой, на самом себе. «Похвалы его таланту не успокаивали его, не кружили ему голову, не умаляли его энергию, а будили стремление совершенствоваться. Он был не честолюбив, работал рьяно не в угоду себе, а для искусства, которое как-то особенно любил, даже больше семьи», — вспоминала сестра Константина Сергеевича З.С. Соколова, спутница его юных лет, участница многих спектаклей Алексеевского кружка.

Необычайно много дала юноше окружавшая его культурная среда. Не только спектакли, концерты, литературные вечера, но и люди. То была пора, когда в области искусства, эстетики, науки началось большое оживление. Значение этих «стихийных впечатлений» оказалось чрезвычайно велико. Много позднее, вспоминая о своей юности, Станиславский стремился показать молодым артистам, как важно для них «вбирать в себя побольше прекрасных, сильных впечатлений». Артист, по его убеждению, должен смотреть и не только смотреть, но и уметь видеть прекрасное во всех областях своего и чужого искусства и жизни: «Ему нужны впечатления от хороших спектаклей и артистов, концертов, музеев, путешествий, хороших картин всех направлений, от самых левых до самых правых, так как никто не знает, что взволнует его душу и вскроет творческие тайники».

Да, Станиславский нигде, ни в одном учебном заведении не учился (точнее не доучился), и в то же время он всю свою жизнь — учился. Жадно впитывал в себя все впечатления жизни. Судьба подарила ему встречи, знакомства и дружбу со многими знаменитостями. С юности он был близок с актерами Малого театра, особенно со знаменитой Г.Н. Федотовой, у которой перенимал ее опыт: «Я могу смело сказать, что получил свое воспитание не в гимназии, а в Малом театре. Малый театр — мой университет». Он считал — и трудно не согласиться с ним, — что

даже при поверхностном общении с великими людьми сама близость к ним оставляет след в душе человека.

Юношеская пора Станиславского заключает в себе замечательный урок — она подтверждает великую силу самообразования человека, перед которым меркнут и отступают все другие «университеты», программы и курсы которых бессильны без личной воли, творческого напряжения и целеустремленности ученика, жаждущего познать мир.

Кто же будет спорить с тем, что, конечно, важен был бы молодому Константину Алексееву опытный, мудрый и компетентный в сценическом деле наставник. Но такого не находилось... По крайней мере, до одной знаменательной встречи. Станиславский продолжал играть в любительских спектаклях, по преимуществу на сцене Общества искусства и литературы, одним из организаторов которого он являлся. На одно из представлений шекспировского «Отелло» (Станиславский играл главную роль) пришел знаменитый итальянский трагик Эрнесто Росси, гастролировавший тогда в Москве. После спектакля состоялся разговор с ним. Росси покритиковал излишнюю цветастость и красоту постановки, декораций и костюмов — все эти побрякушки нужны там, где нет актера! А затем обратился к исполнителю главной роли:

— Бог дал вам все для сцены, для Отелло, для всего шекспировского репертуара. Теперь дело за вами. Нужно искусство. Оно придет, конечно...

— Но где и как учиться искусству, у кого? — допытывался начинающий актер у именитого гостя.

— Если рядом с вами нет великого мастера, которому можно довериться, я вам могу рекомендовать только одного учителя, — ответил Росси.

— Кого же? Кто это? — воскликнул Станиславский.

— Вы сами... — закончил беседу великий артист.

Так у молодого любителя появился учитель, с которым он уже не расставался до конца жизни... Но чтобы двигаться вперед, совершенствоваться и развиваться с таким наставником, одного педагогического дара (а Станиславскому он был присущ в высшей степени) было бы недостаточно. Нужны были — и нашлись! — могучий характер, непреклонная воля, настойчивость, сосредоточенность.

Достигать результата помогало природное упрямство. Увлечшись чем-либо, Станиславский нередко безоглядно, напролом, шел к цели. Это не значит, разумеется, что его миновали сомнения, порой неуверенность в себе. «Панический страх потерять веру в себя», более того, творческая тревога, тайные сомнения, по его собственному признанию, жили в нем постоянно. Так же как постоянной была самокритика, максимализм требований к себе, вездливое исследование собственных достоинств и недостатков.

Далеко не каждый выдержал бы тот суровый режим, ту поистине беспощадную требовательность, которые существовали в школе, где Станиславский-учитель воспитывал и муштровал (именно так!) Станиславского-ученика. В этой школе учили только трудным предметам, в том числе и тем, что не значатся ни в каких учебных программах, разработанных знаатоками. Станиславский рано подметил, как легко актер запутывается и засасывается в тине лести и похвал. Еще бы! Ведь всегда побеждает то, что приятнее, чему больше всего хочется верить. Побеждает комплимент очаровательных поклонниц, а не горькая истина знатока... И он со всей страстью своей горячей души взывал (конечно же, заклиная и самого себя): «Молодые актеры! Бойтесь ваших поклонниц! Ухаживайте за ними, если угодно, но не говорите с ними об искусстве! Учитесь вовремя, с первых шагов слушать, понимать и любить жестокую правду о себе! И знайте тех, кто вам может ее сказать. Вот с такими людьми говорите побольше об искусстве. Пусть они почаще ругают вас!»

При имени Станиславского в памяти большинства возникают, как правило, два замечательных события — основание Московского Художественного театра (МХТ) и создание «системы» сценического творчества.

Чтобы понять историческое место этих событий, необходимо напомнить не только о значении театрального искусства в контексте русской культуры, но и об особых исторических обстоятельствах рубежа XIX—XX веков, когда возник МХТ.

С эпохи своего основания в середине XVIII века русский театр утвердился как трибуна просветительских идей, как кафедра народного воспитания, как школа гражданственности, человеколюбия, добра и правды. Русскими художниками сценическое искусство воспринималось как универсальное средство совершенствования человека. Эти идеи получили обновленный импульс и смысл в конце XIX века, когда Россия вступила в эпоху чрезвычайно напряженной общественно-политической и духовной жизни — в пору общенационального демократического подъема и одновременного обострения идейной борьбы. Обновительные процессы захватили литературу и искусство. Увеличили они и театр, который усилиями многих его тогдашних строителей и идеологов занял едва ли не главенствующее место в системе искусств, стал своего рода «центром» нового слова о мире. Большие надежды возлагались на его жизнетворческие, созидательные возможности, традиционные для отечественной сцены.

Мощный прилив творческой энергии, сопровождавший общественный подъем в России, стимулировал разные формы общественного сознания, в том числе художественного. Обновительное движение противостояло процессам разрушения и распада, порожденным атеистической, вненациональной буржуазно-капиталистической цивилизацией. На этом направле-

нии возникла и укрепилась реформаторская деятельность Станиславского. Стремление к единению, к восстановлению культурных связей, надорванных временем, к собиранию почвенных традиций и нравственной целостности вовлекло театр в свой поток и преобразило его, заставив на более высоком, чем прежде, уровне осмыслить (и пересмотреть!) его внеэстетические функции, а также и сценическую поэтику. Театр на новом этапе сам обрел качественно иное единство — он стал режиссерским. Первым таким театром в России и явился Московский Художественный театр.

Свою идейную новизну МХТ, руководимый Станиславским и его ближайшим сподвижником — режиссером, театральным педагогом и литератором В.И. Немировичем-Данченко, проявил, органически связав личность и бытие, человека и мироздание. Вот почему реалистический режиссерский театр, каким был МХТ, сразу имел огромный успех. Потребность в единстве, гармонии, сплочении и взаимосвязи переживалась людьми тем сильнее, чем острее ощущалась раздробленность, чем быстрее нарастали ненависть и вражда, разжигавшиеся антирусскими силами.

Красноречива уже первоначальная программа Станиславского и круг художественных идей, определивших творческое лицо МХТ. В его речи перед открытием театра (1898) отчетливо проявилась демократическая и нравственно-воспитательная направленность. Обращаясь к труппе, ее руководитель призывал: «Не забудьте, что... мы приняли на себя дело, имеющее не простой, частный, а общественный характер. Не забывайте, что мы стремимся осветить темную жизнь бедного класса, дать им счастливые, эстетические минуты среди той тьмы, которая окутала их. Мы стремимся создать первый, разумный, нравственный, общедоступный театр, и этой высокой цели мы посвящаем свою жизнь. Будьте же осторожны, не изомните этот прекрасный цветок...» Задача ставилась высокая, общечеловеческого масштаба; и Станиславский не был бы исконным великороссом, если бы не прибавил вслед: «Отрешитесь от наших русских недостатков и позаимствуем у немцев их порядочность в деле, у французов их энергию и стремление ко всему новому».

В центр Станиславский поставил общественный характер нового предприятия, отношение к творчеству как общему делу. Он предложил своим актерам девиз: «Общая совместная работа». Художник обнаруживал стихийное родство своих идеалов той «философии общего дела», которая в широком смысле служила основой, пронизывала жизнестроительный пафос и духовный смысл русской культуры в целом.

Для открытия МХТ был выбран «Царь Федор Иоаннович» А.К. Толстого. Зачинатели театра, постановщик спектакля Станиславский ощущали современность пьесы в ее тесной связи с глубинами национальной истории, с судьбой русского народа.

Программность выбора заключалась в том, что в центре трагедии стоял герой, который стремился «всех согласить». Сверхзадача роли и определилась как «высокое желание лада». Режиссер и исполнитель роли царя Федора И. М. Москвин шли к своей цели, по выражению одного из критиков, от «необходимости гармонии, без которой мир и душа гибнут, разладясь».

«Царь Федор Иоаннович» открывал линию спектаклей МХТ, которую Станиславский назвал историко-бытовой. Это определение выразительно характеризует все ту же программную, «высшую» (как уточнял режиссер) задачу — связать историю, бытие страны и быт человека, показать, как их расторжение, их дисгармония ведут к трагедии и гибели. Возникшие в критике в связи с этой репертуарной линией МХТ обвинения его в натурализме и бытовизме не соответствовали действительности. В такого рода нападках (они и сегодня сохранились в арсенале противников Станиславского и МХТ) отразилась лишь ущербность сознания, характерная для определенного круга «кочевнической», антинациональной псевдоинтеллигенции, для апологетов «бездомности» и нравственной анархии (под видом свободы), для которых нет более страшных жупелов, чем понятия традиции, почвы, национальной самобытности, общенародного идеала, исторической преемственности... Станиславский не был «натуралистом», он всегда боролся за тщательный отбор и глубокую содержательность каждой детали, каждого сценического штриха. «Можно застрять на быте, — говорил он, — а можно через быт дойти до громадных обобщений и глубин в раскрытии произведения. Пройти мимо быта — это убежать от жизни». Художник противостоял тем, у кого натуральность русской жизни, безыскусность характеров на сцене вызывали раздражение или злобу.

Создавая «систему» актерского творчества, Станиславский использовал все богатство своих художественных наблюдений, многочисленные научные исследования в области психофизиологии (И. П. Павлов), опыт восточных мистических учений (йога) и многое другое. Но, как и в иных направлениях его деятельности, едва ли не главным было самонаблюдение, кропотливый анализ собственных актерских и режиссерских работ. Станиславский сам был «системой»...

Выдающийся по дарованию актер, он поражал современников тончайшей органикой своего искусства и ошеломляющим совершенством внешнего перевоплощения. Критик Л. Я. Гуревич рассказывала, что не только на сцене, но даже в быту, когда Станиславский, вспоминая свои роли, иллюстрировал их примерами, то перед собеседником каждый раз «мгновенно возникало новое лицо, до такой степени несходное с самим Станиславским, что от неожиданности можно было вскрикнуть».

Сравнивая фотографии артиста в разных ролях, иногда трудно поверить, что созданы они одним лицом. Можно согласить-

ся с П.А. Марковым, что для Станиславского-актера наиболее существенными оказались две категории образов: категория благородных мечтателей, сохранивших духовную независимость, хотя и стиснутых условиями окружающей жизни (Астров, Вершинин и др.), и образы, в которых актер давал волю своей любви к ярчайшей характерности — в них сочетались юмор и щемящая жалость (Гаев, Шабельский). В репертуаре Станиславского можно увидеть и еще одну линию — роли с доминантой сценически заостренных красок: Арган («Мнимый больной» Мольера), Кавалер ди Рипафратта («Хозяйка гостиницы» Гольдони), Фамусов («Горе от ума»), Крутицкий («На всякого мудреца довольно простоты»).

Наиболее любимыми у него были роли, особенно близкие артисту мировоззренчески, — нравственно просветленные герои с характерным, романтически окрашенным интеллигентским идеализмом: Астров («Дядя Ваня»), Вершинин («Три сестры»), Штокман («Доктор Штокман»), Ростанев («Село Степанчиково»). Особенно сильный общественный резонанс имело исполнение Штокмана, публику привлекала непримиримость социального протеста, бескомпромиссное правдоискательство героя. «В пьесе и роли меня влекли любовь и не знающее препятствий стремление Штокмана к правде», — писал Станиславский, отметив полноту своего слияния с ролью. К этому циклу в известной мере примыкал и сыгранный в те же годы Сатин («На дне»). Король дна, босяк Сатин был увиден интеллигентскими глазами (можно бы сказать — глазами Штокмана) и изображался с романтическим энтузиазмом, как протестант и борец с насилием: «У босяка должна быть ширь, свобода, свое особое благородство».

Горький и МХТ, Горький и Станиславский — их отношения обросли мифами, сложность темы нередко упрощалась исследователями. Пьесы Горького действительно, как отметил и Станиславский, выражали не только политическую тенденцию автора, но и общественное настроение тогдашнего момента. «Религия босяка — свобода; его сфера — опасности, грабежи, приключения, убийства, кражи, — писал исполнитель роли Сатина и постановщик спектакля (сорежиссером был В.И. Немирович-Данченко). — Всё это создает вокруг них атмосферу романтики и своеобразной дикой красоты, которую в то время мы и искали» .

Апология босяцкого романтизма, воинствующего отщепенства и анархического свободолобия отражала мировосприятие широких интеллигентских кругов. Спектакль «На дне» имел, как свидетельствовал Станиславский, потрясающий успех, а Горький стал героем дня... Овации и восторги интеллигентской публики гремели на фоне, так сказать, встречного процесса — возраставшего всюду подъема черни, деклассированных, преступных элементов, людей дна. И поразительно, с ка-

кой готовностью босяков и хулиганов стали вводить в моду. Лишь немногие воспринимали как курьез упования на то, что именно эта стихия должна спасти русский народ... Одним из немногих был замечательный мыслитель и публицист начала XX в. М.О. Меньшиков, который в связи с появлением босяков Горького писал: «Мне чудится, что на Россию и, может быть, на весь мир наплывает какая-то странная загадочная мгла, какое-то затмение духа. Совсем невольно многими овладевает нравственная слепота... На святое царство наше наплывают мутные волны «бывших людей» и «не бывших», орда прирожденных психопатов, нигилистов... задыхающихся от злобы и презрения босяков... Катастрофа уже идет, она так близко».

Либеральная русская интеллигенция — прекраснородушная, нравственно сентиментальная, политически наивная и близорукая, ослепленная схоластическими утопиями атеистической гармонии — спустя немногие годы пожинала плоды своих пропагандистских усилий. Настойчиво поощряемый джинн в конце концов вышел из бутылки, и одной из первых его жертв стал интеллигентский орден.

МХТ был детищем и пророком либеральной разночинской интеллигенции и во многом разделил ее судьбу. Выразителем ее идеалов являлся и Станиславский. Но он был еще и русским аристократом. Его необычайно чуткая к любой фальши духовная природа сопротивлялась искусственным, ложным наслоениям. Не таковы ли и причины «трудностей», которые возникли в работе актера над ролью Сатина и мешали его стремлению «самому зажить мыслями и чувствами роли». В отличие от образа Штокмана, прекраснородушный идеализм которого легко вместила душа артиста, в Сатине он играл политическую тенденцию, «думал об общественно-политическом значении пьесы, и как раз она-то не передавалась».

...Театральный гений Станиславского оказался универсальным. Блистательный актер соединился в нем с режиссером огромного масштаба, обладавшим гармонизирующей силой, чудодейственной фантазией, психологической глубиной. Станиславский-режиссер увлеченно создавал на сцене праздничный мир «Снегурочки» А.Н. Островского и «Синей птицы» М.Метерлинка, искусно сплетал тонкую психологическую ткань тургеневского «Месяца в деревне», крупным режиссерским планом обнажал драматизм пьес Л.Н. Толстого («Власть тьмы», «Живой труп») и М.Горького («Мещане», «На дне», «Дети солнца»).

Неповторимую, пронзительно-лирическую, полную прозрачной грусти и возвышенных надежд атмосферу режиссер создавал в чеховских спектаклях. Совместно с В.И. Немировичем-Данченко Станиславский поставил все четыре последние пьесы драматурга: «Чайку», «Дядю Ваню», «Три сестры», «Вишневый сад».

После триумфального успеха «Чайки» МХТ избрал своей эмблемой силуэт летящей чайки. Приподнятым, полетным было мироощущение молодой труппы, в содружестве с Чеховым окончательно уверовавшей в свое будущее. Театр почувствовал в его пьесах близкий себе мотив — тоску по гармоническому, солидарному существованию людей, которые разобщены. Не певца сумерек и беспочвенности, не унылого скептика увидели и открыли в Чехове (в отличие от модернистов) Станиславский и Немирович-Данченко, а писателя, который, как им казалось, призывал «менять все общими усилиями».

При всей органике и закономерности союза МХТ с Чеховым (интеллигентный театр, интеллигентный драматург, пьесы об интеллигенции) в этом соединении многое крепилось и взаимным умилением, и тенденцией идеализации драматурга театром. Чехову изображаемое виделось комедиями («Чайка», «Вишневый сад»), а театр клонил к драматическим тонам. Автор готов был улыбаться и в ключевых сценах своих главных пьес, — отнюдь не драматизирована сцена из «Вишневого сада», где этот самый сад вырубает под корень под звуки оркестра («слышно, как в передней играет еврейский оркестр» — ремарка А.П. Чехова к 3-му акту). Да и Станиславский, словно вспомнив, что сам он еще и капиталист, смотрел на гибель сада глазами купца Лопухина: «Он хранит в себе... поэзию былой барской жизни. Такой сад растет и цветет для прихоти, для глаз избалованных эстетов. Жаль уничтожать его, а надо, так как процесс экономического развития страны требует этого». Лопухин был столь симпатичен режиссеру, что он мечтал о таком его исполнителе, который бы обладал размахом Шаляпина, чтобы всей мощью «рубить отжившее».

Станиславский, конечно, преувеличивал, когда писал о том, что Чехов якобы «одним из первых почувствовал неизбежность революции... задолго предчувствовал многое из того, что теперь совершилось». Если бы это было так, то не пришлось бы В.И. Немировичу-Данченко писать в раскаленном революцией 1905 году, что «чеховские милые скромно-лирические люди кончили свое существование». Более трезво позднее оценит чеховские «прозрения» и Станиславский — уже после 1917 года. С гастролей в Берлине (1922) он сообщал Немировичу-Данченко: «Смешно радоваться и гордиться успехом «Федора» и Чехова. Когда играем прощание с Машей в «Трех сестрах», мне становится конфузно. После всего пережитого невозможно плакать над тем, что офицер уезжает, а его дама остается. Чехов не радуется. Напротив. Не хочется его играть».

Однако у публики спада интереса к Чехову не обнаруживалось, его пьесы продолжали идти во МХАТе с успехом и в советское время. Станиславскому в Чехове виделся романтик, который мечтал о Человеческом с большой буквы, виделся проповедник, быть может, и несбыточной, но прекрасной, идеаль-

ной мечты о будущем, о Человеке, которому нужны не «три аршина земли», а весь земной шар. В его пьесах режиссер ощутил способность пробуждать чувства, которые связаны с «нашими большими переживаниями — религиозными ощущениями, общественной совестью, высшим чувством правды и справедливости, пытливым устремлением нашего разума в тайны бытия». Этот угаданный и творчески домысленный Станиславским подспудный смысл чеховской драматургии режиссер стремился раскрыть в спектаклях: «Тончайшие ощущения души проникнуты у Чехова неувыдающей поэзией русской жизни. Они бесконечно близки и милы нам, неотразимо обаятельны». В послеоктябрьский период мхатовская Чеховиана, хотя и не сопрягалась со временем в социально-политическом смысле, выигрывала в другом — спектакли МХТ как раз времени и противостояли. Среди кровавых оргий эпохи, общего одичания, страшного попрания всех социальных и нравственных норм непритязательные чеховские герои остались камертоном человечности, интеллигентности, нравственной просветленности, памятью о жизни, одухотворенную красоту которой не оценили и не сумели сберечь. В 1920-е годы это еще было важно и как противостояние разгулу бездуховного, фальшивого авангардистского искусства. О неотразимом нравственном воздействии чеховских спектаклей Художественного театра и, в частности, образов, созданных Станиславским, сохранилось немало свидетельств. В связи с возобновлением «Дяди Вани» во МХАТе (1926) один из критиков поставил ему в заслугу то, что «на первый план правдиво и ярко выступили человек и человечность, мы соскучились о человечности». Известный историк Художественного театра Н.Н. Чушкин свидетельствовал: «Астров Станиславского меня потряс... был воспринят как откровение... повлиял на всю мою дальнейшую жизнь».

А.П. Чехов, как ни один другой драматург, помог Художественному театру в осуществлении его сценической реформы, в пересмотре самого метода театрального творчества. Как известно, открытие Чехова состояло в обновленной органике реалистического воспроизведения действительности, в том особом значении, которое придано в его пьесах общему течению жизни, скрытому в повседневности драматизму. В этом смысле он продолжал начатое Пушкиным, Островским, по-своему пытаясь сблизить драматургию с прозой, где индивидуальная судьба теснее сплетена с общежизненным фоном.

Талантом сценического созидания общего течения жизни, гармонии взаимопроникновения бытия и быта, жизни в целом и отдельной души («ансамбля жизни», по определению одного из критиков) Станиславский владел в высшей степени. В открытии глубочайшего смысла такого «ансамбля» заключалась сердцевина эпохальной реформы, осуществленной основоположником Художественного театра.

Целостное воспроизведение действительности на подмостках, полнота взаимодействия мира и общества, человека и природы, утверждение через идею ансамбля идей единства, сплочения, взаимосвязи всего происходящего в жизни — одно из величайших завоеваний Станиславского. Он много сил отдал организации и сплочению Московского Художественного театра. Но надежды и цели его были гораздо шире и масштабнее. Он мечтал сплотить все «театральное дело», которое ему виделось разрозненным. Вскоре после учреждения МХТ Станиславский начинает говорить о необходимости широкой общественной деятельности «на всю Россию», выдвигает идею организации «Акционерного общества провинциальных театров». В нашем искусствознании отмечалось, что связующий пафос творчества МХТ преследовал цель собрать человека на почве искусства. Но это, безусловно, неполная (и неточная!) характеристика.

Конечно, Станиславский мечтал о Человеке, в котором все должно быть прекрасно. Но он напряженно размышлял и о народе, о Родине и их процветании — в его надеждах они должны были обрести полноту духовно просветленного бытия. Только широко мыслящий патриот мог написать: «Искусство шире и смелее, чем думают педанты. Оно отыскивает красоту не только в пастушеских сентиментальных идиллиях, но и в грязи крестьянской избы». Судьба человека волновала его именно как судьба народная.

В лучших своих спектаклях Станиславский стремился не просто «собрать человека», но утвердить великое единство — народ. «Собрать народ» — патриотический смысл этой задачи и позволил художнику сказать, что «Художественный театр — мое гражданское служение России».

Да, Художественный театр и Россия для Станиславского существовали в нерасторжимом единстве. И труппа созданного им МХТ, артисты, режиссеры, художники — для него, конечно, тоже народ. Взаимодействие между ними, характер отношений, противоречия и пути их преодоления всегда привлекали внимание Станиславского, волновали, тревожили его. Театр для него был еще и как бы малой моделью государства — с определенной иерархией власти, с законами, правами и обязанностями его «граждан».

В центре постоянных размышлений художника — законы сотрудничества режиссера и актера в процессе создания спектакля. На раннем этапе деятельности Станиславского на него влияла практика немецкого режиссера Кронека, руководителя знаменитой в свое время мейнингенской труппы. «Я подражал ему и со временем стал режиссером-деспотом», — писал художник. Потом он скажет: «Мне стыдно теперь признаться, что в то время, когда я еще не был в полном согласии с моими актерами, мне нравился деспотизм Кронека, ибо я не знал, к каким

ужасным результатам он может привести» . Между этими этапами многие десятилетия.

На протяжении всей жизни Станиславский много размышлял (и проверял свои идеи практикой) о задачах и характере режиссерской деятельности. И постепенно происходило переосмысление функций и принципов работы постановщика. Долгое время Станиславский разделял, казалось, незыблемый закон режиссерского творчества: заранее разрабатывается весь план постановки, намечаются общие контуры сценических образов, актерам указываются мизансцены и т.п. «До последних лет, — писал Станиславский в конце 20-х годов, — я тоже придерживался этой системы. В настоящее время я пришел к убеждению, что *творческая работа режиссера должна совершаться совместно с работой актеров, не опережая и не связывая ее*. Помогать творчеству актеров, контролировать и согласовывать его, наблюдая за тем, чтобы оно *органически выросло из единого художественного зерна драмы*, так же, как и все внешнее оформление спектакля, — такова, по моему мнению, задача современного режиссера» (курсив мой. — М.Л.).

Учение о взаимодействии режиссера и актеров формировалось на глубокой духовной основе. Рождаемые этой гармонией спектакли одновременно являлись и университетом социальных отношений. Протест против режиссерской деспотии по сути своей был направлен против насилия над личностью. Тот же смысл имела критика Станиславским постановщиков, которые смотрели на актеров «как на вешалку для своих идей», и полемика с теми, кто, не считаясь с труппой, с людьми и их особенностями, в спектакле «прежде всего ставят себя»: «Живые драгоценности — сердца людей — для них не существуют, гармония каждого в отдельности, индивидуальная творческая неповторимость каждого проходит мимо зрения; они не видят их потому, что не знают гармонии в себе и никогда о ней не думали, приступая к творческому труду». Так прорастала важная для мхатовской школы идея гармонического слияния в режиссере педагога и постановщика.

Сама жизнь убеждала Станиславского-режиссера в пагубности «насильственного пути» для живого творчества художника. Насилие, по его убеждению, глубоко враждебно «творческому чуду самой природы», которое он считал самым важным в театре. Насилие уродует природу таланта, и потому все настойчивее и непримиримее звучал призыв режиссера к своим соратникам: «Бойтесь насилия и не мешайте вашей природе жить нормальной и привычной жизнью». Насилие уничтожает переживание актера, органику его сценического поведения, работу подсознания, а без этого невозможно подлинное творчество.

В 1925 году литературовед С.Д. Балухатый обратился к Станиславскому с просьбой разрешить использовать «мизансцены» (т. е. режиссерскую партитуру) «Чайки» для сравнительно-

го анализа разных постановок этой чеховской пьесы. Режиссер дал согласие, но весьма характерна оговорка, которую он при этом сделал. Станиславский писал о необходимости рассматривать партитуру в контексте исторического движения его художественных идей: «Имейте в виду, что мизансцены «Чайки» были сделаны по старым, теперь уже совсем отвергнутым приемам насильственного навязывания актеру своих личных чувств, а не по новому методу предварительного изучения актера, его данных, материала для роли, для создания соответствующей и нужной ему мизансцены. Другими словами, этот метод старых мизансцен принадлежит режиссеру-деспоту, с которым я веду борьбу теперь».

Всему, что идет от режиссерского штукачества, что идет от «зрелища» и обращено только к «глазу и уху» театральной публики, Станиславский со временем объявил войну. Без «переживания» артистов сценическое представление мертво, оно не проникает в душу зрителей. Не пышность постановки, яркая живопись, танцы, народные сцены, а прежде всего живые артистические чувства, мысли, воля «вскрывают сердечные глубины артистов и зрителей для их взаимного слияния».

Проблема взаимодействия режиссера и актера и сегодня остается одной из самых злободневных. Именно здесь, в этом пункте, совершается внутреннее размежевание различных режиссерских течений, о которых снова так много спорят. Станиславский решал эту проблему на уровне мировоззренческом, в сфере социально-философского отношения к человеку, подчиняя эстетику Природе и ее законам. Известный философский парадокс поэмы «Великий Инквизитор» из романа Достоевского «Братья Карамазовы» — с его диалектикой свободы и принудительной гармонии — режиссер решал в пользу свободы.

Вот почему развернувшаяся в 1920-е годы на многих сценах настоящая вакханалия самодовлеющего театрального формотворчества, режиссерского псевдоноваторства вызвала резкие протесты Станиславского. Он не мог смириться с тем, что «режиссеры» пользовались актером не как творящей силой, а как пешкой, которую переставляют с места на место, не требуя при этом внутреннего оправдания того, что они заставляют актера осуществлять на сцене. Его возмущал лжегротеск, попытки превратить исполнителей в «мертвые, бездушные куклы», подвергнуть актеров обработке, при которой они «становятся наиболее страдающими и истязуемыми лицами».

Протесту против захлестнувших сцену левачких экспериментов, Станиславский прозорливо отметил, что так называемые «новые веяния» не являлись естественной эволюцией в актерском деле, а «лишь искусственно привитой модой».

В не меньшей степени Станиславского тревожила проблема национальной самобытности русского театра, проблема ее сохранения и упрочения. В первые годы революции и в начале

1920-х годов в связи с преобладанием авангардистских и воинствующе антирусских тенденций в художественной жизни он волновался по поводу тяжелого положения русского национального театра, в сферу которого Константин Сергеевич включал театры: провинциальный («разрушен»), Александрийский в Петрограде, московские Малый и Театр Корша и наиболее сохранивший устои — МХАТ. Многие мысли Станиславского и сегодня звучат остросовременно. Оценивая театральную Москву послереволюционных лет с ее «огромным количеством театров и направлений», он замечал: «Пусть все из них интересно, нужны. Но далеко не все из них органичны и соответствуют природе русской творческой души артиста. Многие из новых театров Москвы относятся не к русской природе и никогда не свяжутся с нею, а останутся лишь наростом на теле». Критикуя псевдоноваторство, компилятивность, бездуховность и дилетантизм «левых» сценических течений, основанных, как правило, на «теориях иностранного происхождения», Станиславский всматривался в корни опасной болезни. «Большинство театров и их деятелей — не русские люди, не имеющие в своей душе зерен русской творческой культуры», — писал он.

И позднее, волнуясь по поводу того, что силы, чужеродные Художественному театру, действуют внутри его (в частности, группа, возглавлявшаяся режиссером И.Я. Судаковым), он настаивал на том, чтобы «отделить уже назревшую группу судаковцев», и сетовал по поводу того, что «начальство» на это не соглашалось. Он был убежден (1934): «В течение почти десяти лет судаковская группа не может слиться и никогда не сольется с МХТ... Это кончится плохо, сколько бы ни представлялся Судаков моим ярким последователем. У всех этих лиц другая природа. Они никогда не поймут нас».

Свои открытия Станиславский проверял на самом себе, оплатив их годами напряженного труда и исканий. Создавая свою «грамматику» сценического творчества, он бесстрашно и неотступно шел к познанию сокровенных тайн искусства. Пафос мучительного поиска и радость обретения истины — их светом освещен его жизненный путь от поры юности. Однажды, уже на склоне лет, его спросили, в чем он видит счастье и был ли счастлив сам. Станиславский ответил: «Долго жил. Много видел. Имел хорошую семью, детей. Жизнь раскидала всех по миру. Искал славы. Нашел. Видел почести, был молод. Состарился. Скоро надо умирать. Теперь спросите меня: в чем счастье на земле? В познании. В искусстве и в работе, в постигновении его. Познавая искусство в себе, познаешь природу, жизнь мира, смысл жизни, познаешь душу — талант! Выше этого счастья нет».

Да, все силы души он отдавал познанию мира, природы, человека и жизни его духа, открытию путей наиболее полного их сценического раскрытия.

Работа, работа, работа... Работа над собой... — с этих слов будет начинаться заглавие его будущих книг. Титанический труд сопровождал его всю жизнь, до последнего вздоха. Великий реформатор оказался еще и гением работоспособности. «Работа над собой доходила у меня до мании... Я побеждал товарищей своей фанатической любовью, трудоспособностью и строжайшим отношением к делу и прежде всего к самому себе. Первый, кого я штрафовал, был я сам», — признавался он.

Станиславский редко сам прекращал репетиции: актерам приходилось его останавливать. В обращениях к своим товарищам-артистам Станиславский проявлял неумолимую требовательность. Там, где затрагивались интересы дела, дисциплины, порядка, поблажек от него не было никому. Одно из писем к коллегам начиналось возгласом «Караул!!!», в нем среди разных пунктов был и такой упрек: «Отменой двух спектаклей в неделю хотя бы пользоваться для отдыха и веселья, а не для усиленной репетиционной работы».

Непрерывное трудовое напряжение утомляло, порой изнуряло, но не разрушало, не сжигало его — ибо в нем и заключалось его счастье. Станиславский не был честолюбцем. Смысл и цель жизни он понимал как служение людям, Делу, которое гораздо больше его самого, как служение истине, добру и красоте.

Все, что он открыл, что приобрел в долгих творческих муках, хотел отдать другим. Уроки и открытия, сделанные в своей «школе», стремился сделать достоянием всех. И на склоне лет он снова повторит: «Смысл моей работы именно в ее внедрении в общетеатральную практику». А в одном из писем 1934 года признавался: «Я несчастный мученик, который много знает и чувствует себя обязанным передать другим то, что мне случайно удалось узнать... Мне не важна слава. Мне важны секреты, которые никто не согласится поведать. Знаменитые актеры обыкновенно хранят их для себя. Вот почему наше искусство топчется на месте. Я же хочу отдать все».

Чтобы передать, убедить, научить, внедрить, тоже нужен был труд... Работа, работа... Сначала, чтобы достичь высот мастерства, познать сокровенные законы творчества. Затем усилия — не менее тяжелые и изнурительные, — чтобы удержать взятую высоту. «Больше работать нельзя, чем я работаю... Я очень, очень устал. Я отказался от личной жизни. Моя жизнь проходит на репетиции, на спектакле, и, как сегодня, в свободный вечер, — я лежу, как будто после огромной работы, почти больной», — эти строки писалась в 1910-е годы, в разгар опытов по системе, в них нет преувеличения.

В ту же пору Станиславский говорил о совершенно особом положении Московского Художественного театра, который как бы стал пленником сценического максимализма, им же самим утвержденного на своих подмостках: «От каждой постановки

нашего театра требовали нового прозрения и новых открытий... Требования к нам были больше требований, предъявляемых к лучшим мировым субсидированным государственным театрам. Чтобы удержаться на завоеванной высоте, приходилось работать свыше сил, и эта чрезмерная работа довела одних из нас до сердечных и других болезней, других свела в могилу...»

В служении делу Станиславский не щадил себя. Многолетний изнурительный труд, нервное перенапряжение постепенно подточили и его организм. В 1929 году критик Л.Я. Гуревич писал: «Заботы, тревоги, неимоверный труд со слишком коротким для художника и неполным летним отдыхом подорвали за последние годы его физические силы, но не придавили его художественного гения и не убили в его сложной душе вечно молодого стремления вперед, к новым далям». Он щедро тратил свои талант, ум, нравственные и физические силы, но, быть может, больше всего свое сердце. Оно в конце концов и не выдержало. К концу 1920-х годов у него развилась тяжелая сердечная болезнь, которая с течением времени и стала причиной его смерти.

В 1928 г. на вечере, посвященном 30-летию МХАТа, у Станиславского случился тяжелейший инфаркт. Исследовательница его творчества Е.Полякова пишет, что последующие десять лет жизни художника «были действительно отвоены у смерти силой воли и разума». Ради театра, ради своих учеников, своих книг он стоически перемогал болезнь. Е.Полякова опубликовала заключение врачей после вскрытия: «Были найдены резко выраженные артериосклеротические изменения во всех сосудах организма, за исключением мозговых, которые не подверглись этому процессу».

Станиславский был отзывчив, добр, чуток к чужой беде и несчастью. Свои отношения с людьми он основывал на принципе, который явился краеугольным камнем его знаменитого труда «Этика»: «Думайте побольше о других и поменьше о себе. Заботьтесь об общем настроении и общем деле, тогда и вам будет хорошо».

Мнение о трудном характере Станиславского, о его «загадочности», его якобы одиночестве могло бытовать еще и в связи с такими чертами его личности, как требовательность и неотступность в достижении цели. Да, он был трудным человеком, трудным прежде всего для тех, кто искал легких путей на сцене или в жизни, для ленивых, капризных или чрезмерно честолюбивых и эгоцентричных людей. Часто трудным он был и для самого себя.

Известно, сколь тернистым и мучительным путем утверждалась его «система», его опыт, добытый многолетней лабораторной работой. По собственному его признанию, целые годы на всех репетициях, во всех комнатах, коридорах, гримборных, при встречах на улице он проповедовал свое новое кредо и... не

имел никакого успеха. Но Станиславский не был бы Станиславским, если бы позволил себе отступить или сдаться. Он упрямо стоял на своем. Чутьем гения он чувствовал, к каким важным сценическим тайнам он прикоснулся. И не отступил — прежде всего ради тех, кто тогда, на первых порах, отвернулся от него.

Можно только догадываться, какую драму пережил художник, приближавшийся к полувековому своему юбилею, уверенный в своих открытиях и вместе с тем отвергнутый коллегами, товарищами по сцене. Он потом откровенно (и как обычно — самокритично!) напишет об этой поре: «Упрямство все более и более делало меня непопулярным. Со мной работали неохотно, тянулись к другим. Между мной и труппой выросла стена. Целые годы я был в холодных отношениях с артистами, запирался в моей уборной, упрекал их в косности, рутине, неблагодарности, в неверности и измене и с еще большим ожесточением продолжал свои искания. Самолюбие, которое так легко овладевает актерами, пустило в мою душу тлетворный яд, от которого самые простые факты рисовались в моих глазах в утрированном, неправильном виде и еще более обостряли мое отношение к труппе. Артистам было трудно работать со мной, а мне — с ними».

Через тернии к звездам, — говорили древние. Станиславский победил неверие, равнодушие и противодействие, которые встречал и которым смело шел навстречу всю жизнь. Сегодня его имя светит самой яркой звездой на мировом театральном небосводе...

Он не только не избегал столкновений с противниками, споров, дискуссий, но иногда, казалось, словно бы сам искал их. Таков был его характер, его атакующая неотступность шла об руку со смелостью и мужеством. И конечно же, он любил театральный эксперимент, постоянно искал новых подходов. Красноречиво одно из его обращений к художнику А.Н. Бенуа, которого привлек к затейному им новому спектаклю: «Когда мы в театре идем слишком уж осторожно, бывает хорошо, но скучновато. Когда делаем смелые шаги и даже проваливаемся — всегда хорошо. Давайте — махнем!»

Станиславский был поразительно неутомимым человеком. Он и на старости лет считал, что только тот театр хорош, который спорит, бурлит, борется, побеждает или остается побежденным... В незаконченной статье к 40-летию МХАТ (всего за три месяца до кончины) маститый корифей, признанный апологет строгой научности, поднявший сцену на академическую высоту, с юношеской страстностью продолжал утверждать, что лучше всего, когда в искусстве живут полной жизнью, чего-то домогаются, что-то отстаивают, за что-то борются, спорят, побеждают или, напротив, остаются побежденными. Ведь только борьба создает победы и завоевания — кому как не ему знать

этот суровый (горечь неизбежных поражений) и прекрасный (что еще сравнится с радостью достигнутого в борьбе успеха!) закон. И потому хуже всего, когда в искусстве все спокойно, все налажено, определено, узаконено, не требует споров, борьбы, напряжения, а следовательно, и побед. Искусство и артисты, которые не идут вперед, тем самым пятятся назад.

В этих предсмертных раздумьях-напустствиях словно таилась подспудная тревога за судьбу нашего театра последующего этапа, где самыми пагубными для искусства стали чиновничья регламентация, бюрократическая опека и административный натиск, удушавшие творческую свободу и поиск.

И перед самой кончиной Станиславский работал, не думая о ней. Он верил, что смертью прерывается, но не завершается путь человека. В его книгах, поздних письмах, статьях встречаются изредка рассуждения о земных сроках, но почти нет мыслей о смерти — он просто не считал нужным сосредоточиваться на мыслях о ней.

Справедливо ли называть его скучным ментором, унылым пуристом, сухим догматиком, вздорным, капризным деспотом? Таким его пытались представить враги, которых имелось с избытком при жизни, не убавилось после смерти, да и в наше время число недругов великого художника (нередко в масках последователей) не иссякает.

Невероятная строгость и серьезность в нем сочетались с любовью к шутке, юмору, к радостям жизни (надо уточнить — к чистым радостям). Ученый, теоретик, дознавшийся до самых глубин духовной сущности искусства, соединился в нем с фантазером, выдумщиком, обожавшим «придумывать чертовщину», увлекавшимся фантастикой на сцене, мечтавшим на склоне лет о «потрясающей, оглушивающей, осеняющей неожиданности» на сцене, об игре, которая «прекрасна своим смелым пренебрежением к обычной красоте... своей смелой нелогичностью, ритмична аритмичностью, психологична своим отрицанием обычной, общепринятой психологии... сильна порывами... нарушает все обычные правила».

Он умел работать, умел и веселиться, и кутнуть иногда (все-таки из купцов ведь!), с азартом участвовал в театральных капустниках. В одном из писем к А.П. Чехову рассказывал, как после представления «Дяди Вани» все участники «кутили» в «Эрмитаже» и в кабаре у Ш.Омона: «У нас, в ложе, было очень весело, а на сцене скучно, так как было недостаточно неприличное... Но это — по праздникам. В каждодневном быту, в рабочую страду он целиком сосредоточивался на деле, отдавался профессии, которую любил самозабвенно. И вот тогда становился аскетом. Чистота, целомудренность, скромность его были залогом уважения к своему труду, «Пища нам *совершенно* безразлична. Спиртных напитков не употребляем *никаких* и *никогда*», — писал о своей семье тридцативосьмилетний Станис-

лавский (курсив Станиславского). Для него была аксиоматична несовместимость пьянства и художественного творчества.

В личной жизни, в бытовых отношениях проявлял благородную шепетильность, хранил чистоту. Чистота — во всех смыслах — для него была одной из главных нравственных ценностей. Женившись двадцати шести лет на Марии Петровне Перовшиковой (по сцене — Лилиной, будущей знаменитой артистке Художественного театра), имел счастливую семью, двоих детей. Дорожил своим семейным очагом, сердечные чувства и большая дружба связывали Константина Сергеевича с женой до самой кончины. Главный труд Станиславского «Работа актера над собой», опубликованный уже после смерти его создателя, предваряли строки: «Посвящаю свой труд моей лучшей ученице, любимой артистке и неизменно преданной помощнице во всех моих театральных исканиях Марии Петровне Лилиной».

К другим женщинам Станиславский относился настороженно и не без некоторого предубеждения. Однажды заметил, коснувшись «женской темы»: «В этом отношении я эгоист. Еще увлечешься, бросишь жену, детей». Он не был моралистом, но к распутству относился нетерпимо; адюльтер, пошлые романы всегда возмущали его. Как режиссер и педагог он увлекался дарованиями некоторых актрис, но со временем как бы изверился в них, мог в сердцах воскликнуть: «Они все меня обманули... Женщина не может быть художником, она любит не искусство, а себя в искусстве, она несерьезна».

Многоопытный, проницательный мыслитель, он знал, как опасен для человека путь уступок соблазнам, которыми так богата дорога жизни. И как важно «очищение от искушений». Со свойственным ему исследовательским педантизмом Станиславский составлял перечни соблазнов и искушений, которые сбивают художника с пути, разрушают его личность. Вот некоторые пункты из его «кодекса предостережений»: «Слава и популярность принимаются за талант. Как следствие — подражание не таланту (которому нельзя подражать), а другим сторонам, то есть самоуверенности, апломбу, презрению к другим, позе знаменитости, нередко раздутой... Увлечение ложно понятой свободой... Ложное направление творчества в сторону успеха, а не в интересах чистого искусства... Увлечение популярностью... погоня за нею, карточки, реклама, рецензии... необходимость лести, общения и успеха, нетерпимость к чужому мнению и критике... Распушенность, карты, пьянство, женщины, нажива (оценка себя на деньги из тщеславия)... измена всем этическим правилам, которые якобы сковывают свободу творчества, а в действительности мешают самопоклонению и заставляют работать... Разочарование в публике и отъезд за границу, мечты о всемирной славе или необычном успехе преступными для искусства средствами».

Нравственная сторона была для Станиславского на первом плане и в его отношении к деньгам. Напомним, что с возник-

новения МХТ Станиславский (так же, как и его жена Лилина) отказался от жалованья — они трудились на сцене безвозмездно. Унаследовав богатое состояние, он значительную часть его истратил на создание и финансирование своего главного детища — Художественного театра. Вплоть до Октябрьской революции оставался владельцем и руководителем фамильной фабрики, не уклоняясь от своих коммерчески-административных обязанностей.

В строго сословном, так сказать, в классовом смысле слова он являлся капиталистом, «барином». Но абсурдность классовой оценки, взятой изолированно от других, показывает не только судьба и общественная роль К.С. Станиславского: этот «барин» всегда ощущал свои родовые корни и, как истинный патриот, проверял, корректировал линию собственной жизни общенародной точкой зрения. Когда Станиславский ставил толстовские «Плоды просвещения», он как режиссер стремился, чтобы исполнитель каждой роли «стал на сторону мужика и оттуда посмотрел на барина», чтобы актеры не комиковали, а передали тоску мужиков по земле... Задумывая вместе с В.И. Немировичем-Данченко Московский Художественный театр, он хотел создать именно «народный театр» (по тактическим соображениям при его открытии театр был назван «общедоступным», т.к. репертуар «народных» театров тогда имел дополнительные цензурные ограничения).

Когда в правлении на его фабрике возник конфликт, Станиславский, не колеблясь, отклонил сомнительного свойства компромисс: «Я отказался и от невероятных доходов и от жалованья. Это, правда, бьет по карману, но не марает душу». И можно ли усомниться, что таков был обычный выбор капиталиста К.С. Алексеева, на сцене — Станиславского? Когда после революции национализировали его предприятие, он почти с легкостью отрешился и от своего капитала, и от фабричных забот.

Его глубоко волновала проблема преемственности поколений. Он всегда с душевной заботой тревожился о судьбах, положении, здоровье знаменитых мхатовских «стариков», с которыми начинал. Но едва ли не с большей страстью, с какой-то азартной увлеченностью интересовался молодежью, тянулся к ней, стремясь научить, передать накопленное, уберечь от ложных путей и ошибок.

Педагогические заветы Станиславского обращены к людям, вступающим на театральную дорогу. Но, думается, мудрость и глубина их столь велики, что имеют они значение универсальное. Разве не для всех профессий важно как можно ранее, «вовремя познать **свое** призвание»?.. Познать и, что самое трудное и ответственное, — развернуть, взрастить, умело применить свои способности. Конечно, здесь значительна роль воспитателей, наставников, учителей. Все так, но нельзя утверждать, чтобы она, эта роль, была сама по себе достаточной или незаменимой

(вспомним: сам Станиславский не имел прямых учителей в сценическом деле). И почти все педагогические заметки корифея пронизаны страстным пафосом личной, индивидуальной работы над собой.

Самоизучение, самокритика, самовоспитание, самообразование — вот девиз его школы! Все это проверено и на самом себе. Вот почему так необходимы молодому человеку, кроме таланта, еще и развитой ум, и знания, и, в особенности, сила воли. Вступающему на поприще — только ли артистическое? — если он хочет достичь высоких результатов, предстоит огромная, сложная внутренняя работа, своего рода духовный подвиг. И ее не заменят никакие лекции или учебники. Только постоянный, методичный, упорный, с жертвами и мучениями, не знающий уступок легкомысленным удовольствиям личный труд... Только сосредоточенное усилие, только твердая, мужская, без пощады к себе воля, строгая самодисциплина могут обеспечить расцвет природного таланта и дать человеку ни с чем не сравнимую радость творчества, открывающего людям свет и правду окружающего мира. К этому художник звал молодых и примером собственной жизни!

Поняв общественное положение своей будущей профессии и оценив пригодность своих данных, начинающий артист должен «энергично приступить к самообразованию и самоусовершенствованию» — так писал Станиславский в заметках о том, что надо знать молодым артистам. Но что же будет источником сил в предстоящей суровой, напряженной борьбе начинающего свой духовный подъем новичка? Где черпать энергию? Каковы главные стимулы, которые бы помогали одолевать неизбежные усталость, неудачи, разочарования?..

Ответ Станиславского отчетлив и неоспоримо убедителен, — кроме тщательно проверенных способностей, кроме дарования, не менее важна «беспредельная любовь, не требующая никаких наград, а лишь пребывания в артистической атмосфере», самоотреченное отношение к профессии, к искусству. «Избави бог идти на сцену без этих условий», — прибавлял артист.

Пример фанатичного отношения к избранному поприщу являл сам Станиславский. Его пылкие признания в любви к сцене можно сравнить с неистовыми восторгами В.Г. Белинского, видевшего в театре храм искусства, в котором открывается весь мир, вся вселенная со всем их разнообразием и великолепием.

Станиславский изведal все муки и наслаждения жреца Мельпомены: «Театр! Для артиста это совсем иное, важное слово. Театр — это большая семья, с которой живешь душа в душу или ссоришься на жизнь и на смерть. Театр — это любимая женщина, то капризная, злая, уродливая и эгоистичная, то обаятельная, ласковая, щедрая и красивая. Театр — это любимый ребенок, бессознательно жестокий и наивно прелестный. Он кап-

ризно требует всего, и нет сил отказать ему ни в чем. Театр — это вторая родина, которая кормит и высасывает силы. Театр — это источник душевных мук и неведомых радостей. Театр — это воздух и вино, которыми надо почаще дышать и опьяняться. Тот, кто почувствует этот восторженный пафос, — не избежит театра, кто отнесется к нему равнодушно, — пусть остережется красивого и жестокого искусства».

Взгляды Станиславского-педагога отразились и в его письмах к собственным детям. Он всячески стремился побуждать сына и дочь к нравственным усилиям над собой — ведь помимо учебы и знаний «надо еще быть хорошо воспитанным человеком». Что это означало? В письме с гастролей к семилетнему сыну Игорю Константин Сергеевич разъяснял: «Хорошо воспитанный это тот, кто умеет жить с другими людьми, умеет с ними хорошо ладить, кто умеет быть внимательным, ласковым, добрым, кто умеет заставить уважать и любить себя, у кого простые и хорошие манеры. Кто не позволяет обидеть себя и других, но и сам никого не обидит без причины...»

За свою жизнь Станиславскому пришлось пережить немало разочарований, горьких, драматических событий, нравственных потрясений, острейших столкновений и ударов судьбы. Сомнения, тоска и даже отчаяние, как мы уже говорили, не раз посещали его. Zenит его деятельности пришелся на эпоху гигантских общественных катаклизмов, непримиримой борьбы полярных духовных и социальных сил. Заново проходили жестоко проверку ценности добра, правды, свободы, красоты.

Но каковы бы ни были трудности и страдания, бездны и вершины внутреннего и внешнего пути художника, сколь бы нестерпимой ни была боль его сердца, они не надломили его, не затемнили его души. Станиславский всегда оставался на редкость просветленным человеком, столь же светоносным был и его гений. Он принимал мир и человека, верил в них, стремился во всем отыскивать свет и утверждающие, жизнестроительные начала — такова доминанта его мироотношения. Вот чем он притягивал и увлекал людей. Станиславский пронзительно чувствовал изначальную, неистребимую светоносность живой природы, ее богатство и силу и неукоснительно призывал следовать ей. Этому он учил других, в том числе и своих детей.

В одном из писем жене Станиславский радовался тому, что сын-подросток, за развитием которого внимательно следил, «заинтересовался тем, что красиво и интересно, а не ударился в критику, пусть приучается искать в жизни хорошее, а не скверное, пусть приучается хвалить, а не ругать». Несколькими годами позднее Константин Сергеевич, встревоженный декадентскими настроениями сына, внушал ему, что недопустимо «розовые годы» тратить на «мрачные стороны жизни» и призывал: «Гони же мрак и ищи света. Он разлит всюду. Научайся же находить его». Отец предостерегал детей от соблазнов ложно поня-

той свободы. Ему хотелось воспитать сына человеком, который воспринимал бы свободу и самостоятельность «не с внешней — глупой и эгоистичной стороны (что так часто бывает в молодых годах), а с другой — важной, внутренней, альтруистической стороны». Станиславский был неколебимо убежден: «Чтобы быть свободным, надо заботиться о свободе другого».

Личные идеалы художник не отделял от своего искусства. Он строил театр, в котором раскрывалась в высокохудожественной форме большая жизнь человеческого духа, а актер выступал в роли не лицедея, развлекающего публику, а проповедника добра и красоты. Традиционные для русского искусства человеколюбие и правдоискательство нашли развернутое воплощение в творчестве Станиславского, в его ролях, постановках, теоретических и литературных трудах. Его привлекали жизнетворческие, созидательные возможности сцены, которая должна стать кафедрой народного воспитания и просвещения, рупором правды и больших идей, школой нравственности. В этом смысле он подхватывал и развивал национальную традицию, отраженную во взглядах на театр Н.В. Гоголя, М.С. Щепкина, А.Н. Островского, А.И. Герцена, Л.Н. Толстого.

Станиславский сознавал, что своеобразие русского театра определялось общекультурной национальной традицией: на подмостках отечественной сцены торжествовало искусство, которое пренебрегало фантазмагорией маскарадности, узорчатостью, изысканностью игры, звонами шутовских бубенцов, пряностями и чарами театральности. Цель, смысл и поэзия творчества виделись в ином. Канон древних определял прекрасное как блеск истины. Русская традиция, чуткая к задушевности, сердечности, утверждала красоту, которая, как заметил Пушкин, должна быть еще и блеском добра, добром в действии. На этом направлении Станиславский и стремился обновить русскую сцену, осуществить на подмостках Художественного театра реформу общемирового значения, которая означала еще один мощный прорыв в пространство сценического реализма, в глубины художественной правды и «жизни человеческого духа».

Театр был для Станиславского великой школой нравственных чувств. Он знал цену гражданского и нравственного сочувствия, со-переживания. Развивая отечественную традицию, он прямо назвал ее «искусством переживания». Утверждая, что ценность художественного произведения определяется его духовным содержанием, великий реформатор полагал, что полноценно выявить, воплотить его способно только творчество, опирающееся на принцип естественного переживания, на живую природу человека. Не только раскрыть внутренний мир героя, но и увлечь им. Из пушкинского стихотворения «Пророк», над которым Станиславский много размышлял, ему, вероятно, была особенно близка строка — «глаголом жги с е р д ц а людей» (разрядка моя. — М.Л.). Язык сценической эстетики художни-

ка — язык сердца. Отстаивая реализм, правду чувств, живого человека как основу национального русского искусства, Станиславский стремился вернуть театру живую психологию и простую речь, искал театральность драматических произведений не в искусственных преувеличениях формы, а в скрытом, внутреннем, психологическом движении. Именно так он ставил А.П. Чехова, М.Горького, Л.Н. Толстого и других авторов.

Станиславский не раз повторял, что он ничего не смыслит в политике. Точнее будет сказать, что он ничего не понимал в политиканстве и демагогии, которые страстно ненавидел и презирал. Но вся его деятельность, порой камерные, интимные как будто спектакли были пронизаны социальными токами, в них слышались пульс большой жизни страны, «драма современной русской жизни». Создавая спектакль «Дядя Ваня», в бытовом, житейском, будничном течении его жизни Станиславский видел большие вопросы «неустроенной России». Постановщика чеховской пьесы волновало желание «призвать к кормилу власти настоящих работников и тружеников, прозябающих в глуши, и посадить их на высокие посты вместо бездарных, хотя и знаменитых Серебряковых». «Расширять сценическую картину до картины эпохи» — таков один из главных канонов Станиславского в подходе к театральному воплощению жизни. Призывая художников театра к реализму и широким обобщениям, он сам стремился к этому, начиная с первого спектакля МХТ «Царь Федор Иоаннович». Посмотрев «сцену на Яузе» в «Царе Федоре...», когда народ бросался отбивать ведомых в тюрьму Ивана Петровича Шуйского и его соратников и вспыхивал бунт, известный историк В.О. Ключевский заметил: «До сих пор я знал по летописям, как оканчивается русский бунт, теперь я знаю, как он начинается».

Да, он много сил отдал «почве искусства». Но посев и жатва виделись ему за его пределами. Станиславский усматривал сверхзадачу эстетического творчества в содействии духовному обновлению мира, в борьбе за «очищение души человечества», в воспитании у людей стремления «жить лучшими чувствами и помыслами души».

В эпоху, когда, как писал Станиславский, «кинематограф и зрелищный, забавляющий, постановочный спектакль забивают театр и его подлинное искусство» (в наши дни этот натиск обрел удесяттеренную силу), режиссер ратовал за «другой», идейный театр, который нужен человечеству для самых высоких целей — создавать подлинную жизнь человеческого духа на сцене, «согреть душу простого зрителя», но одновременно показывать и «душу целого народа».

Споры о Станиславском. Легенды о нем. Восхищенные голоса учеников и последователей. Ирония и юмор «Театрального романа» М.А. Булгакова, где актер выведен под именем Ивана Васильевича. Наскоки противников и злое шипение жажду-

щих поставить «искусственно раздутую» фигуру на место. Громкие вскрики и ироничные колкости по адресу современных «ретроградов», не желающих понять, что обретения Станиславского — «вчерашний день театра»... Нет, полемика эта не иссякает, а в последние десятилетия приобрела особую накаленность, как, впрочем, и в связи с другими пластами русского культурного наследия. Но вопреки натиску ниспровергателей Станиславский живет и продолжает бороться, помогая отстаивать и утверждать на современной сцене идеалы, которым посвятил свою жизнь.

Знаменитый реформатор сцены. Выдающийся артист, режиссер и теоретик. Организатор Московского Художественного театра, снискавшего мировую славу. Создатель универсальной системы воспитания актера. Авторитетный педагог, незаурядный литератор... Таковы очевидные заслуги замечательного сына России. Свой идеал он исполнил на самом себе. Много ли найдется в России XX века деятелей, которые бы с таким упорством, с такой нравственной силой и бескомпромиссностью послужили Родине, как служил ей замечательный реформатор?!

В неотступном, неутомимом, бесстрашном и мужественном служении благородным объединительным целям заключалась великая историческая миссия Станиславского.

Начав задуманное Дело едва ли не в одиночку, с небольшой группой соратников, Станиславский в конце концов собрал под свои знамена массы единомышленников и последователей. Его собирательная энергия одержала победу чрезвычайного значения. Его искусство, его идеи, как мощный колокол, сзывали разных людей к общенациональному (и общечеловеческому!) единству на основе высочайших гражданских, нравственных, эстетических идеалов, завещанных ему великой русской культурой.

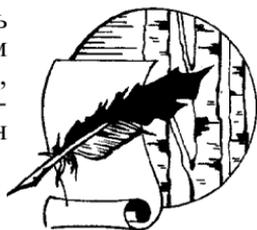
ПАМЯТЬ

В марте 2013 года писателю Владимиру Алексеевичу Чивилихину (1928—1984), лауреату Государственных премий СССР, РСФСР и премии Ленинского комсомола исполнилось бы 85 лет.

Предлагаем читателям отрывок из романа-эссе В.А. Чивилихина «Память».

Дорога на Козельск. Подходил сентябрь, и осень следовала за нами по пятам. В зеркальце было видно, как жухлая трава на обочинах тянулась серыми нитями, вихрился за багажником желтый лист, а спереди наплывали темные вислые тучи. Не сегодня завтра заждит, а мне надо побывать на водоразделе за Жиздрой, проехать к нескольким деревенькам, если они еще стоят в целости и сохранили хотя бы остатки того, на что я должен взглянуть. Что за дороги окрест Козельска, могут ли они сносить дожди? И главное, приоткроет ли этот городок свою тайну семивековой давности?..

Дорога вдруг перестала замечаться, мои вопросы уплыли куда-то назад — вспомнилось о Гоголе, о том, как он в сентябре 1851 года, за несколько месяцев до смерти, последний раз проезжал здесь в смятении духа, сомневаясь, правильно ли поступил, сев в эту коляску, и не зная, ехать ли за Козельск дальше, на родную Украину, или воротиться назад в Москву, и вообще, что ему делать и как жить, ежели жить... Перед отъездом на свадьбу сестры Гоголь сообщил матери, что нервы его «расколебались от нерешительности, ехать или не ехать», и что он

испытывает беспокойство, волнение, и виною этого он сам, так как «всегда мы сами бываем творцы своего беспокойства, — именно оттого, что слишком много цены даем мелочным, нестоящим вещам».

Калугу он с грустью проехал мимо. Издали она уже не показалась ему похожей на Константинополь — солнца не было на небе, низкие серые тучи мели серый город мокрыми хвостами, и в нем не жила теперь та женщина, с коей связывалось, о боже, столько воспоминаний и переживаний!..

Пятнадцать с лишком лет назад на первом представлении «Ревизора», выйдя на сцену, он вроде бы увидел, как она смеялась и рукоплескала в партере, несколько не по-светски хватала руки мужа и хлопала ими... До репетиций Гоголь опробовал комедию в кругу самых близких друзей. В январе 1836 года В. Жуковский, подписавшись своей кличкой «Бык», сообщил Александре Смирновой: «...В воскресенье буду к вам обедать. Но вот предложение: вам хотелось слышать Гоголеву комедию. Хотите, чтобы я к вам привез Гоголя? Он бы почитал после обеда...» Записка В. Жуковского, напечатанная в «Русском архиве» за 1883 год, свидетельствует, возможно, о первом доцензурном, для самого узкого круга, чтении «Ревизора», хотя издавна считается, что первое обнаружение комедии состоялось на традиционном субботнем вечере 18 января 1836 года у В. Жуковского в присутствии А. Пушкина и П. Вяземского, написавшего об этом и позже, — о сценическом ее успехе: «Ревизор» имел полный успех на сцене: общее внимание зрителей — рукоплескания, задушевный и единогласный хохот, вызов автора после двух первых представлений, жадность публики к последовавшим представлениям и, что всего важнее, живой отголосок ее, раздававшийся после в повсеместных разговорах, — ни в чем не было недостатка».

Великая комедия, однако, разделила петербургскую публику. Воспоминатели зафиксировали немало безымянных суждений вроде: «Как будто есть такой город в России»; «Как не представить хоть одного честного, порядочного человека?»; «Да! нас таких нет!»; «Он зажатый! Он бунтовщик!»; «Это — невозможно, клевета и фарс».

История сохранила и, так сказать, персональные мнения.

Николай I, император: «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне — более всех!»

Кукольник, поэт: «А все-таки это фарс, недостойный искусства».

Канкрин, граф, министр финансов: «Стоило ли ехать смотреть эту глупую фарсу».

Лажечников, писатель: «Высоко уважаю талант автора „Старосветских помещиков“ и „Бульбы“, но не дам гроша за то, чтобы написать „Ревизора“».

Вигель, тайный советник, директор департамента: «Я знаю г. автора „Ревизора“ — это юная Россия, во всей ее наглости и цинизме».

Барон Розен, поэт и драматург, гордился тем, что, когда Гоголь на вечере у Жуковского в первый раз прочел своего «Ревизора», он «один из всех присутствующих не показал автору ни малейшего одобрения и даже ни разу не улыбнулся, и сожалел о Пушкине, который увлекся этим оскорбительным для искусства фарсом и во все время чтения катался от смеха». А московские разнотолки сардонически подытожил знаменитый оригинал граф Федор Толстой-«Американец», заявив, что автор «Ревизора» — враг России и его следует в кандалах отправить в Сибирь...

Тоголь с его обостренной мнительностью преувеличивал число и значение недобрых отзывов: «Господи боже! — вырвалось у него однажды. — Ну, если бы один, два ругали, ну, и бог с ними, а то все, все...» Его объяли тоска и бессильная злость. «Я был сердит и на зрителей, меня не понявших, и на себя самого, бывшего виной тому, что меня не поняли. Мне хотелось убежать от всего».

Друзья поддерживали его в беседах и письмах, а в общении друг с другом вырабатывали тот взгляд на талант Гоголя, коему суждено было выдержать неподкупный суд времени. Весной 1836 года Александра Смирнова получила первый номер пушкинского «Современника», где были напечатаны гоголевские «Коляска» и «Утро делового человека», и написала П. Вяземскому: «...Я его вкушаю с чувством и расстановкой, разом проглотив «Чиновников» и «Коляску» Гоголя, смеясь, как редко смеются, а я никогда...» Александра Смирнова не предполагала, что «маленькое сокровище», как назвала она Гоголя в том же письме, скоро найдет ее вдали от родины...

А для Гоголя открылась новая полоса жизни — начались его долгие скитания по белу свету. Гамбург, Бремен, Мюнстер, Аахен, Майнц, Франкфурт, Баден-Баден, Берн, Лозанна, Женева, Ферней, Веве.

В Жуковскому: «...Я принялся за «Мертвые души», которых было начал в Петербурге. Все начатое я переделал вновь. Обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись... Если совершу это творение так, как нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет. Какая разнообразная куча. Вся Русь явится в нем. Это будет первая моя поряточная вещь — вещь, которая вознесет мое имя...»

Александра Смирнова: «В 1837 году я провела зиму в Париже... В конце зимы был Гоголь с приятелем своим Данилевским. Он был у нас раза три один, и мы уже обходились с ним как с человеком очень знакомым... Мы читали с восторгом «Вечера на хуторе близ Диканьки», и они меня так живо перенесли в великолепную Малороссию. Оставив еще в детстве этот край, я с необыкновенным чувством прислушивалась ко всему тому, что его напоминало, а «Вечера на хуторе» так ею и дышат. С ним тогда я обыкновенно заводила речь о высоком крыльце и бурь-

яне, о белых журавлях на красных лапках, которые по вечерам прилетают на кровлю знакомых хат, о галушках и варениках, о сереньком дымке, который легко струится и выходит из труб каждой хаты; пела ему «ой, не ходы, Грицю, на вечернышы».

В ту зиму Гоголю хорошо работалось. Переписывались набело глава за главою, роман-поэма приобретала стройность, общее звучание. И вдруг страшное, роковое известие — убит Пушкин!

Андрей Карамзин — матери: «У Смирновых обедал Гоголь: трогательно и жалко смотреть, как на этого человека подействовало известие о смерти Пушкина. Он совсем с тех пор не свой. Бросил то, что писал, и с тоской думает о возвращении в Петербург, который опустел для него».

Гоголь — Плетневу: «Никакой вести хуже нельзя было получить из России. Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без его совета. Ни одна строка не писалась без того, чтобы я не воображал его перед собою. Что скажет он, что заметит он, чему посмеется, чему изречет неразрушимое и вечное одобрение свое — вот что меня только занимало и одушевляло мои силы... Нынешний труд мой, внушенный им, его создание... я не в силах продолжать. Несколько раз принимался я за перо — и перо падало из рук моих. Невыразимая тоска».

Он не поехал в Петербург, вдруг опустевший, направился в Рим, надеясь там, в «вечном городе», найти силы для продолжения жизни и творчества.

Гоголь — Погодину: «Когда я творил, я видел перед собой только Пушкина... И теперешний труд мой есть его создание. Он взял с меня клятву, чтобы я писал, и ни одна строчка не писалась без того, чтобы он не являлся в то время очам моим. Я тешил себя мыслью, как будет доволен он, угадывал, что будет нравиться ему, и это было моею высшею и первою наградою. Теперь этой награды впереди нет! Что труд мой? Что теперь жизнь моя? Ты приглашаешь меня ехать к вам. Для чего? Не для того ли, чтоб повторить вечную участь поэтов на родине?.. Для чего я приеду? Не видал я разве дорогого сборища наших просвещенных невежд? Или я не знаю, что такое советник, начинающая от титулярных до действительных тайных? Ты пишешь, что все люди, даже холодные, были тронуты этой потерей. А что эти люди готовы были делать ему при жизни? Разве я не был свидетелем горьких, горьких минут, которые приходилось чувствовать Пушкину?..»

По воспоминаниям русских художников, живших в Риме, Гоголь часто уходил из города, часами лежал на траве, слушая пение птиц, и, так и не сказав спутникам ни слова, возвращался...

С.Т. Аксаков: «Из писем самого Гоголя известно, каким громовым ударом была для него эта потеря. Гоголь сделался болен и духом, и телом. Я прибавлю, что, по моему мнению, он уже

никогда не выздоравливал совершенно и что смерть Пушкина была одною из причин всех болезненных явлений его духа, вследствие которых он задавал себе неразрешимые вопросы, на которые великий талант его, изнеможенный борьбою с направлением отшельника, не мог дать удовлетворительных ответов».

«Одною из причин...» Да, были и другие. Как известно, Пушкин, оставивший своему народу и всему человечеству бесмертные тома, ценность которых никогда не поддастся исчислению — так она велика, умер бы со своим семейством с голоду, если б не делал долгов. Только предьявленный после его смерти суммарный кредиторский счет составил сто тысяч рублей. Гоголь приехал в Рим с двумястами франков в кармане, скоро у него не осталось ни гроша. Занять было не у кого, друзья-художники сами нищенствовали.

Гоголь — Жуковскому: «...Меня страшит мое будущее... Я начинаю верить тому, что прежде считал басней, что писатели в наше время могут умирать с голоду...»

Неизвестно, знал ли Гоголь о том, что пушкинские долги были по разрешению царя погашены казною, но он был вынужден униженно запросить Жуковского о возможности получения казенного же вспомоществования и вскоре получил от монарших щедрот вексель на пять тысяч рублей...

Александра Смирнова: «Лето 1837 года я провела в Бадене, и Гоголь приехал не лечиться, но пил по утрам холодную воду в Лихтентальской аллее. Мы встречались почти каждое утро. Он ходил или, лучше сказать, бродил один, потому что иногда был на дорожке, а чаще гулял зигзагами по лугу у Стефани-бад. Часто он так был задумчив, что я долго, долго его звала; обыкновенно он отказывался со мною гулять, приводя самые странные причины. Его, кроме Карамзина, из русских никто не знал, и один господин высшего круга мне сказал, встретив меня с ним: «Вы гуляете с каким-то Гоголем, человеком очень дурного тона...»

Гоголь был нездоров и физически. У него издавна не ладилось с желудком и кишечником, он, быть может, страдал, говоря по-современному, колитом, гастритом, язвенной болезнью или комплексом хронических болячек, связанных с плохим питанием, индивидуальной природной организацией психики, истощением нервной системы. Силы его подрывал непрерывный и тяжкий труд. Не дошедшие до нас юношеские повести, трагедии, стихи, сатиры, потом «Италия», «Ганц Кюхельгартен», «Басаврюк», «Учитель», «Женщина», «Страшный кабан», «Гетьман», «Вечера на хуторе...», «Альфред», исторические сочинения, «Миргород», «Арабески», «Коляска», «Нос», «Утро делового человека», «Шинель», «Тяжба», отрывок «Лакейская», «Владимир 3-ей степени», другие неоконченные пьесы и драмы, первая редакция «Тараса Бульбы», «Женитьба», «Ревизор». Попутно со всем этим — трудные статьи, длинные

письма, разнообразные встречи и знакомства, лекции с профессорской кафедры и, наконец, «Мертвые души», которые уже просились в свет первыми главами...

Александра Смирнова: «В июне месяце он вдруг предложил собраться и объявил, что пишет роман «Мертвые Души» и хочет прочесть нам две первые главы. Андрей Карамзин, граф Лев Сологуб, В.П. Платонов и нас двое условились собраться в семь часов вечера. День был знойный. Около седьмого часа мы сели кругом стола. Гоголь взошел, говоря, что будет гроза, что он это чувствует, но, несмотря на это, вытащил из кармана тетрадку в четверть листа и начал первую главу. Надобно было затворить окна. Хлынул такой дождь, какого никто не запомнил. В одну минуту пейзаж переменился: с гор полились потоки, против нашего дома образовалась каскада с пригорка, а мутная Мур бесилась, рвалась из берегов. Гоголь посматривал сквозь стекла и сперва казался смущенным, но потом успокоился и продолжал чтение. Мы были в восторге, хотя было что-то *странное* (курсив мой. — В.Ч.) в душе каждого из нас».

Однажды они съездили из Бадена в Страсбург. У знаменитого собора он быстро скопировал на бумагу сложные орнаменты над готическими колоннами.

— Как хорошо вы рисуете! — воскликнула она.

— А вы этого и не знали? — спросил Гоголь.

Вскоре он принес ей изящный, сделанный тонким пером эскиз части собора. Она залюбовалась им, но Гоголь сказал, что нарисует для нее что-нибудь получше этого, и разорвал лист на мелкие клочки...

В Баден-Бадене Гоголя снова настигло безденежье. «Я совсем прожился», — пишет он в июле одному петербургскому другу и просит займы полторы тысячи в надежде на новую «крупную вещь», которую он собрался печатать в начале следующего года.

Александра Смирнова: «В половине августа мы оставили Баден-Баден, и Гоголь с другими русскими проводил нас до Карлсруэ, где ночевал с мужем в одной комнате и был болен всю ночь, жестоко страдая желудком и бессонницей».

«Мертвые души» не появились ни через обещанные полгода, ни через год, ни через три. Чтобы реализовать свой талант и знание жизни в художественном произведении, даже гению нужно телесное и душевное здоровье, а их у Гоголя не было; чтобы работалось, нужно было лечиться и отдыхать, но для этого требовались деньги, которых тоже не было, а чтобы их достать в долг или хотя бы взамен денег — прокормиться какой-то срок, надо было писать длинные объяснительные, просительные письма, общаться с влиятельными и имущими и для этого ездить, разрушая здоровье, так нужное для того, чтобы работать в зыбкой надежде обеспечить свое существование; дьявольский круг! Годы, города и страны мелькали с ка-

лейдоскопической быстротой и пестротой: 1837-й — Рим, Баден-Баден, Женева, Рим; 1838-й — Рим, Неаполь, Париж, Генуя, Рим; 1839-й — Марсель, Мариенбад, Вена, Москва, Петербург, снова Москва; 1840-й — Вена, Венеция, Рим; 1841-й — Италия, Германия, Россия...

В Петербурге Гоголь навестил Александру Смирнову в ее доме на Мойке. «Мертвые души» были готовы, но Гоголь не стал ничего из них читать, надеялся быстро напечатать поэму в Петербурге, однако почему-то переменял решение и увез рукопись в Москву. На ней, родившейся так трудно, сходились все его надежды, в том числе и материальные — он был в долгу, как в шелку, рассчитываясь с долгами долгами же. Полторы тысячи рублей Прокоповичу, долг княжне Репниной и большой суммарный долг по реестру 1838 года, выданному Шевыреву, тысяча Плетневу, под гарантийное письмо Погодина две тысячи рублей банкиру Валентини, две тысячи франков с бесчисленными добавками в рублях Погодину же, две тысячи рублей петербургскому откупщику Бернардаки, четыре тысячи Жуковскому, который занял их для этой цели у наследника престола; не раз одалживался, наверное, Гоголь у З. Волконской, С. Аксакова, Виельгорских и так далее, причем итоговый долг лишь редактору «Москвитянина» Погодину к 1842 году составил шесть тысяч рублей...

И вот «Мертвые души» — не только высшее творческое самовыражение писателя, но и средство выпутаться наконец-то из мрежей давних и унизительных долгов, подлечиться и отдохнуть.

Начался новый, 1842 год...

Гоголь — Плетневу: «Расстроенный духом и телом пишу к вам. Сильно хотел бы я теперь в Петербург; мне это нужно, я это знаю и при всем том не могу. Никогда так не в пору не подвернулась ко мне болезнь. Припадки ее приняли теперь такие странные образы... Но бог с ними! Не о болезни, а об цензуре я теперь должен говорить...

Удар для меня никак не ожидаемый: запрещают мою рукопись... Обвинения, все без исключения, были комедия в высшей степени...»

«Цензоры-азиатцы», как назвал их в этом же письме Гоголь, завязав «разговор единственный в мире», предъявили «Мертвым душам» и их автору следующие претензии:

— «Мертвые души»? — закричал председатель цензорского комитета. — Нет, этого я никогда не позволю: душа бывает бессмертна; мертвой души не может быть, автор вооружается против бессмертья.

— Ах, имеются в виду ревизские души? — разобрались цензоры. — Этого и подавно нельзя позволить... Это значит против крепостного права.

— Предприятие Чичикова есть уже уголовное преступление... И пойдут другие брать пример и покупать мертвые души.

— Что вы ни говорите, а цена, которую дает Чичиков, цена два с полтиною, возмущает душу. Человеческое чувство вопиет против этого, хотя, конечно, эта цена дается только за одно имя, написанное на бумаге, но все же это имя — душа, душа человеческая; она жила, существовала. Этого ни во Франции, ни в Англии и нигде нельзя позволить. Да после этого ни один иностранец к нам не придет!

— У него там один помещик разоряется, обставляя дом в Москве в модном вкусе... Да и государь строит в Москве дворец! Вот вам вся история...

«У меня, вы сами знаете, все мои средства и все мое существование заключены в моей поэме. Дело клонится к тому, чтобы вырвать у меня последний кусок хлеба, выработанный семью годами самоотверженья, отчуждения от мира и всех его выгод. Другого я ничего не могу предпринять для моего существования. Усиливающееся болезненное мое расположение и недуги лишают меня даже возможности продолжать далее начатый труд. Светлых минут у меня нет много, а теперь просто отымаются руки. Но что я пишу вам, я думаю, вы не разберете вовсе моей руки...»

Гоголь не в силах был продолжать — в комнате становилось холодно, в душе еще холодней. Заледеневшие окна почти не пропускали света, и свеча на столе догорала. Ему показалось, что пишет он совсем не то, что надо, и не тому, кому сейчас надо... Ректор Петербургского университета был образованным и влиятельным человеком, однако не лучше ли вначале написать той, что туманно являлась вдруг перед глазами, когда он их устало закрывал?.. И надобно прежде спуститься вниз, чтобы взять свечей и велеть истопнику пораньше затопить печи — ночь, видно, будет морозной и ветреной, и он только позавтракал сегодня, хотя есть почему-то совсем не хотелось, да и денег не было даже истопнику на водку..